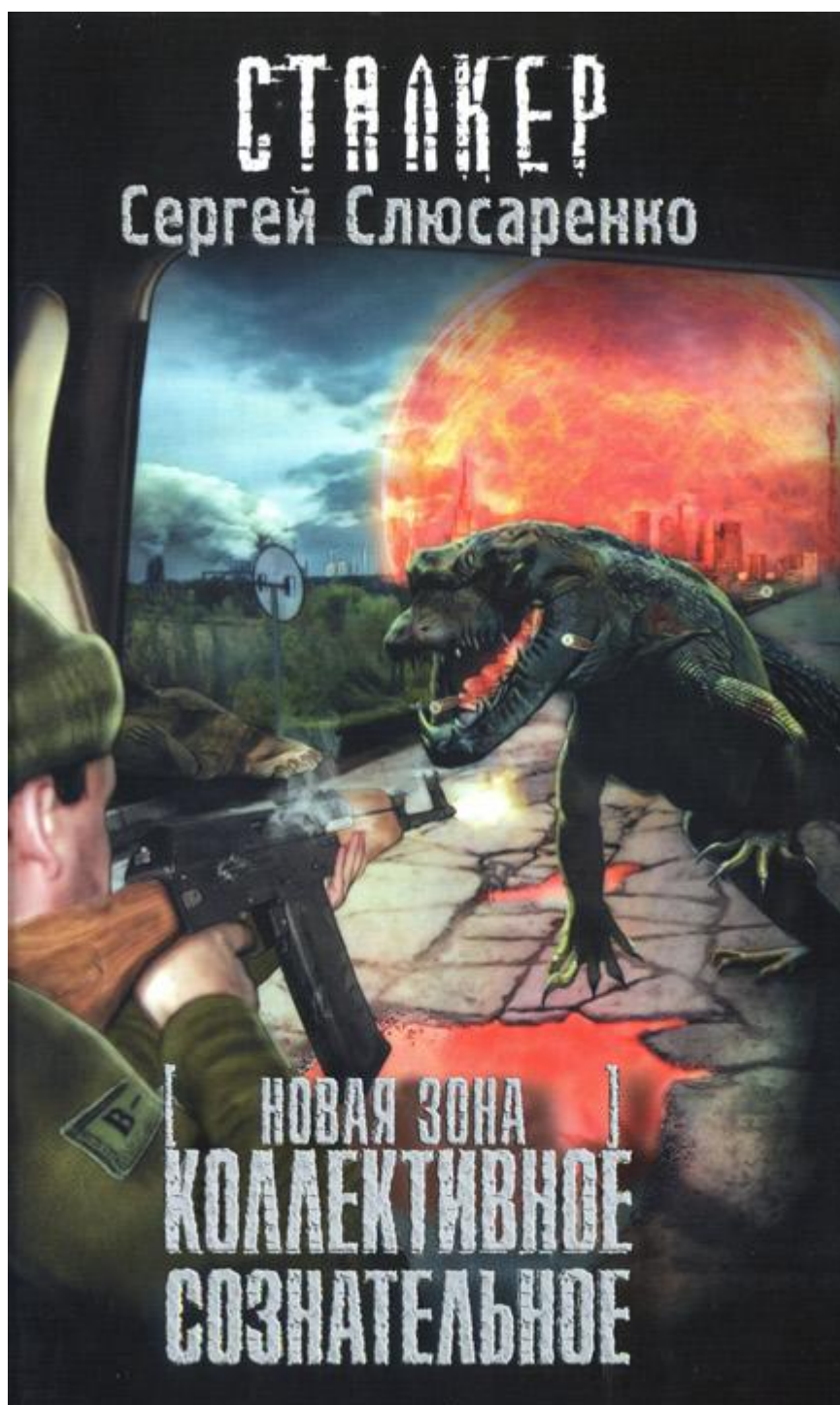

Сергей Слюсаренко
Новая Зона. Коллективное сознательное
СТАЛКЕР –

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - purkin_vasia; OCR, ReadCheck - kotinet;
Cover - FaerSalamandra; Conv - shtuks) HL
«Сергей Слюсаренко «Новая зона. Коллективное сознательное»»: АСТ; М.; 2013
ISBN 978-5-17-077790-7

Аннотация

Единожды войдя в Зону, уже никогда с ней не расстанешься. Даже вернувшись домой сталкеры хранят в себе её частичку. Не просто как память, а как великую силу, которая может изменить и человека, и мир вокруг.

Мирную Москву поражает Зона, идущая по пятам за сталкерами, вернувшимися к нормальной жизни. И как когда-то в Зоне, группа «Табигон» начинает борьбу. Но смогут ли Малахов и его друзья победить Зло? Куда приведет их и весь мир эта смертельная схватка?

Герои сталкеровской трилогии Сергея Слюсаренко не изменят своим принципам и будут бороться до последнего...

Сергей Слюсаренко НОВАЯ ЗОНА КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ

Глава первая

Ярко-красный горизонт перед восходом солнца обещал, что сегодня подует ранний верховик — злой, холодный байкальский ветер. Вадим, стоя у окна, поежился. Ранние холода испортят последнюю неделю отпуска в этом райском уголке. И хотя это был никакой не отпуск, а реабилитационный период, холодная погода могла все планы свести на нет. Через десять дней Вадиму предстояло лететь в Москву, и это время он хотел провести только с сыном, который тоже проходил реабилитацию в кремлевском санатории на берегу озера.

Когда кровь рассвета растворилась в небе, стало понятно, что примета не врала. По воде побежали морщинки ряби, и в окно ударили первые порывы ветра. Гусенок недовольно загудел, плотнее закутался в одеяло. Вчерашний поход вымотал его, и он отсыпался. Малахов понимал, что по возвращению домой он будет редко видеться с мальчиком, сын для начала поживет у бабушки, матери Вадима. Нужно обустроиться, наладить новую жизнь. Радовало одно, что Ольга разрешила, чтобы Андрюшка остался с отцом. Хотя что-то говорило Вадиму, что его бывшие коллеги побеседовали с ней, и не раз, убедив принять нужное решение.

— Ну, что я могу сказать. — Лечащий врач говорил, не глядя на Вадима, уставившись в бумажки на столе. — Всё свидетельствует о том, что процесс вашего восстановления, скажем так, физической реабилитации, прошел успешно. Что касается вашего эмоционально-психического состояния... Я не вижу никаких отклонений, а эмоциональные травмы, я уверен, после нашей терапии скоро залечатся. В общем, я выписываю вас с чувством хорошо выполненной работы. Желаю удачи.

— А сын? — спрашивая, Вадим пытался рассмотреть, что написано у врача в бумажках. — Как он? Ведь для ребенка пребывание в Зоне...

— По поводу вашего сына, Андрея, надо поговорить отдельно, — врач замаялся. — Вы же сами понимаете, что Зона — не место для молодого, несформировавшегося организма. И у нас просто нет опыта, клинического опыта, чтобы предположить, насколько пострадал или не пострадал ребенок. Я думаю, те странности... я хочу надеяться, это просто обычная детская реакция на невероятные события, которые он пережил. Ваш сын просто пока мысленно находится там и не всегда может справиться, адаптироваться к реальному миру.

— Он ведь был там всего несколько дней, — попытался возразить Малахов.

— Вы ведь сами знаете, какие это были несколько дней. — Врач покачал головой. — Так что за ним надо наблюдать. Я слышал, что у вас неполная семья?

— Он некоторое время поживет у своей бабушки, моей матери, пока я разберусь с делами и обустрою жилье. Потом будет жить со мной.

— Я дам вам направление в нашу клинику в Москве. Пусть его там поставят на учет. И умоляю, следите за ним. Детская психика такая хрупкая.

Последние дни на Байкале пролетели незаметно. За несколько минут до отъезда в

аэропорт Иркутска к домику, где жил Малахов, подъехало такси. Меланхоличный водитель погрузил в багажник два небольших чемодана, и Вадим с сыном устроились на заднем сиденье. Андрей порывался сесть рядом с шофером, но отец напомнил ему, что надо подождать до четырнадцати лет.

Дорога проходила в полном молчании под негромкие песни из автомагнитолы. Вадиму музыка была совершенно незнакома и безразлична, он просто смотрел из окна на бесконечную холодно-серую воду Ангары, вдоль которой стелилось шоссе. Андрей, увидев встречное авто, практически точно такое, как их такси, неожиданно произнес:

— Ё-Тваё!

— Ты чего? — не понял Малахов.

— Ну ты, пап, совсем, «Ё-Тваё» от «Ё-Маё» отличить не можешь?

— Я не понимаю, о чем ты, — ответил Вадим.

— А вы, наверное, за границей долго жили? — вмешался водитель. — Пацан правильно заметил! Мы на «Ё-Маё» едем.

— Да, за границей, — не стал вдаваться в подробности Вадим.

— Ну, пап, — стал объяснять Андрюшка, — «Ё-Маё» — это ё-мобиль московского автозавода ё-мобилей. А «Ё-Тваё» — это ё-мобиль тверского завода ё-мобилей.

— Во, молодец мальчик. Все правильно! — кивнул водитель.

Малахов и вправду вспомнил, что несколько лет назад писали в газетах о новом народном автомобиле, но никак не мог предположить, что такой автомобиль уже бегаёт по дорогам.

— Ну и как «ё-машина»?

— Ну как... как все на «ё»! — хохотнул шофер.

На регистрации в аэропорту, не обращая внимания на протянутый паспорт и билет, Вадима попросили поднести руку к светящейся стеклянной площадке на стойке. Вадим поднес, но реакция у девушки-регистраторши была неожиданной. Она настороженно посмотрела на Малахова, затем растерянно оглянулась. В конце концов она взяла из рук Вадима паспорт и билеты и, бурча под нос что-то про сектантов, ввела данные в компьютер.

Через пять часов полета самолет приземлился в Домодедово. На выходе Вадиму помахал рукой незнакомый человек.

— Я пресс-секретарь Центра Василий Миронов, — официально представился встречающий. — Руководство ждет вас, и я от его имени рад видеть вас дома. Пойдемте, на выходе ждут машины.

Малаховых встречали большой черный автомобиль и ярко-оранжевое такси. Вадим попрощался с сыном, Андрей должен был поехать к бабушке.

Первое, что сразу отметил Вадим, — модель машины незнакомая, такие форма кузова и значок на капоте ему раньше не встречались. Сделана машина была явно за границей. При Малахове руководство Центра придерживалось некоего шика — использовать в работе только отечественные машины, желательно классических ГАЗовских моделей.

Мелькали за окном очертания родного города. Москва казалась совсем другой. Новые дома, новые, сверкающие краской фасады. Приятно удивило отсутствие пробок на дороге. Реклама, захватившая город в тот год, когда Вадим отправился с группой в Зону, исчезла, фасады домов очистили от баннеров, плакатов, мерцающих огней и привели в исходный вид.

Здание Центра снаружи оставалось таким же, как и пять лет назад, — невзрачный административный корпус с двором-колодцем, широким парадным и мрачным полицейским-охранником на ступеньках. Однако за входными дверями уже не было привычной проходной и строгого прапорщика с малиновыми погонами. Вместо него установили турникет, похожий на вертушку метро. По ту сторону уже не было гражданского со спиралькой-наушником в ухе и выпирающей из-под пиджака кобурой. Его место занял обычный человек среднего возраста с бейджиком «Охрана» на полувоенном пиджаке. Охранник показал пальцем на плакетку турникета. Вадим сразу вспомнил аэропорт и приложил руку. Немедленно взвыл зуммер тревоги.

— У вас все в порядке с Ай-Ди чипом? — переполошился Миронов.

— С чем? — не понял Малахов.

— Ну, как... — И тут пресс секретаря осенило: — Вы же нечипованный!

Миронов подозвал жестом человека с бейджиком с той стороны турникета и что-то шепнул ему на ухо. Охранник немедленно достал из кармана палм и потыкал в экран стилусом. После этого, удовлетворенно хмыкнув, нажал кнопку на турникете.

— Пожалуйста, идемте. — Василий жестом пригласил Вадима пройти. — Я совсем упустил из виду, что вы не проходили всеобщей программы чипования. У нас, жителей России и братских государств, сейчас единая система контроля. При рождении ребенку под кожу инкорпорируется микрочип. Маленький, не больше булавочной головки. Там все данные. Паспортная система теперь не имеет смысла, работает единая сеть, которая отслеживает и перемещение, и финансовый статус, и вообще все мелочи жизни индивидуума. Ну, естественно, всем взрослым тоже чипы поставлены. Есть, правда, секта, святой Уёли Каравайной, они себе чипы не ставят. Но это полные маргиналы.

— А клеймо на ухе не делают? — спросил Вадим с сочувствием.

— Зачем?

— Ну, раньше, несколько лет назад еще, такие чипы собакам ставили и уши татуировали. Номер питомника.

— Да нет, нам такого не надо, — совершенно серьезно сказал пресс-секретарь. — Татуировка здесь определенно избыточна. У нас практически на каждом углу чип-ридеры теперь стоят.

Знакомыми до боли коридорами, хоть и выглядевшими после евроремонта совсем по-другому, Вадима подвели к кабинету директора Центра. Тут ничего не поменялось, даже обивка двери и табличка «Руководитель ЦАЯ».

Глава вторая

— Добро пожаловать! — Из кресла за директорским столом, в котором Вадим привык видеть Лазненко, поднялся молодой человек в цивильном костюме. — Я рад вас приветствовать в Центре. Добро пожаловать домой!

Вадим был удивлен, он не ожидал, что в Центр назначили новое руководство. После короткой паузы он демонстративно представился:

— Капитан Малахов, прибыл для дальнейшего прохождения службы после реабилитационных процедур.

— Да что вы так по-солдафонски! — замахал руками новый хозяин кабинета. — Я прекрасно знаю, как вас зовут, Вадим Петрович. И поймите, настали новые времена. Руководитель Центра отныне штатский. Это я о себе. Зареченский Витольд Матвеевич.

— Вы раньше работали в структурах Центра? — спросил Вадим.

— Нет, что вы, я сюда назначен как успешный менеджер. Я до этого руководил крупной сетью государственных супермаркетов. Мне удалось поставить дело на новые рельсы. Вот теперь и в Центре все по-новому.

— А Лазненко?

— Я не слежу за его судьбой, он с почетом вышел на пенсию и сейчас, как мне помнится, работает в одной из частных охранных структур. — И, словно предупреждая вопрос Малахова, поспешил добавить: — Конечно, консультантом.

— А Центр в настоящее время не входит в государственные структуры?

— Нет-нет, все сохранилось, и даже отработанная годами военная структура Центра не до конца модернизирована. Конечно, это совершенно условно, дань традициям, новых сотрудников мы набираем только на гражданские должности. Ну и понятно, что руководство — только из штатских. Сейчас такие веяния, Вадим Петрович. Я понимаю ваше беспокойство. Изменения всегда тревожат. Но поверьте, работать будет только легче. Просто мы должны шагать в ногу со временем.

— Когда я смогу приступить к работе? — Вадим решил не продолжать тему новых веяний.

— Да хоть завтра. Я был бы рад, чтобы вы влились в наш аналитический сектор.

— То есть работа группой уже неактуальна? Я имею в виду мою группу «Табигон».

— У нас сейчас другие методы ведения дела, давайте пройдемся к вашему месту работы. — Зареченский встал. — На месте я расскажу, что и как.

— Не в мой кабинет?

— Вы совсем отстали, какие кабинеты! — жизнерадостно засмеялся Зареченский. — Пойдемте!

Вадим подозревал, что ничего хорошего его не ждет. Новый начальник провел Малахова коридором к лестнице, ведущей на этаж ниже, и раскрыл стеклянную, тщательно вымытую дверь. Они оказались на пороге громадного зала, разделенного невысокими, примерно в половину человеческого роста, перегородками, образующими маленькие загончики. В этих стойлах располагались рабочие места. Оттуда, где стоял Малахов, были видны только макушки сидящих за тонкими перегородками людей.

— Тут и мне есть загородка? — не скрывая скепсиса, спросил Вадим.

— Нет, что вы, вы — там! — Зареченский показал рукой вглубь. На возвышении были видны застекленные антресоли. — Это отдел руководства, ваше место будет там. Там всего три сотрудника. Три зама руководителя аналитического отдела. Один из замов — это вы.

— А кто главный аналитик?

— Он в командировке. А вы пока обустраивайтесь, знакомьтесь с сотрудниками.

— Ладно. С моими штатными обязанностями кто меня ознакомит?

— Вам придет мессидж в транке.

— Что?

— Э... — замялся босс. — Я понял, вы же отсутствовали! У нас внутренняя социальная сеть, она недоступна посторонним, и в ней распространяется вся служебная почта Центра. Но работа завтра. Сегодня вы должны обустроить себе жилье. Ваша квартира вам возвращается, правда, помещение нежилое, запущенно и, конечно, требует небольшого ремонта.

— А мои счета в банках, они, надеюсь?..

— О, простите, пройдемте ко мне, — вдруг всполошился Зареченский. — Нам нужно завершить приятные формальности.

У себя в кабинете директор Центра немедленно занял свое место за столом и, не предлагая сесть Малахову, зачитал документ, который извлек из сейфа.

«Руководство Центра Аномальных Явлений, руководствуясь вскрывшимися обстоятельствами, приказывает:

1. Постановление от 01.12.2012 о выбытии сотрудника Центра Малахова Вадима Петровича в подотчетные структуры отменить.

2. В связи с полной реабилитацией указанного сотрудника по делу, связанному с операцией „Золотая сфера“, восстановить его в должности и звании.

3. Выплатить Малахову Вадиму Петровичу заработную плату за указанный период. Восстановить право на служебное жилье.

4. В связи с выслугой лет присвоить Малахову Вадиму Петровичу звание „майор“ (открытое).

5. Объявить Малахову Вадиму Петровичу благодарность за мужество и героизм, проявленные при выполнении служебных обязанностей, и присвоить внеочередное воинское звание „подполковник“ (открытое).

Руководитель Центра Зареченский Витольд Матвеевич

Босс отложил документ, медленно обошел стол и пожал руку Вадиму, заглянув ему в глаза с чувством благодарности.

— У секретаря, пожалуйста, распишитесь о том, что вы ознакомлены с приказом. Я

очень рад видеть вас снова в наших рядах, — сказал Зареченский, давая понять, что аудиенция закончена.

Малахов, отвыкший от городского транспорта, даже растерялся. Он долго изучал схему метро, но, увидев, что все пассажиры подносят руку к датчику на турникете, решил отказаться от этого варианта. Вадим поймал такси, назвал адрес и через полчаса был у своего дома. Всю дорогу он сжимал в ладони ключ, который получил у секретаря. Вадим заметил, что это был его старый ключ, даже брелок с чертиком сохранился.

Еще на лестничной клетке Малахов услышал, что в квартире звонит телефон. Именно телефонный звонок развеял все ностальгические мысли. Вадим быстро открыл дверь и ринулся на звук. К счастью, телефон стоял там же, где и шесть лет назад.

— Алло!

— Сколько можно звонить! Ты уже тут или где? — радостный голос Германа взорвался в трубке.

— Да вот только вошел, я тут даже еще не...

— Вот! И ни шагу из дому!

— Да здесь даже не убрано, и я не знаю, что и как. — Малахов понял, что сейчас нагрянут друзья.

— Вот и отлично! У нас все с собой! — Загудел отбой.

Не успел Вадим положить трубку, как позвонил сын. Он, оказывается, помнил домашний телефон. Не прерываясь ни на секунду, Андрей рассказал о том, как хорошо у бабушки, что скоро они пойдут устраиваться в новую школу и что... В общем, у Вадима отлегло от сердца, он очень боялся, что сын сразу начнет скучать по нему.

Было очень странно видеть свою квартиру, в которую никто не заходил почти четыре года. Видимо, бывшая жена, уезжая, не очень заботилась о том, что сюда могут прийти чужие люди. Разбросанные вещи, раскрытые дверцы шкафов, почему-то от этого выглядящие мертвыми. Но, судя по слою пыли на мебели, никто, после того как у Ольги отняли эту квартиру, сюда не заходил. Сухие цветы в горшках на подоконнике, рассыпавшиеся в прах от одного прикосновения, придавали жилью заброшенный вид. Пылесос, найденный в кладовке в прихожей, помог хоть как-то собрать пыль, и в комнатах заметно повеселело. Но все равно стало понятно: дом, в котором никто не живет, — умирает. Незаметно вспучились обои на пересохших стенах, краны на кухне и в ванной протекали и предательски заревели, когда Малахов открыл воду. Унитаз, как только Вадим открыл водяной вентиль на стояке, начал долгую и неприятную музыку сифонящего бачка. Книги, мебель, даже посуда — все несло на себе печать запустения, вещи, призванные служить человеку, умерли, когда рядом с ними не было хозяина. В шкафчике со столовыми приборами Вадим нашел ложку. Он ее всегда называл «своей». За четыре года она окислилась и сейчас была матово-зеленой, словно покрытой мхом. И еще одно понял Малахов — в доме не осталось ни малейшего следа женщины, с которой он прожил столько лет. Словно вместе с собой она унесла свидетельства своего пребывания здесь.

Вадим навел порядок, сел в кресло, которое немедленно отозвалось лопнувшей пружиной, осмотрелся и понял — в квартире надо делать полный ремонт. Он не хотел ее в таком виде, хранящей воспоминания о предательстве, о собственных ошибках и о немногих, но счастливых днях прошлой жизни. Прошлой, которая уже никогда не вернется.

Глава третья

— Да заходите, не заперто! — крикнул Вадим, когда заверещал замок на входной двери.

Он быстро скрутил хобот пылесосу и запихал его в шкаф. А в гостиной уже стояли его товарищи: Клава, Тимур, Герман.

Вначале наладить разговор все никак не удавалось. Все сели на стулья, оставшиеся от старых хозяев, кружком, как коты на чердаке, и пытались вести светскую беседу типа: «Ну и

как, а что там и как тебе новости...».

Первой не выдержала Клава.

— Ну и?.. — с нотками легкого нетерпения в голосе произнесла она громко. — Что мы тут, в самом деле? У тебя кухня есть еще?

Клава, не дожидаясь ответа на вопрос, ушла в прихожую и вернулась с громадной сумкой, набитой продуктами.

— Я догадывалась, что тут у тебя, кроме сухой левкой, ничего не найдется. — Она поставила тяжелую сумку на пол. — Так, мне кто-нибудь поможет?

Тимур и Герман, переглянувшись, тоже ушли в прихожую и вернулись с пакетами. В них, без сомнения, была еда и не только. Потом все запасы перекочевали на кухню, она в квартире Малахова была большая, больше похожая на столовую. Там уже хозяйничала Клава.

— Вот чего мне всегда хотелось, так это навести порядок у тебя на кухне. Ну не могу я терпеть, когда каждая чашка должна стоять на определенном месте, ножи по-уродски должны быть сложены на тряпочке, а эти тарелки, — Клава показала на гору посуды, — лежать именно в таком виде! Я все у себя по-другому складываю.

— Ну, так ты у себя так, а Ольга складывала по-своему, — уныло протянул Малахов.

— Так посуду может складывать только... Вадим. Ты меня извини, ну стерва была твоя бывшая, стервой и осталась... И посуду она складывала, как стерва.

— Ну и фиг с ней. — Малахов сморщил нос. — Ты знаешь, Клав, я даже не помню ее. Просто не помню... Словно с того момента, как я в последний раз видел ее, прошло тысячу лет...

— Так, завели уси-пуси! — перебил их Герман. — Где у тебя стаканы или из чего мы будет пить?

Стаканы оказались там же, где и много лет назад, но Клава, критически осмотрев стекло на просвет, все-таки сполоснула их под краном. Дальше все пошло легко и непринужденно. Из сумок доставали салаты и заранее нарезанные колбасы. Тимур, оказывается, притащил гору азиатских блюд от мисо-супа до креветок с орехами. Герман, который был ответственным за спиртное, запасся товарным количеством итальянской «Фалангины», неизвестно где добыв это редкое вино. Выпили и за встречу, и за здоровье, и Малахов уже было предложил «за работу»... но тут друзья помрачнели.

— Вадим, ты вообще в курсе того, чем занимается теперь Центр? — остановила Клава тост. — Или еще не успел получить задание от главного?

— Ну, — Вадим с сожалением поставил стакан на стол, — я заметил, что все сильно поменялось... Я боялся сказать вам сразу, но группы «Табигон» больше нет. Как сказал главный начальник, сейчас у нас другие цели.

— Мягко говоря, — буркнул Тимур. — Давайте все-таки выпьем за встречу, а потом будем о плохом.

Он поднял свой стакан, друзья чокнулись и выпили. Рымжанов неожиданно встал из-за стола и вышел в прихожую. Вернулся оттуда с двумя японскими мечами-катанами.

— Ты удивишься, вот мой главный атрибут в новой работе.

— Ты учишься восточным боевым искусствам? — с легкой иронией спросил Вадим. Он знал, что любым холодным оружием Тимур владел в совершенстве.

— Нет, ты удивишься! — ответил Рымжанов.

Он закрепил мечи на спине крест-накрест и сразу стал похож на самурая. Тимур хотел сесть на свое место, но это не удалось. Клинки на спине зацепились за спинку стула. Чертыхнувшись, Рымжанов содрал с себя перевязи и отворачиванием отбросил мечи в сторону. Те жалобно звякнули в углу.

— У меня теперь важная ответственная работа, которая позволяет Центру поддерживать свое финансовое положение в кризисной ситуации, — продолжил Тимур. — Я теперь специалист по психологии домашних животных. Мне за визит к страдающей от ипохондрии кошке платят столько, сколько директор Центра получает в месяц! Ну, понятно,

что кошачьего психолога на дом вызывают только те, у кого от избытка денег тоже начинается ипохондрия, но вот такую мне работу нашел наш великий шеф и начальник.

— Я не понял, а мечи тут при чем? — спросил Вадим.

— А вот так креативному заместителю директора Центра захотелось. Он, видите ли, имидж мне такой придумал. В рекламе написано, что я прошел весь путь самурая и общаюсь с высшими сферами, поэтому я вижу душу животного.

— Но это же бред!

— Бред состоит в том, что девяносто процентов вызовов делают скучающие тетки, которых психика животных интересует меньше всего. Ну, не при Клаве детали рассказывать.

— И что, у всех теперь такая работа? — Малахов оглядел друзей. — Ты, Клава, небось возишь в особо опасные места денежных клиентов?

— Ага, щас, — фыркнула Клава. — При Центре открыты курсы экстремального вождения. Ну да, в рекламе — лучшие инструкторы ФСБ научат вас водить машину в любых пробках.

— Ты ведешь курсы? — Малахов отхлебнул из пластикового стаканчика мисо-суп и скривился.

— Ты будешь смеяться — мне не доверили вести курсы, там какие-то молодые мальчишки шустрят. Я разрабатываю методику, как облегчить сдачу экзаменов по окончании курсов. Никому это экстремальное вождение не надо. А вот за корочки от Центра любой готов заплатить. Выпускной экзамен — теоретический. Вот и должна я все эти карточки уродские экзаменационные делать так, чтобы курсы окончили все и при этом с уверенностью, что на них было жутко сложно...

— Н-да! — только и сказал Малахов, цепляя на вилку маслянистый белый грибок. — Гера, а ты небось вирусы пишешь, а Центр потом продает антивирусные программы?

— Вот зачем такое спрашивать? — с деланым возмущением ответил Герман. — Я, может, хотел соврать что-нибудь... А ты почти угадал. Я пишу казуальные игры для сотовых телефонов.

— Это что, тоже приносит деньги Центру? — изумился Вадим. — Что, мало обычных игровых контор?

— Ну, там не совсем простые игры. В нужный момент эти игрушки могут сливать некоторые данные с телефона тому, кто игру продал. Но все легально. У нас нынче с прослушкой очень строго, всякие законы новые приняли. А вот если кто-то частный захочет подслушать чей-то частный разговор или нет, не разговор, а просто статистику разговоров, то... в общем...

— Так, подождите, меня назначили в аналитический отдел. Значит, аналитика делается? Что-то Центр все же делает?

— Аналитика, к сожалению, — ответила Клава, глядя в пустую тарелку, — у нас теперь особенная. Анализ должен быть продаваем. В общем, это сбор компромата на всякие фирмы, конторы и даже небольшие государства. С целью перепродажи.

— Ребята, а давайте будем пить вкусное вино и есть не менее вкусные колбаски без разговоров о работе, — неожиданно предложил Тимур.

Глава четвертая

Инспектор дорожной полиции лейтенант Хрусталеv заканчивал дежурство. День прошел спокойно, без каких либо серьезных происшествий. Но, как назло, в последние минуты дежурства как раз и происходят самые серьезные события. ДТП, и в двух кварталах от его поста! Тихо ругнувшись, Хрусталеv плюхнулся на кресло рядом с водителем сержантом Павловым — молодым парнем, только начинающим свою службу в ГАИ.

— На Ткацкую, там труп, — бросил Хрусталеv сержанту. — Ну почему всегда так...

Водитель побледнел, но ничего не сказал. Это был его первый выезд на ДТП со смертельным исходом. Место, где произошел инцидент, найти не составило труда — толпа

зевак вдоль дороги, заблокированные машины, нетерпеливые гудки клаксонов — все это было типичными признаками дорожного происшествия. Павлов включил сирену и с трудом преодолел затор. Пришлось даже проехать по тротуару, разгоняя зевак. Протиснувшись, сержант увидел то, что потом вспоминал всю жизнь. Он побледнел, заглушил мотор и еле успел открыть дверцу перед тем, как его вырвало.

Посередине проезжей части лежала половина человека. Казалось, что мужчина просто по самый пояс провалился под асфальт и, откинув голову от напряжения, пытается руками в мотоперчатках вытащить себя, как из трясины. А чуть поодаль в луже крови лежали ноги с остатками ягодиц. И в стороне — кишечник. Синеватый, без каких-либо признаков крови. И еще на асфальте лежал мотоцикл — без повреждений и даже практически не поцарапанный. Мотоциклиста разорвало пополам, и сейчас Хрусталеву предстояло выяснить, при каких обстоятельствах.

Толпа, окружившая место катастрофы, напряженно молчала. Не было слышно обычного в таких случаях бормотания случайных свидетелей и не было вопросов праздных любопытных: «А что случилось?». Ужас сковал людей. Хрусталева растерялся. Он даже не представлял, с чего начать составление протокола. В дорожном происшествии не было главного — второго участника или какого-нибудь столба на обочине. Страшная смерть, казалось, настигла мотоциклиста посреди проезжей части без всяких видимых причин. Лейтенант понимал, что через несколько минут сюда набегит куча дознавателей, прокуратура и вообще все, кого только можно представить. А к их приезду он должен внятно сказать — что случилось. Собравшись с силами, Хрусталева негромко спросил, обращаясь к толпе:

— Свидетели есть?

Свидетелей не нашлось, но после нескольких секунд из-за спин раздался слабый женский голос:

— У той девки надо спросить. Только ушла она.

Хрусталева, цепляясь за эти слова, как за соломинку, ринулся туда, откуда раздался голос. Среди зевак на краю тротуара стояла немолодая худая женщина с усталым лицом многодетной матери.

— Я ничего не видела, а как загремел этот мотоцикл по асфальту, я и глянула. Ну и смотрю, этот милок уже по дороге разбросан, а сзади девица, такая вся с форсом, бежит, вроде гонится за ним. Ну или типа с заднего сиденья соскочила. Щас таких много, на задних сиденьях за мужиками по дорогам гоняют. А эта так себе пробежала, как будто догнать хотела, а потом скок, и в сквер прыгнула. Убежала, значит.

Хрусталева, немного ошалев, осмотрелся, ища тот самый сквер. До него от мотоцикла было метров тридцать.

— Вы хотите сказать, что она убежала в тот скверик?

— Что сказала, то и хотела. — Женщина, видимо, приободрившись своей общественной значимостью, заговорила уверенно. — Взяла и прыгнула.

— С дороги в сквер? — Лейтенант скептически задрал к фуражке светлые брови.

— А что? Я читала в журнале «Наука и жизнь», что один булгалтер в пожар сейф на себе вынес. А в сейфе том было четыре тонны. Когда такие страсти, и не так скакнешь, — с глубоким назиданием в голосе ответила свидетельница.

— Бухгалтер, — автоматически поправил Хрусталева. — Куда вынес?

— Не куда, а как! Спасал имущество. А вот, говорят, одна мамочка грузовик подняла руками, чтобы ребенка спасти. — Женщина, заметив, что ее слушает не только полицейский, но и стоящие рядом зеваки, вошла в ораторский раж. — Я считаю, что мотоциклы надо запретить. А то накупают тут, а ездить не умеют. Позор! Вот из-за таких и баню на Ибрагимова закрыли!

— Какую баню? — Хрусталева, который вообще рядом с растерзанным трупом чувствовал себя не очень хорошо, перестал понимать эту разговорчивую женщину.

— А такую! Эти на мотоциклах таких страшных париться приезжали. И грохот был.

Кто-то властям настучал, и закрыли баню. А я работу потеряла! Вы в протоколе так и напишите!

Тирада о бане почему-то возбудила толпу, и народ негодуя заворчал.

— Женщина, сейчас к вам подойдет сержант Петров и запишет ваши показания, хорошо?

— Я ничего не видела! — неожиданно с истеричными нотками взвизгнула банщица.

— А я лично походатайствую, чтобы баню снова открыли, — добавил Хрусталеv, понимая, что с этой безработной будет очень сложно работать.

И хотя опрос свидетелей не входил в обязанности сержанта, Хрусталеv попросил молодого сотрудника записать все слова нервной тетki. А сам занялся формальностями. Он достал из машины полосатую пластиковую ленту. Закрепил ее конец, обмотав несколько раз вокруг фонарного столба. Потом окружил лентой место происшествия, отодвигая зевак подальше. Яркая полоска перегородила проезжую часть, но на другой стороне пришлось примотать ее к старому «жигуленку», так как столбов там не было. Хрусталеv обмотал лентой ближайшие деревья. Скоро место катастрофы было окружено со всех сторон.

Собравшись с силами, инспектор наклонился над погибшим и сканером считал чип на запястье. Накрыв останки мотоциклиста металлизированным лавсаном, придавив по краям пластик кирпичами, которые принес кто-то из зевак. Процедуру пришлось повторить на всех разбросанных по асфальту кусках трупа. Лейтенант не глядя устало поблагодарил его. А тут как раз подоспели прокурорские и прочие шишки, и Хрусталева мягко оттеснили от дел. Но лейтенант все-таки не успокоился, а пошел в тот самый скверик, куда, по словам свидетельницы, убежала девушка... За низким заборчиком, отгораживающим сквер от тротуара, росла неухоженная трава с остатками прошлогодних листьев. Именно по этой листве и удалось найти место, куда прыгнула странная девица. Хрусталеv хоть и служил в ГАИ, но учился на юрфаке хорошо и обладал достаточными знаниями по криминалистике. Такие следы на траве мог оставить человек, если бы прыгнул с высоты шести-семиэтажного дома. И конечно, переломал бы себе ноги. А эта прыгунья, судя по всему, не только не переломала ноги, но и ушла в глубину сквера странными прыжками длиной метра три. Как кенгуру.

Хрусталеv вернулся на дорогу и попытался рассказать о том, что он увидел в скверике, но никто из прокурорских не стал с ним разговаривать. Лейтенант составил рапорт о происшествии, приобщил к нему схему места ДТП со всеми промерами и деталями инцидента и, приложив копию показаний банщицы, передал все это прокурорским.

Капитан московской полиции Иван Андреевич Дмитриев, участковый уполномоченный ОВД Академического района, считал дни до пенсии. Молодые коллеги про него говорили, что он лох. Никогда не крышевал наркоторговцев, каленым железом выжигал азиатские микрорайоны по двести человек в типовой трешке и никогда не брал взятки. В итоге к пенсии он два раза попадал на ножи таджикских дилеров, хромал на левую, простреленную ногу и ничего, кроме уважения от жителей своего участка, не имел. Небольшая зарплата позволяла ему скромно жить в однокомнатной квартире, оставшейся после развода с женой. На мир он смотрел грустным взглядом, такой бывает у человека, прошедшего войну. А вселенское спокойствие и кристальная честность помогли капитану продержаться на такой непростой должности. Хотя недоброжелателей у него поначалу было много. Но когда стало совсем невмоготу, Дмитриев порылся в рабочем столе и нашел адрес своего комполка. Тот уже был генералом и работал в очень больших верхах. Но, клятву данную Дмитриеву, когда тот был еще сержантом, выполнил. После этого звонка ни один чиновник и ни один бандит даже в кошмарном сне не мыслили обидеть скромного участкового. Спецназ на улицах тихого московского микрорайона они запомнили надолго. Да и московская мэрия получила шанс гордиться самым некриминальным микрорайоном города.

Годы брали свое, пенсия приближалась неотвратимо. Обойти максимальный для такого поста возраст никто не мог, и Дмитриев, понимая, что на пенсии умрет от тоски, даже

однажды малодушно подумал о яде. На дачу в ближнем Подмоскowie он не заработал, вернее, поначалу он об этом даже не задумывался, а потом стало поздно. Старая «Хонда-Пилот», которую капитан использовал в основном для служебных поездок, дышала на ладан и вряд ли справилась бы с поездками в Смоленскую область, где еще можно было купить на скромные сбережения маленький домик в селе. В общем, пенсия не сулила обычных простых радостей отставника. Рыжий кот Валенок, единственный настоящий и верный друг Дмитриева, был его отрадой и надеждой на неодинокую старость.

Иван Андреевич как раз рассказывал коту политическую ситуацию момента, почерпнутую из газет, когда зазвонил телефон. Капитан вздохнул. Звонить могли только по делу. Опять кто-то где-то честно жить не хочет.

Звонила жительница дома двадцать по Профсоюзной, она жаловалась на нечеловеческий шум в соседней квартире. Дмитриев терпеливо объяснил ей, что надо звонить не ему, а в дежурную часть района, и те пришлют наряд. Но жительница резонно ответила, что участковый сам всем свой телефон давал и просил, если что, звонить. А наряд пока придет, так там всех поубивают. А ведь она была права. Именно так и говорил Дмитриев гражданам во время регулярных поквартирных обходов. Тяжело вздохнув, поймав сочувственный взгляд Валенка, капитан натянул форму, поколебавшись, все-таки взял пистолет и не спеша пошел по указанному адресу, в квартале от него. Что делать, даже пьяные ссоры — это именно его парадия. А в том, что шумят какие-то алкаши, видимо, гости, у Дмитриева сомнений не было. Перед самым выходом капитан все-таки проверил со своего домашнего компьютера по базе данных жильцов в этой квартире. И поморщился. Владелец — мутный человек. Один из тех, кто заработал деньги в сомнительных авантюрах в далекой чернойбыльской Зоне. Не любил Дмитриев этих ловцов удаи.

Стоя на пороге квартиры сталкера, участковый прислушался. Изнутри не доносилось ни звука. Дмитриев уже было поднес руку к кнопке звонка, но потом передумал и, оглянувшись, позвонил в дверь той самой соседки, что вызвала его. После сложных манипуляций с запорами и цепочкой дверь приоткрылась, сухоньякая старушечья рука схватила участкового за рукав и затащила в прихожую. Быстро и неотвратимо, как язык геккона сдергивает с ветки насекомое.

— Вот спасибо, — зашептала старуха. — Я уже натерпелась. Сначала они там тихо пили, даже не слышно было.

— Почему пили?

— А что будут делать два мужика в однокомнатной квартире? — изумилась женщина. — Пили они, пили. Я сама видела, как они пришли с пакетами из «Перекрестка». Уж бутылку я сквозь пакет увижу!

— Вы их в окно увидели? — спросил Дмитриев.

— Зачем в окно? Я что, за людьми из окна слежу? — гордо возмутилась старуха. — У меня глазок в двери есть! Для бдительности. Времена-то непростые. Сосед, странный такой, всем говорит, что его зовут Завал, и какой-то с ним собутыльник. Тоже странный. В очках, а водку пить пришел.

Дмитриев привычно слушал поток слов, извергаемый старухой. За годы службы участковым он привык, что из такой лавины бдительного сознания хотя бы одно слово будет нести полезную информацию.

— Почему вы меня позвали, что случилось? — вклинился он в возникшую в монологе старухи паузу.

— Так потом такое началось, такое! Мне ведь все равно, если пьют, то пусть культурно, нынешние все пьют, но вот так чтобы... я не слыхала.

— Что случилось? — терпеливо повторил участковый.

— Так сначала все задрожало, словно у них стиралка к стене прислоненная, а потом такой вой, как будто кто-то... ну, как волк на луну. — В голосе старухи капитан услышал искренние нотки. Она и вправду была безумно напугана.

— А почему остальные соседи ничего не слышали? Ну, по крайней мере ми... эээ...

полицию не позвали?

— Я им что, сторож? — искренне удивилась старуха.

— Ладно, я проверю. — Дмитриев понял, что больше никакой конкретики добиться не удастся.

Уже не колеблясь он подошел к квартире stalkера и позвонил. В глубине раздался резкий шорох и стих. Словно кто-то быстро спрятал газеты. Участковый позвонил еще несколько раз и не дождался ответа. Он на всякий случай ткнул входную дверь ладонью. Просто так, вдруг открыта. И филенчатое дверное полотно, внешне похожее на дубовое, осыпалось на цемент лестничной площадки кучкой серого праха. Война, хоть и давняя, выработала у капитана рефлекс, которые никакая гражданская или почти гражданская жизнь не могла заглушить. Рывок в свет прихожей за стенку, и пистолет уже привычно в руке. У Дмитриева мелькнула мысль, что старые навыки еще работают.

В прихожую пробивался свет из комнаты от убогой люстры на три рожка. Простенькая мебель носила следы разрушения. Капитан резко переместился по коридору, стараясь уйти в тень. С новой позиции он увидел, что стена в кухне проломлена. Вернее, даже не проломлена, а обращена в прах, как и входная дверь. И в этом проломе виднелась гостиная соседней квартиры, до потолка забрызганная кровью и белыми комками мозговой ткани. В разрушенной квартире стоял запах свежего мяса. Гостиная в этой квартире, видимо, служила также спальней. Посреди комнаты стоял развернутый диван-трансформер. На смятых простынях лежала гора перемолотой человеческой плоти. Капитан прошел Кавказскую и знал, как это выглядит. Осторожно, крадучись вдоль стены, капитан прошел гостиную. Похоже, что некто двигался по квартирам на лестничной площадке, уничтожая стены и тех, кто пытался за ними укрыться. И в самой дальней комнате самой дальней квартиры он увидел его. Безобразное туловище, словно слепленное из папье-маше безумным скульптором, пародия на человека, с громадными руками и несуразными ладонями, с головой, которая больше подходила для сказочного пугала, сидело в углу и хлестало по тощим бокам бессмысленно-тонким хвостом.

Капитан знал, что страх перед боем исчезал для него тогда, когда он видел врага. И сейчас, уже не скрываясь, он стоял перед чудовищем с пистолетом наизготовку. Иван Андреевич был спокоен. Он видел людей, которые были гораздо страшнее этого создания. А монстр все больше бесновался, не смея напасть на человека. Его движения становились неуверенными и хаотичными. И в какой-то момент, двинув хвостом в последний раз, зверь упал и превратился в желеобразную мертвую кучу. Дмитриев сел на пол, достал пачку сигарет. Первые две сломались, но третью удалось прикурить.

Глава пятая

Первый день работы в Центре, первый день после возвращения, для Малахова сложился буднично. Никто его не встречал на служебной машине у подъезда, на проходной просто махнули рукой, мол, проходи. То ли его помнили, то ли строгости проходной канули в Лету. Знакомая череда длинных коридоров, вход в отдел аналитики. И там, за дверью, никто даже не поднял головы, чтобы хоть как-то отметить появление нового человека. Руководитель отдела, сидящий на возвышении напротив, был излишне учтивым, даже назойливым. Прочувственно пожал руку и указал Вадиму на его рабочее место. Это была первая неожиданность: Малахов должен делить письменный стол с блондином. У соседа по столу были вялый подбородок и блеклые глаза. И сидеть с ним нужно было лицом к лицу. Вадим проводил взглядом своего нового шефа, дождался, когда тот выйдет из помещения, и только после этого сел за стол. Визави скромно кивнул в знак приветствия и сразу же переключил внимание на свой компьютер, изображая крайнюю занятость. А Малахов стал изучать содержимое письменного стола, где от его предшественника осталась куча папок с документами. Вадиму содержимое этих папок было совершенно неинтересно, он даже не пытался вникнуть в суть того, что там было написано. Он вынужденно играл в навязанную

ему игру.

— Меня зовут Валентин Верховцев, — блондин не выдержал и заговорил первым. — Я аналитик по связям с общественностью. Заместитель Туманова.

— Туманова? — переспросил Вадим.

Он не знал, кто Туманов, и это ему было совершенно безразлично.

— Ну как? Это же наш непосредственный супервайзер! Он вас привел. — Изумлению Верховцева не было предела.

— А... — протянул Вадим и кивнул, мол, понятно. — А что за связи с общественностью?

— Ну как? — Валентин опять изумился, словно Малахов спросил что-то неприличное. — Ведь всякая аналитическая работа кому-то нужна. Вот моя задача — найти клиента! Считайте, что от меня зависит вся коммерческая часть нашего отдела.

— Коммерческая? Какая коммерция может быть в аномальных явлениях? — Вадим с грохотом задвинул ящик стола.

Этот вопрос прорвал в мозгу Верховцева плотину. Аналитик восторженно, его бледные, как у вареной рыбы, глаза даже сверкнули дьявольским блеском.

— Вот видно, что вы давно не работали у нас! — с энтузиазмом начал речь Валентин. — А ведь аномальные явления в мире на настоящий момент это отнюдь не надуманные летающие тарелки или, там, что вы себе раньше придумывали. Аномалии в мире финансовых потоков — вот это да!

Тема так захватила аналитика, что он в ораторском запале покраснел и поднял указательный палец вверх.

— М-м, — промычал Малахов и мотнул головой, словно отгоняя от себя экономические аномалии.

— Вот представьте, Вадим Петрович, — Верховцев, оказывается, знал имя-отчество своего нового сотрудника, — всего год назад известный финансист Мусерсон на однодневном падении биржи заработал триллион. А ведь это я вычислил, что вброс инсайдерской информации о нападении на лайнер «Титаник-2» сам Мусерсон и сделал. Это позволило некоторым нашим солидным банкам не пострадать в кризисе. В общем, благодаря именно этой работе наш Центр и процветает. Ведь мы уже практически стоим на позиции, когда наш Центр сделает Ай-Пи-О и мы все станем совладельцами.

Вадим слушал своего соседа по столу и тихо грустил. Весь этот разговор напоминал ему бред в чумном бараке. Мощь и длинные руки Центра, совсем недавно, если не считать четырех исчезнувших лет, казались сказочной фантазией. Вадим даже подумал, что в свое время на такую мелочь, как биржевые спекуляции, никто из сотрудников и не обратил бы внимания. Вопросы решались с большим опережением, если, конечно, решались. Совершенно бессознательно, на уровне тренированных рефлексов, Вадим стал слегка раскачиваться в такт разговору. Старые навыки не забывались. Постепенно речь блондина превратилась в невнятное бормотание, а потом Верховцев безвольно упал лицом на клавиатуру.

— Козел, — пробормотал Вадим.

Новый коллега отреагировал на ключевое слово, пришел в себя и, как ни в чем не бывало, забыв о разговоре, забарабанил по клавишам компьютера.

Вадим, хоть как-то пытаясь убить время, изучил все новостные сайты, мельком прошелся по базам данных основных событий в мире за последние четыре года и, совершенно не стесняясь, стал скачивать пиратскую копию нового фильма про пиратские авантюры. Пришло время обеденного перерыва. Брюнетка в мини-юбке и с большим бюстом обошла офис с колокольчиком, призывая обитателей кубиков отправиться на обед. Малахов подумал, что заработки на спекуляциях Мусерсона — очень прибыльное дело.

Делать было нечего, и Вадим в надежде увидеть своих старых коллег и товарищей отправился в столовую Центра. Но, как ему показалось, там были только сотрудники аналитического отдела. Видимо, время перерыва было для всех разное. Меню было

достаточно разнообразное, и, выбрав себе несколько блюд, Малахов стал искать место, где бы присесть. Тут его окликнул глава отдела, Туманов.

— Вадим, садитесь к нам! — Он излишне радостно замахал руками.

За столом Туманова было одно свободное место, рядом сидели две девицы офисного вида.

— Вот, девочки, это гордость нашего Центра, легендарный Вадим Малахов, — представил глава отдела. — Вы просто не представляете, какой у него опыт работы. Это очень ценный сотрудник.

Вадим сдержанно улыбнулся и переставил тарелки с подноса на стол.

— Вот вы, наверное, не представляете, — продолжил Туманов, когда Вадим занял свободное место, — насколько в наше время понятие «ценный сотрудник» приобрело реальное значение.

Малахов сделал вид, что полностью поглощен едой, тем более было понятно, что слова начальника больше обращены к девицам, чем к нему.

— Нет-нет! — не унимался начальник. — Вы не представляете и не сможете представить. Моя задача — это не просто руководить отделом. Аутстафинг и лизинг персонала сейчас становятся не менее важными вопросами, чем остальная деятельность любой организации. Моя задача — вырастить таких сотрудников, которых Центр может продать за серьезные деньги!

— Как свиней на убой? — не выдержал Вадим.

— Я понимаю ваш сарказм. — Туманов улыбнулся особой улыбкой, которая совсем не скрывала его раздражения. — Но скорее как футболистов. Вы удивитесь, на своей прежней работе мне удалось воспитать такую плеяду сотрудников, что очень, я повторяю, очень солидные фирмы платили за трансфер по триста, а то и по четыреста тысяч. Я надеюсь, что наш аналитический отдел добьется не меньших результатов.

— А что, сотрудникам все равно, где работать? — вяло спросил Вадим.

— А сами не захотите перейти на работу, где вам будут платить на десять процентов больше плюс очень выгодный соцпакет? — Туманов поднял брови.

Девицы жеманно хохотнули.

— Ну а что, все равно, чем заниматься? — Вадим из последних сил сдерживал себя.

— Разве есть разница? — В голосе Туманова явно звучало демонстративное удивление, поддерживаемое похотливыми взглядами тщательно накрашенных сотрудниц. — Вы же знаете пословицу «Была бы шея, а хомут найдется!». Я понимаю, у вас тоска по старым временам, но уверяю вас, я отражаю реальную ситуацию и политику руководства Центра.

— А сколько я могу стоять? — жеманно вмешалась сидящая напротив блондинка с лиловым маникюром.

— Алиночка, у вас очень большие перспективы, — с особым ударением на слове «большие», ответил Туманов.

Вадим поднял глаза на Алиночку и подумал, что перспективы действительно большие, примерно пятого размера. Слушая этот разговор, он откровенно заскучал и, быстро закончив обед, откланялся. Он заметил, что и в столовой Центра наступили перемены. Посуду надо было убирать за собой. У самой стойки, куда посетители приносили подносы с использованными приборами, у Малахова появилось легкое ощущение, что за ним наблюдают. Поставив поднос, Вадим развернулся и неспешно осмотрел зал. В дальнем конце столовой у входной двери стояла молодая женщина и смотрела на Вадима. Именно ее взгляд и почувствовал Малахов. У него онемело лицо, и лоб покрылся холодной испариной. Он помнил эту женщину. Собрав силы, Вадим быстро вышел из столовой, не глядя ни на кого.

Он сел за свой рабочий стол и некоторое время пытался прийти в себя. Но потом все-таки собрался и запретил себе вспоминать.

— Что, понравилась? — Вадим, поглощенный своими мыслями, и не заметил, как место напротив занял Верховцев, тоже вернувшийся с обеда.

— Что понравилось?

— На тебя так Вероника смотрела. Я думаю, ты это тоже заметил.

— Вероника?

— Ладно, не прикидывайся! — Верховцев снисходительно посмотрел на Вадима. — Девушка в столовой, из отдела контроля личного состава. Да от такой женщины только сумасшедший побежит. А ты же у нас свободный?

Наглый собеседник уже практически довел Малахова до кипения, но тут обоих отвлекли звуки, доносящиеся из основного офисного зала. Два здоровых негра катили большую грузовую тележку, на которой были сложены стопки одежды и гора обуви, похожей на армейскую. Следом за неграми важно ступал Туманов. Тележка остановилась посреди зала, и начальник отдела обратился сразу ко всем:

— Уважаемые коллеги! Благодаря нашим успехам мне удалось воплотить в жизнь давний проект. Теперь у сотрудников Центра будет своя, особая униформа. Попрошу всех подойти и получить нашу новую форму от лучших кутюрье России.

«Неужели Юдашкин?» — с ужасом подумал Вадим.

Сотрудники зашумели и, покинув свои кубики, выстроились в очередь. Негры бойко раздавали униформу и обувь, к туалету выстроилась длинная очередь, и уже через несколько минут по всему офису расхаживали люди в камуфляже и тупоносых ботинках. Форма была похожа на пародию армейской, особенно надпись «ЦАЯ», сделанная стразами на спине, что, видимо, обозначало «Центр Аномальных Явлений». Вадим решил все-таки остаться в старой одежде, красоваться со стразами ему претило. К тому же Туманов сообщил, что для Малахова форму пока не успели заказать.

— Понимаете, Вадим Петрович, разместили заказ заранее, комплекты пошиты индивидуально, и вашу еще не дошили. Но не расстраивайтесь! — Туманов похлопал по плечу Малахова.

— Да я как-то... — начал Вадим.

— Ну и правильно, зато наш отдел ждет еще один сюрприз. Я вам первому скажу. Идите в фойе — он там. У нас сегодня просто праздник тимбилдинга.

Не вдаваясь в подробности того, что такое тимбилдинг, Вадим поспешил в фойе не ради сюрприза, конечно, а чтобы убежать подальше от этого безумия.

Но в коридорах Центра Малахов увидел действительно нечто неожиданное. Казалось, строгие помещения превратились во фривольный парфюмерный бутик. Расположившись тремя лавками, продавцы косметики и парфюмерии живенько раскладывали свою продукцию по полочкам, которые они сами, видимо, и установили перед этим.

— Подходите-подходите, — окликнула Вадима девочка в рудиментарной маечке. — Сегодня у нас исключительная продукция от лучших домов Европы.

Вадим попытался отклонить предложение, но потом понял, что придется вернуться в офис, а это было совсем неприемлемо. Поэтому он отдался в ловкие руки продавщицы. За десять минут он узнал все об интонациях бергамота у «Сони Рикель», о гипнотическом воздействии на женщин «Обсешена плюс» и почему семилезвийная бритва «Спутник» лучше, чем «Жиллетт». Борода Вадима не располагала к бритью семилезвийными устройствами, и он взял в руки другую, розовую бритву со странной ручкой и спросил у продавщицы, как ею пользоваться. Та на мгновение покраснела, но, взяв себя в руки, сказала, что это только в приватной презентации, так как бритва двойного назначения, и что она готова организовать тренинг. Даже сунула визитку, пахнущую цветами. Потом, взяв бритву в руки, нажала потайную кнопку на ручке. Та загудела и завибрировала. Взгляд продавщицы был откровенным. Вадиму показалось, что он летит в какую-то черно-розовую ароматную бездну и, схватив с полки первый попавшийся флакон с одеколоном, он поспешил сбежать с этой презентации. Сразу скрыться не удалось. За флакон «Айриш Мусса» взяли баснословные деньги.

Глава шестая

Самбук был уверен, что заработал в Зоне на всю оставшуюся жизнь. Правда, уход от дел съел почти половину его сбережений. И перекупщики, которые сразу сдали его бандитам, и охрана Периметра оказались чрезвычайно алчными. Но Самбук предполагал такой вариант и в итоге сумел неплохо устроиться в Москве. И квартиру купил, двушку в новом доме, и машину, и даже вложил немного денег в прибыльное дело. В итоге жизнь Юрия Ивановича Тарабрина, так звали Самбука на самом деле, стала спокойной и вполне обеспеченной. Он подумывал написать книжку, даже название придумал: «Мемуары сталкера». Но пока не придумал, что именно там писать.

Очень быстро Самбук познакомился с хорошей женщиной. Она работала в баре, ее звали Аня. Аня была трудолюбивой и спокойной. На второй день она согласилась переехать жить к Самбуку и даже взяла с собой своего ребенка от предыдущего мужчины. Пацан, Стасик, оказался веселый и общительный и не слазил с Самбука. В общем — жизнь удалась. Как показалось сначала. Аня, вначале просто боготворившая Самбука, со временем стала меняться. Вернее, стало меняться ее поведение. Сначала в разговорах стало проскальзывать легкое раздражение, скорее даже недобрая ирония. Невзначай брошенный упрек, обидный вопрос, недобрый ответ на просьбу. Все это стало накапливаться в отношениях между Самбуком с Анной. Вот сегодня, когда он пришел вечером со встречи с друзьями, подруга даже не предложила ужин. А просто молча кивнула. Юрий хмыкнул и пошел в спальню. Там Стасик активно долбил в какую-то игру на компьютере.

— Чё мама такая мрачная? — спросил Самбук.

— Она давно такая. — Мальчик глянул на отца немного странно, Самбуку показалось, что у ребенка сверкнули глаза.

— А чего такая? — Самбук подошел поближе, ему было плохо слышно из-за воплей и выстрелов, которые раздавались из компьютерных колонок.

— Ну как... Раньше денег у нее побольше было, игрушки знаешь какие покупала. Да и не сидела взаперти. — Стас, словно в подтверждение своих слов поднял «мышку» — старомодную и простую. Без левитирующего модуля и автодокинга.

— Много ты, пацан, понимаешь... Да и кто ж ее держит? — Самбук, словно получив неожиданный удар под дых, сел на краешек кровати.

— А мама мне сама сказала. Вернее, не мне, она звонила кому-то.

— Кому? — У Самбука защемило в груди и перехватило дыхание.

— А я знаю? — пожал плечами мальчик. — Она меня со своими друзьями редко знакомит. А ты в игрушку «СТАЛКЕР-6» играешь? Я тут не могу уровень пройти.

Услышав последние слова Стасика, Самбук окончательно взбесился. Он выскочил на кухню, схватил Анин телефон и, не обращая внимания на ее возмущенный писк, стал просматривать последние звонки. Звонок был один. Звонил некто Ашот.

— И что ты, сука, налево гуляешь? — шипя от злости, Самбук пошел на Анну.

— Мама! Я боюсь! — неожиданно заорал Стасик. Но не кинулся к матери, что было бы естественным, а стоял, спокойно наблюдая за ссорой.

— Кого ты боишься, милый? — спокойно ответила мать. — Этого придурка? Эту никчемность?

Самбук просто одеревенел. Никто и никогда не называл его так. Никто и никогда даже не смел сказать о нем такого. Сталкер не позволял никому сомневаться в том, что он крут и удачлив. Он был знаменит в Зоне своим змеиным спокойствием и всегда выигрывал в схватках именно благодаря этому своему качеству, но тут его просто понесло.

— Ты что сказала, сука? — Юрий двинулся к своей подруге, сжав кулаки.

А сзади раздался легкий нервный смешок мальчика, похожий на робкое покашливание.

И тут произошло то, что Самбук меньше всего ожидал увидеть в своей жизни. Его женщина, которую он если не любил, то по крайней мере уважал, стала преображаться на глазах. Резко вытянулись вперед челюсти, руки удлинились, и яркие наманикюренные ногти превратились в убийственные когти черного цвета. Членистый хвост бил по бедрам, ноги удлинились, суставы вывернулись в обратную сторону, превращая человеческую фигуру в

неописуемое чудовище. То, что только что было Анной, утробно рыкнуло и, пробив гипсовую перегородку между кухней и прихожей, метнулось в подъезд, по пути разнеся входную дверь в щепки.

Ошарашенный Самбук стоял посреди кухни, пытаясь хоть что-то понять. Сердце сталкера колотилось не от возбуждения, а от панического страха. И самое страшное при этом — Стасик, стоявший как ни в чем не бывало и с улыбкой превосходства смотревший на Самбука. Мальчик протянул к нему руку, и Юрию показалось, что его схватили за сердце. Все поплыло перед глазами, и мир ухнул в холодную злую темноту.

Через минуту на кухне лежал высохший труп Самбука, а стоявший над ним Стасик продолжал улыбаться недетской дьявольской улыбкой.

Листер был фартовым сталкером. И уходя из Зоны, прекрасно понимал, что жизнь за кордоном отныне будет отличаться от жизни в Зоне, но даже там, в Москве, Зона не отпустит и ничего не простит. Листер знал — ни один шаг, ни один жест сегодня не будет забыт завтра. Поэтому, купив дом на Рублевке, сразу обеспокоился защитой периметра и надежной охраной. Уходя в Зону, Листер уже был значимой фигурой среди бандитов, его уважали за то, что он был активным борцом за идею. Идея была простая — все должно быть целесообразно, но предавать друзей нельзя. Убить можно, но предать — никогда.

Этот поздний вечер был таким же, как и все другие. Листер, за день уставший от забот, лично проверил системы сигнализации, охрану и камеры наблюдения. Все работало как положено, и даже охрана была бодра и готова действовать.

Листер уселся напротив камина в гостиной и малодушно подумал о водке. Но в одиночку пить считалось совсем неприлично, не по-мужски, а пить с охраной было ниже его достоинства. Он сидел, мучительно искал выход из этого положения и в конце концов решил, что виски пить в одиночку можно. Листер даже поджег дрова в камине, чтобы выглядеть, как настоящий аристократ.

Откинувшись в кресле, он подумал, что идея с бизнесом на Рублевке оказалась просто гениальная. Взяв под контроль все мусорные контейнеры и вывоз отходов, он, кроме того, что получил постоянный немалый доход, смог сделать еще одну неординарную вещь. Пяток бомжей перебирали отходы, и там удавалось найти так много всего интересного — от почти новой одежды до фотографий, за которые разные газеты выкладывали бешеные деньги — что его магазин рядом с метро «Бауманская» с ностальгическим названием «Комиссионка» процветал. Электроника, одежда, посуда — все самых знаменитых брендов и почти новая. Естественно, большая часть товара шла из-за границы, но легенда о том, что все эти вещи именно «с Рублевки», постоянно подогревала высокий рейтинг магазина. С учетом капитала, заработанного в Зоне, магазин сулил Листеру безбедное будущее.

Тепло камина и двенадцатилетний виски привели Листера в благодное настроение. Он закурил дорогую сигару и прикрыл глаза. Далекая жизнь в Зоне казалась чем-то нереальным и похожим на компьютерную игру. Только мозоль на указательном пальце от спускового крючка «калаша» за несколько лет так и не прошла.

Выпустив очередное облако ароматного дыма, Листер вдруг почувствовал смутную тревогу. Вроде ничего не изменилось, даже огонь в камине, вяло поднимающийся над углями, не дрогнул, не скрипнула створка окна, но Листер звериным чутьем понял — что-то произошло. И увидел — в кресле напротив, которое выглядело черным пятном в контражуре огня, сидел человек. И Листеру стало почему-то очень страшно.

— Не волнуйтесь. Я не собираюсь вам причинить зла. Да и если бы собирался, вы бы ничего не смогли сделать, — прозвучал глухой голос таинственного гостя.

— Тебе что надо? — собрав волю в кулак, прохрипел Листер.

— Дай мне то, что ты вынес из Зоны. И все будет хорошо. В деньгах ты не будешь нуждаться. — Голос стал резким и жестким, как легированная сталь.

— Я ни в чем не нуждаюсь. И из Зоны вынес только то, что заработал. А ты что за ферт такой ваще? — Листер почувствовал себя уверенней, перейдя на блатной жаргон.

— Потом узнаешь. — Невидимый собеседник тоже перешел на «ты». — Ты все-таки что-то вынес из Зоны.

— Это наезд? Что за предъявы ты мне тут кидаешь? — Листер надеялся, что феня позволит ему произвести сильное впечатление, не замечая, что гость никак на это не реагирует.

— Зона в тебе, и я прошу тебе отдать это мне. — Листеру показалось, что глаза гостя сверкнули красным огнем.

— Ты бредишь? Что за стихи ты тут мне плетешь? — Бывшему сталкеру почему-то внезапно полегчало, и он мгновенно успокоился.

— Послушайте меня, пожалуйста, и не надо нервничать, я ведь хочу сделать вам выгодное предложение, а вы не можете этого понять, — продолжил неизвестный.

Листер хотел резко и грубо послать гостя, но все-таки сдержался и ответил:

— Давай рассказывай, пока я ничего не понимаю.

— Вы, главное, не нервничайте, — вкрадчиво сказал гость.

— Да спокоен я! — в бешенстве заорал Листер.

— Ну и отличненько. А по делу — все очень просто. Как показали наши наблюдения, тот, кто пришел из Зоны, несет внутри часть ее. Вот и получается, что бывший сталкер создает вокруг себя маленькую Зону. С артефактами и исчадиями ада, более уместными в самой Зоне.

— Ну и?.. — Листер, хоть и был сообразительным, ничего не понял.

— Вы не нервничайте и попробуйте вспомнить — не случилось ли так, что с вашими друзьями здесь, в нормальном мире, происходило что-то странное?

Листер задумался.

— Не волнуйтесь, — опять сказал незнакомец.

— Еще раз предложишь мне не волноваться, я тебе ноги повыдергиваю! — взревел Листер. — Было! Туфель, кореш мой по Зоне, выжрал литр водки и потом блевал. С ним такого никогда раньше не было!

— Так, может, просто отравился?

— Ты что, падла, думаешь, что я мужикам паленую водку наливаю? — Подозрение было настолько оскорбительным, что сталкер был готов броситься на посетителя с кулаками.

Листер вскочил, решив наконец закончить этот мучительный для него разговор. Ему хотелось открутить голову странному гостю. Но тут словно каменная стена встала на его пути и отбросила бывшего сталкера обратно.

— Не пытайтесь сопротивляться. — Голос человека в кресле оставался все таким же спокойным. — Ничего не выйдет.

— Кто ты, твою мать? — Сталкер говорил тихо, его обуял животный страх, возможно, впервые за много лет.

— Не важно. Но у тебя есть только два варианта. Или ты согласишься с нами работать, или сейчас от тебя на ковре останется высохший труп.

Листер попытался возразить, но острая боль, словно его горло сжали железные щипцы, подавила волю. Он только и смог прошептать:

— Что тебе надо...

— Во-первых — полная конфиденциальность.

— Шо? — не понял Листер.

— Хлебало заткни и никому не слова, — доходчиво объяснил гость.

— Да чтобы Листер кому что насту... — Сталкер не договорил и захрипел.

— Не перебивай, я же предупредил. Второе. Найди себе друга. Можно подругу. И проводи с ней достаточно много времени. В кабак своди. Или устрой тут пьянку. Не одну. Денег дам столько, сколько ты в жизни не видел. Но есть условие.

— Какое? — обреченно спросил Листер.

— Я буду всегда рядом.

— Шо, когда я бабу, это, завалю, ты свечку держать будешь?

- Понадобится — буду.
- Я на людях не размножаюсь. — Листер собрал остатки гордости и вложил их в эту фразу.
- Жить захочешь — будешь. — Собеседника сбить с толку было невозможно.
- И что потом?
- Потом — все будет хорошо. Понял? И еще. — Незвестный сделал паузу.
- Что?
- Найми себе новую охрану, — тихо сказал гость.
- Нафиг? У меня пацаны — лучшие на Рублевке.
- Были. Мне свидетели не нужны.

Листер беспомощно завертел головой, не понимая до конца, что ему сейчас сказали. А когда закончил вертеть, увидел — в гостиной никого нет. Он достал из письменного стола пистолет и осторожными шагами направился в коридор, передергивая на ходу затвор. В дальнем конце дома он нашел то, что раньше было его охраной. Высохшие, словно высосанные страшной силой, трупы. Листер сел и заплакал. Понимая, что он потерял свободу и, возможно, навсегда. Ему показалось, что, может быть, и вся жизнь уже окончена.

Глава седьмая

Вадим устал от долгого и бессмысленного сидения за монитором и начал клевать носом. Чтобы прийти в себя, он решил пойти выпить кофе. Он уже подошел к автомату, установленному в дальнем конце коридора, но увидел, как из лифта вышла Вероника. Малахов малодушно захотел исчезнуть за автоматической кофеваркой.

— Вы что, прячетесь от меня? — Вероника окликнула Вадима, который делал вид, что смотрит совсем в другую сторону. — Вы не хотите со мной разговаривать?

— Нет, не хочу, — резко, даже чересчур резко ответил он. Ответ прозвучал не совсем искренне.

— Почему?

От знакомого голоса у Малахова защемило в груди.

— Ну, представьте себе, что вы мне безразличны, — грубовато сказал он.

— Если бы я была вам безразлична — вам было бы все равно. — Вероника нажала кнопку «Капучино с шоколадом» на автомате.

Железный ящик начал жужжать и подрагивать. Коридор заполнился запахом кофе, в окошко выдачи выскочил пластиковый стаканчик, и в него полилась молочная пена. Вадим, выйдя из своего укрытия, молча наблюдал, как готовится напиток. Автомат тихонечко запищал. Вероника забрала горячий стаканчик, пригубила кофе и продолжила:

— А ведь видно, что вас переполняют эмоции. Я почему-то вас раздражаю? Я в чем-то виновата перед вами?

— А вы, часом, не психолог?

— Нет, не угадали, по профессии я математик, а тут работаю в айти-департаменте, сисадмином при отделе кадров, — объяснила девушка.

— Я знаю, где вы работаете, — сказал Вадим автоматически.

— А говорили, что я вам безразлична. — Вероника засмеялась.

— Я не говорил... Просто я не хочу, чтобы наше знакомство было чем-то большим, чем знакомство сотрудников. Коллег.

— Вы чего-то боитесь?

— Это вы должны бояться, — ответил Вадим и в который раз мысленно выругал самого себя за несдержанность.

— Вас? Смешно... Я знаю, что более порядочного человека в Центре нет, чего же бояться. У вас нехорошие помыслы относительно меня? — Вероника тихонько засмеялась.

— Спасибо, конечно, но я думаю, вы разглашаете служебную информацию, к которой имеете доступ. Я не могу точно сказать, почему я для вас опасен, но моя интуиция это

говорит.

— Я готова рискнуть. — Вероника была решительна, и казалось, что-то заставляло ее не отступаться, даже наплевав на приличия. — Пообещайте хотя бы не убегать от меня в коридорах Центра, хорошо?

— Давайте, раз уж вам так надо. Обещаю.

— Мне так надо, спасибо. — Вероника протянула руку, прощаясь.

Прикосновение к ее ладони словно прорвало плотину, сдерживающую воспоминания. Тяжелые и вязкие. Малахов сдержанно попрощался и ушел в свой отдел.

Минут десять он пытался собраться с мыслями — сидел, обхватив голову ладонями и никак не реагируя на постоянную болтовню коллеги по столу. Тут он понял, что про кофе совершенно забыл, но возвращаться к автомату не рискнул. Потом наконец Вадим собрался, и ткнул в клавиатуру пальцем, активируя компьютер.

— Начальство ждет аналитики по биржевым котировкам во время вчерашнего слета Токийской биржи, — словно сквозь ватную подушку услышал Малахов слова Верховцева. Вадим поднял на него рассеянный взгляд, и коллега понял, что еще одно слово — и он получит «мышкой» по носу.

Вадиму было глубоко наплевать на то, что от него ждет начальство. Ему было совершенно наплевать на коммерческую успешность Центра, на цену офисного планктона и на униформу со стразами. И даже не наплевать. Ему это все было просто противно. И захотелось хоть на секунду, хоть для себя самого окунуться в старую жизнь, старую работу. Вадим глянул на розоватую плешь склонившегося над своей клавиатурой Верховцева, и решение пришло само собой.

Пробежавшись глазами по контактам в коммуникаторе, он нашел Германа и попросил у него вход в старую информационную систему Центра, с помощью которой он привык исследовать ситуацию в мире, искать события, которые могли заинтересовать его и его группу. Тельбизу объяснять ничего не надо было, и через пару секунд Вадим уже был в родном интерфейсе старой системы поиска. Что-то подсказывало ему, что нужно осмотреться и понять реальное положение дел и в Центре, и вокруг него. Впрочем, поиск он начал совсем неожиданно, для самого себя в первую очередь. Вадим понял, что хочет найти хоть кого-то из сталкеров, с которыми сталкивался в Зоне. И задал строку поиска: «картинка сталкер». Специализированный поисковик выдал изображения практически моментально. Вадим пролистал несколько страниц и потом, посмотрев дату и место, где было сделано заинтересовавшее его фото, передал сообщение Герману: «Немедленно собираемся у меня дома. Все». Перед тем как уйти из офиса, Малахов переписал несколько фотографий себе на флешку.

— Я ушел, — сказал Вадим коллеге.

— Куда, еще же не конец рабочего дня, что шефу сказать? — Сосед по столу даже приподнялся, словно хотел задержать Вадима за рукав.

— Скажи, чтобы пошел в жопу, — совершенно спокойно посоветовал Малахов.

Уже издали, подходя к своему дому, Вадим заметил, что группа «Табигон» в полном составе сидит на лавочке у его подъезда и спокойно пьет пиво. А вокруг ходит полицейский и бьет себя время от времени по сапогам дубинкой, словно отряхивая пыль.

— Вы зачем служивого злите? — улыбнувшись, спросил Вадим, когда подошел к друзьям.

— Да не злим мы его, он нас от других охраняет. Проникся политической ситуацией момента, — весело ответила Клава и добавила: — Товарищ сержант полиции, можете оставить пост и идти домой.

— Есть! — ответил полицейский и зашагал в неизвестном направлении.

— Ребята, есть дело, — сказал Малахов, — пошли, поговорим!

— Дай ключи, да. — Герман протянул руку. — Я не хочу разговаривать о деле так, чтобы потом вся округа знала, о чем мы разговаривали.

Вадим понимающе кивнул и отдал ключи.

— Ну что, как жизнь на новом-старом месте? — спросил Тимур, затягиваясь сигаретным дымом. — Тебя уже три дня не слышно и не видно.

— Ну, как... А то ты сам не знаешь. Я так долго не протяну, вернее, не протянул. В общем, мы сейчас поднимемся ко мне, и вы все поймете.

Через двадцать минут открылось окно на четвертом этаже, и залихватский свист Германа позвал всю группу, давая понять, что квартира в порядке.

— Ну, что, вот смотрите. — Герман показал на кучу проводов и электронных устройств на кухонном столе. — Вот это системы прослушки и видеомониторинга. Это наш Центр ставил. Вот это поставила ООН, а вот это фиг знает кто. Чтобы не спрашивали — я пробил по базе номера каждой примочки. Потому и знаю, кто и что ставил. Можно теперь говорить, ни о чем не беспокоясь.

— Ну, что я могу сказать. Марку держишь! — Вадим улыбнулся, у него всегда поднималось настроение, когда он видел, как четко работают его товарищи.

— Есть, шеф! — Герман сделал вид, что отдает честь.

— Садитесь, есть большой разговор. — Малахов пригласил всех в гостиную.

— Вадим, пойдем на кухню. Я поесть приготовлю. А то без закуски пить вредно, — возразила Клава и, не дожидаясь ответа, отправилась на кухню.

— Ясно, — сказал Тимур, — готовить все равно мне.

Клава мыла гору посуды в мойке, не доверяя посудомоечной машине, которую Малахов уже успел установить, Тимур строгал салат, а Герман тщательно сложил в морозилке принесенную водку. Одновременно с салатом Тимур ухитрился приготовить сочные отбивные.

— Я боюсь, что отобью вам сейчас этими фотографиями аппетит. — Вадим включил планшетку и воткнул в нее микрофлешку, содержащую файлы с данными по сталкерам в Москве. — Вот смотрите.

Все собрались вокруг дисплея, Клава даже вытерла о передник руки.

— Это фотки погибших за неделю сталкеров. Как вы думаете, где я такое уже видел? — Малахов поднял голову и посмотрел на товарищей, словно ища у них ответа.

— Я подозреваю, что все это связано с твоим последним визитом в Зону? Или нет? — Тимур отошел к плите и проверил отбивные.

— Ты не подозреваешь, ты знаешь. Только это не Зона, это Москва. Вы понимаете? — Вадим ткнул пальцем за окно, показывая, что Москва — вот она, здесь.

— Это говорит о том, что энампы опять набирают силу, — спокойно сказал Тельбиз. — Мы твой отчет не просто читали. Изучали от корки до корки.

— И что теперь? — спокойно спросила Клава.

Она уже закончила мыть посуду и расставляла на столе тарелки.

— Ребята, мне кажется, что пора брать ситуацию в свои руки, а то она нас возьмет за жопу, — сказал Вадим. — Я хочу просто спросить — вы готовы? Или?

— Секунду. — Клава приложила палец к губам, призывая всех замолчать, и вытащила из кармана джинсов телефон. — Да, Коля, нет, сегодня не выйдет, я занята. Считаю, что до завтра. И я тебя.

Она спрятала телефон и подняла глаза на друзей. Все как один одобрительно загудели.

— Клава, у тебя серьезный мужчина появился? — сияя, как медный пятак, спросил Герман.

— Ну, от вас же серьезности не дождешься, — в тон ему ответила Клава. — Короче, давайте о деле.

— Вы готовы? — Вадим повторил свой вопрос.

— Малахов, не нуди, — ответил Тимур. — Позволь мне признаться, ты становишься крайне занудным. Ты что, с нами первый год знаком? Ты что, не понимаешь, что мы ждем от тебя этих слов с того самого момента, как вытащили тебя неизвестно откуда.

Вадим чуть помрачнел, воспоминания опять ударили в сердце, и предательски заболел шрам от стрелы на ключице...

— Все. Приступаем. Герман, вытащить все данные по этим смертям, все протоколы, все камеры наблюдения, все, что не смогли собрать опера. Тимур — по итогам работы Германа взять за зад всех свидетелей и вместе с Клавой их выпотрошить. Вопросы есть?

— Нет.

— Наливай!

Водка подействовала на Вадима как лекарство. Жуткое напряжение, душившее его с момента встречи с Вероникой, начало отступать. Ужин был великолепен. Несмотря на все попытки Тельбиза выяснить у Клавы, кто такой таинственный Коля, ухажер так и остался инкогнито. Герман, делано надувшись, стал ковыряться в своем карманном компьютере.

Опять зазвонил сотовый у Клавы, и она, подозревая, что поговорить ей толком не дадут, ушла в коридор.

— Вадим, я давно хотел тебе сказать. — Тимур воспользовался тем, что все были заняты. — Есть одно интересное побочное действие вакцины.

— Какой? — Вадим не успел переключиться.

— Извини, я просто об этом постоянно думаю, короче, я могу возвращать морфирование, когда хочу. Я о своем морфировании.

— Поясни. — Малахов все понял, но хотел услышать от Тимура детали.

— В общем, у меня есть препарат, я его сам синтезировал, если я его введу себе, то на какое-то время я опять стану тем самым... не знаю, как назвать. Но контроль над сознанием уже достаточно высок. Единственное условие — полнолуние. Видимо, та зараза, что во мне сидит, очень сильно зависима от лунных циклов. — Тимур говорил тихо, словно опасался, что Тельбиз выловил не всех «жучков».

— Ты расстроен? — с легкой иронией спросил Малахов, отрезая сочный кусок мяса.

— Нет. Просто предупреждаю о резервах потенциала группы. — Тимур, рассказав о тайне, которая мучила его, повеселел.

— А ты в Центр отчет написал? — спросил Вадим, хитро прищурясь.

— Нет, я хотел написать, но, боюсь, без страшиков на спине морфа это никого не заинтересует.

— Логично.

Налили по следующей, потом по очередной. Гера в это время был словно в другом мире, что-то его в компьютере сильно увлекло. Наконец он хлопнул себя ладонями по коленям и громко произнес:

— Оба-на! Вот оно!

Группа сгрудилась вокруг маленького дисплейчика.

— В общем, Вадим, извини, я так давно делом занимался, что не вытерпел. Нашел интересное. Недавно в лесопосадке в районе Горок-пять нашли четыре трупа. Симптомы точно такие же, как у одного из экс-сталкеров. Трупы опознали. Это были охранники некоего бизнесмена Липскерова Игоря Самойловича. О том, что охрана ушла с поста, он заявил за два дня до обнаружения тел. Все они были сотрудниками частного охранного предприятия «Трифон». Претензий к нанимателю не имеют, и сейчас у него дежурит новая бригада. Следствие по непонятным причинам пришло к моментальному выводу, что охранники отравились паленой водкой, и дело закрыли. Но вот... тут есть некие особенности, я бы даже сказал, странности...

— Не тяни, трагик. — Клаве не понравилось, что Герман рассказывает, словно читает сценарий фильма ужасов.

— Так вот, — Тельбиз ничуть не обиделся, — в системе видеонаблюдения этого самого Липскерова не оказалось ни одной записи до того дня, когда пропала охрана. Все винчестеры были вычищены.

— И?.. — не выдержал уже Вадим.

— Так вот, Липскеров известен в определенных кругах как Листер. Погоняло это он получил давно. Но именно под таким именем он фигурировал несколько лет в Зоне как сталкер. Очень успешный.

— Ты про записи не закончил, — вставил Тимур.

— Ну да, конечно. Просто формат они сделали быстрый, и много еще на эти диски записать не успели. Я скачал кое-что и восстановил. Вот смотрите.

На ролике вполне удовлетворительного качества можно было рассмотреть небольшое помещение, скорее всего комнату охраны. В какой-то момент открылась дверь, и вошел высокий худой человек. Казалось, охранники не обратили на него никакого внимания. Человек постоял несколько секунд посреди комнаты. Он спокойно наблюдал, как один за другим люди падали на пол. В одно мгновение здоровые мужики превратились в сухие мумии. При этом по экрану бежали сильные помехи, словно пространство в комнате охранников наполнялось, как в грозу, электрическими разрядами. Потом Гера включил другую камеру. Каминный зал, Листер разговаривает о чем-то с тем самым человеком, который заходил в комнату охраны.

— Ну как, знаком стиль работы? — спросил Тельбиз.

— Да, стиль очень сильного вампира. Но вот почему Листер остался жив? Я прекрасно помню еще по Зоне, что после встречи с таким гостем сталкеры погибали так же, как эта охрана.

— Ну что, мы будем так сидеть и гадать, — внезапно вмешалась Клава. — Поехали, поговорим с клиентом.

— Куда, на Рублевку? Да мы не доедем просто, тем более после водки кто за руль сядет? И за руль чего? — возразил Вадим.

— Во-первых, я не пила, вы вообще невнимательные, как все мужики. Во-вторых, мы сюда на моей машине приехали. А в-третьих, что, так и будем тупо пить и ничего не делать? — Напору Клавы никто противостоять не мог.

— Раньше бы я, конечно, Лазненко позвонил, предупредил. — Малахов все еще сомневался, но вдруг, словно переломив себя, сказал: — Поехали, нам ничего не грозит. Пусть они боятся.

— Вадим, давай с утра, да? — резко переменила настроение Клава. — Не уйдет он никуда. Надо подготовиться все-таки. И еще. Ты так и не расскажешь, что с тобой было все эти четыре года?

Вадим помрачнел. Возникший было азарт охотника куда-то испарился.

— Я же говорил, не сейчас. И вообще даже не знаю когда. Считайте, что эти мои четыре года и то, что я об этом помню, — совершенно закрытая информация.

— Ну, как хочешь. Но пока ты не расскажешь — это будет мучить тебя. Я же вижу.

— Потом, — только и смог сказать Малахов.

Глава восьмая

Денег у Листера было достаточно, чтобы оплачивать охрану и дома, и на выезде. И хотя бывший сталкер предпочитал пореже появляться на людях, он разумно решил, что, пока есть возможность, надо поберечься. Заодно можно показать остальным лохам, что он не абы что. Сегодня утром как раз возникла такая необходимость. Эльза, новая подруга Листера, очень настойчиво намекала на то, что у нее нет ни одного достойного колье, и он решил сделать девушке сюрприз. Рублевские магазины он не любил, тем более не хотел светиться и вызывать зависть у соседей, поэтому рано утром он выкатил свою «бентли» из гаража. За ним последовал «мерседес» — кубик с охраной.

Листер почуял недоброе примерно через пятнадцать минут. Он выбрал такое время, когда все шишки с Рублевки в субботнее утро уже проехали по своим шишечным делам, и дорога была относительно пустая. И «субару», которая села на хвост и все время пыталась обойти охрану, будто не знала, кто едет, вызвала недоумение. Охрана передала по рации, что, мол, тут урод один норовит обойти, и попросила разрешения начистить ему рыло. Листер не хотел портить себе настроение. Оно впервые после встречи со странным визитером и гибели охраны было вполне себе нормальным.

— Да пропусти ты эту тачку, — дал он указание водителю «мерса». — Может, нарик какой-то за дозой прется или дите чье-то резвится. Развелось мажоров как мух на помойке.

Кубик охраны перестал перекрывать дорогу назойливому преследователю и пошел ровно. «Субару», словно только и ждала этого, немедленно пошла на обгон. Когда она обошла «мерседес» и должна была пойти дальше — в обход «бентли», водитель «мерседеса» вдруг почувствовал, что теряет управление. Машина вильнула и улетела в кювет. А «субару» встала впритык за машиной Листера.

— Шеф, у нас вся резина в лапшу! — раздалось из динамика связной рации. — Газуй! Мы своих вызовем сейчас.

Вот тут Листер испугался не на шутку. Он вдавил педаль газа в пол, но казалось, что преследователь словно приклеился к его бамперу.

— Листер, тормози, — незнакомый голос донесся из рации. — Поговорить надо.

— Да кто ты такой? — нервно спросил Липскеров.

— ФСБ, — спокойно ответили ему.

— ФСБ так на хвост не садится! — зло ответил Листер.

Через короткое время он понял, что уйти не удастся, и все-таки остановился.

В машину немедленно сел Малахов и ткнул в нос корочку.

— Прикажи охране не суетиться и отменить вызов. Иначе для них все может плохо кончиться, — приказал он голосом, не терпящим возражений.

— В смысле? — не понял Листер.

— Лицензию аннулируем.

Листер нервно пожевал губу и связался со своей охраной.

— Пошли к нам в машину, покатаемся. Потом на место тебя привезем. — Малахов открыл дверцу «бентли», приглашая Листера на выход.

Сталкера усадили на заднее сиденье «субару». Тимур и Тельбиз зажали его с двух сторон. Листера сильно смутило то, что за рулем машины сидела хрупкая женщина.

— Кто вы такие? — Сталкер вложил в вопрос последние остатки воли.

Однако ответа не получил. Машина сорвалась с места и через минуту уже мчалась по проселочной дороге, словно по шоссе, ничуть не снижая скорости. Потом, свернув с проселка, по малозаметной лесной просеке углубилась в чащу.

— У нас к вам один вопрос. — Вадим обернулся назад с переднего кресла, когда «субару» остановилась на глухой полянке. — Кто убил вашу охрану и что он хотел от вас?

— Я ничего не знаю, — немедленно ответил Листер и нервно глянул по сторонам.

— Знаете, после того как он убил охрану, он довольно долго с вами разговаривал. — Малахов посмотрел на Липскерова взглядом плохого или даже очень плохого полицейского.

Листер сник. Он сразу как будто сдулся, хотя держался до сих пор бодрячком.

— Я не знаю, кто это был. Это страшный человек. Он сказал, что будет всегда рядом со мной, — глухо проговорил бывший сталкер.

— А что еще? — не отставал Вадим.

— Он сказал, чтобы я друзей себе завел. А он наблюдать будет. — В голосе сталкера были слышны нотки досады и стеснения, словно за ним уже наблюдали.

— Станный случай вуайеризма, — бросила через плечо Клава.

— А? — Листер ошалело повернулся к Клаве.

— Тебе не понять. Ну и как, завел? — Вадим махнул Клаве рукой, чтобы не отвлекала.

— Ну, да... — ответил Листер так, словно оправдывался. — Вот Эльзе ехал брюлики покупать. А тут вы...

— Не врет, — сказала Клава, не оборачиваясь.

— Ты его потом видел?

— Я и тогда его не видел. Он все время морду прятал, — ответил сталкер.

— Он что-то еще говорил такое, что тебе показалось странным? — Тимур спрашивал, а сам внимательно следил за реакцией Листера.

— Нет... — Тут Листер замялся. — Хотя... Он меня сталкером назвал. Кто сейчас

помнит это слово?

— Вот тебе номер телефона. — Вадим ткнул в руки Липскерову визитку, на которой были только цифры. — Если что-то произойдет или ты его увидишь, немедленно звони. Понял?

— Д... да, — дрогнувшим от радости голосом ответил Листер. Он понял, что никто его убивать или даже бить не будет.

Липскерова отвезли к шоссе и невежливо оставили на обочине. Сталкер, давно уже отвыкший стоять по щиколотку в придорожной грязи, выглядел несчастным.

— Что скажете, коллеги? — спросил Малахов после долгого молчания. Машина уже летела мимо Поклонной горы. — Есть идеи?

— Ну, что сказать... — протянул Тимур. — Твои друзья хотят что-то поймать на живца. Вопрос — что?

— Ты, видимо, прав. В общем, толку мало от наших телодвижений.

— Исаак, не валяй дурака, им нужен Федотов, — с сильным еврейским акцентом сказала Клава. — Сталкер, вернее.

— Это я понял. Ну что же, надо ждать, — сказал Вадим и стал отрешенно смотреть в окно на мелькавшую мимо Москву.

Машина мчалась по Кутузовскому проспекту, как всегда, полному машин. Респектабельные москвичи неслись по своим делам в обе стороны шоссе. «Мерседесы», «ё-моби́ли», дорогие «Лады-приоры» представительского класса — все они были серы от осенней грязи, все были безлики в потоке городского трафика. По обеим сторонам проспекта возвышались перестроенные за последние два года жилые дома. Убавилось пафосных галерей и пентхаузов, между высотками появились небольшие особняки богачей, и бессмысленные бутики сменились скромными гастрономами. Буйство красок осенней листвы уже поблекло, и жилые дома от шоссе отделяла однообразная череда мокрых стволов и голых веток. Еле слышный шум двигателей убаюкивал и уносил Вадима далеко отсюда, в мир, который все еще не отпускал его.

— Гера, поехали к тебе, надо по сети полазить, не возражаешь? — очнулся Малахов.

— Вадим, ты уверен, что моя семья обрадуется нашей толпе? Которая, вместо того чтобы сесть за стол, засядет у мониторов и начнет орать непонятное?

— Тьфу, прости, я еще не привык... Вы же для меня все те же, что и пять лет назад.

— Мы те же, Вадим, — ответил Герман. — Только жизнь на месте не стоит. И я очень надеюсь, что и у тебя все устроится. Как сын, кстати?

— Нормально. Пока он с бабушкой, мне надо хоть как-то быт наладить, потом он ко мне переедет. Ремонт надо сделать, а то мне и самому пока неуютно в этой квартире.

— Без матери, думаешь, ему будет нормально? — Герман играл роль опытного семьянина.

— Без Ольги — точно. Додуматься ребенка в Зону отправить...

— Ладно, не будем теребить больное, — прервала их Клава. — Малахов, только к тебе. Я думаю, Гера сможет войти куда угодно с помощью чего угодно. Я про сеть. А тебе, Вадим, надо подумать о том, чтобы вернуться к нормальной жизни.

— Не пили, — отшутился Малахов.

— Есть, шеф! — Клава невероятным маневром вбила машину на свободное место на стоянке возле дома Вадима.

В квартире Малахов сразу заставил Тельбиза запустить компьютер и с помощью Гериного поисковика начал рыться в базах полиции. Он перебирал поисковые строки, тихо бубнил себе что-то под нос. Рядом сидел Герман и время от времени подсказывал особые возможности системы поиска, он уже давно понял, чего от него хочет Вадим. Клава с Тимуром занялись обедом, не мешая остальным.

— Оба-на! — только и воскликнул Гера, когда удалось получить самые точные данные. — Тема, Клава, идите сюда!

Вадим как раз свел сжатую информацию.

— Что такое интересное нарыли? — Тимур вытер руки о фартук и подошел ближе.

— Ситуация простая. — Вадим повернул монитор так, чтобы было видно всем. — За последние недели произошло несколько загадочных смертей. Полиция не может даже найти зацепку. Все погибшие — бывшие сталкеры, переселившиеся из Зоны совсем недавно.

— За ними охотятся? — спросил Тимур, пытаясь быстро прочесть выведенный на экран текст.

— Очень странные методы охоты. Одного сталкера разрывает пополам его пассажирка с заднего сиденья мотоцикла. Другого рвет на части зверюга, которую не могут поймать. У кого-то выпивают всю кровь.

— Как с охранниками Листера?

— Нет — буквально. Как кровососущее существо выпивает кровь, просто и незатейливо, — ответил Вадим Клаве.

— Что-то общее есть в этих убийствах? — Тимур бросил читать файл.

— Да. Общее есть. Кроме того, что все они бывшие сталкеры, у всех у них начала устраиваться жизнь на большой земле. У них появились друзья. Или подруги. Постоянный круг общения.

— Но ведь Листера как раз просили найти постоянных друзей. Общаться, а не сидеть, как сыч, у себя в доме, — тихо сказал Тельбиз. — Ты хочешь сказать...

— Или у них странный круг общения, или...

— Но зачем это энампам?

— Ну, как. Эмоций, выплеска энергии при таких убийствах достаточно, чтобы насытить самого прожорливого мерзавца.

— Они просто хотят покормиться за счет Липскерова?

— Не думаю. Им что, мало других сталкеров? Тут, видимо, другое... — Вадим смотрел на монитор и чувствовал, как простое и логичное решение все время ускользает от него. — Ты «жучков» на него навешал?

— Да, и на него, и на машину, как на сучку блох, — ответил Герман. — Пока там ничего особенного не происходит. Приехал домой и тупо пьет. Подругу свою послал подальше. Охране даже втык не сделал.

— Как ты успеваешь все это? — удивился Вадим.

— Блютус третьего поколения — дело великое. — Тельбиз вытащил из уха микронаушник. — А сильно я не прислушиваюсь, так что и не отвлекает особо. Вот только есть одна мелкая проблема, я как раз хотел сказать. У нас на машину тоже повесили маячок. Я его, конечно, сразу отправил в пешее путешествие... Но...

— За нами был хвост? — встревожился Малахов.

— Сигнал от маячка активировался уже после встречи со сталкером. Боюсь, что тот самый энамп, что обещал следить за Листером, следит уже и за нами.

— А почему ты молчал? — Вадим строго посмотрел на Германа.

— Потому что если бы я сказал сразу, то не факт, что этот маячок не передал бы эти слова тому, кто его повесил. А так сейчас он едет куда-то на «Жигулях» последней модели. Ты же заметил, что я на парковке чуть задержался.

— Так, впредь никакой самостоятельности. Понятно? — Вадим говорил строго, как когда-то давно, словно былая уверенность возвращалась к нему.

— Ладно, — буркнул Герман. Но было заметно, что он смущен.

— Ребята, я понимаю, что от нашей группы, группы «Табигон», остался только клуб по интересам. — Вадим смягчился, он пытался объединить невозможное — своих друзей в боевую единицу со строгой дисциплиной и субординацией. — Нет Центра, нет и группы. Но я вас прошу об одном. Мы опять должны стать группой «Табигон». И стать ею должны не благодаря штатному расписанию, а в силу долга и присяги. Я надеюсь, вы понимаете, что происходит с Центром?

— Вадим, не надо таких высоких слов, — прервала его Клава. — Мы не изменились. И я очень хочу, чтобы не изменился ты. Вернее, мы верим тебе. И давай больше не

возвращаться к таким разговорам. Руководи, командир.

— Все так думают? — уже совершенно несерьезным голосом спросил Малахов.

— А то! — ответил Тимур и почему-то засмеялся.

— Тогда ждем понедельника, я доложу начальству.

— У... — раздалось общее недовольство.

— Выполнять и не возражать. — Вадим был категоричен. — А за воскресенье надо собрать все данные по сталкерам, хотя бы по тем, кто обосновался в Москве.

Глава девятая

Понедельник встретил Малахова суетой на проходной. Сотрудники Центра, практически все незнакомые, большинство в новой форме, сверкая стразами, спешили на свои рабочие места. Никакого академического спокойствия и строгости былых лет не было и в помине. В приемной начальника Центра Вадима встретили недобро. Долго выясняли, кто он такой и зачем ему к руководству через голову начальства. Секретарша была наглая, гражданская и крашенная. Вадиму стоило определенных сил, чтобы вести разговор на обычном человеческом уровне, не применяя никаких спецметодов. В конце концов его согласились принять.

— Зареченский Витольд Матвеевич ждут вас, — сообщила девица, оторвав глаза от монитора.

— Ну, заходи, быстро ты отреагировал! — Голос главного был недружелюбен.

— Отреагировал? — вопросительно произнес Вадим.

— Я тебя минуту назад вызвал. Вот смотри. — Шеф бросил на стол перед собой пачку фотографий, не предложив Вадиму сесть.

На фото был подробный отчет о том, как Малахов со своей группой ловили Листера.

— Это не нашего Центра фото, не думай. Кто тебе позволил устраивать такую самодеятельность? Что ты, капитан, из себя корчишь?

— И не вам мне тыкать, — внезапно вспыхнул Малахов.

Вадиму было мучительно больно за бесцельно уничтоженный чиновниками Центр, за то, что идеалы его жизни преданы, что самые светлые цели стали коммерческими проектами. Он глянул на Зареченского, собираясь высказать все, но тот застыл с открытым ртом, шокированный словами подчиненного.

И тут взвыла главная сирена Центра.

* * *

Небольшой микроавтобус с затененными стеклами остановился у центрального входа в Центр. Из отъехавшей назад широкой дверцы вышел человек в длинном пальто. Пальто было странного покроя, как будто из какого-нибудь сюрреалистического фильма — широкое и бесформенное, до самой земли. Глаза человека скрывали черные очки. Не обращая ни на кого внимания, он двинулся к проходной, держа руки глубоко в карманах. Походка его была неспешная, но и не очень уверенная, словно он все время сомневался — идти вперед или нет. Когда охранник попросил предъявить пропуск, мужчина даже не остановился, а продолжал двигаться, турникет не был для него препятствием. Но у самой вертушки человек остановился и, оглядевшись, замер, словно все его тело окостенело. Лицо странного посетителя исказила дикая гримаса, и тут ахнул взрыв. Из главного выхода в Центр вырвался столб пламени, разметая тех, кто находился на улице. Как только пламя угасло, из микроавтобуса, который перед этим отъехал от входа, вышли еще несколько человек. Они были очень похожи на первого самоубийцу. Так же отрешенно они вошли в здание Центра, почти не обращая внимания на пламя. Через несколько минут раздалось взрывы на втором и третьем этажах Центра.

Вскоре третья волна нападающих вошла в истерзанное взрывами здание Центра. Они

уже не несли на себе взрывчатку, а были хорошо вооружены. Помещение за помещением они выкашивали автоматными очередями оставшихся в живых сотрудников.

* * *

Зареченский, услышав звон тревоги, побледнел.

— Что это? — сдавленным голосом спросил он.

А в кабинет уже доносились звуки автоматных очередей.

— Откройте оружейную комнату, я боюсь, что нам отсюда просто так не выбраться, — сказал Малахов.

В этот момент он думал только о своей группе.

— Какую комнату? — На лице Зареченского читалось искреннее непонимание.

— Твою мать, ну и идиот! — не сдержался Вадим.

Он, не обращая внимания на слабое сопротивление шефа, подошел к его столу и набрал на одном из телефонов номер. Задняя стенка кабинета уехала в сторону. Зареченский затравленно озираясь, не понимая, что происходит.

— Вы разогнали Центр, даже не поинтересовавшись тем, как он оборудован? — зло сказал Малахов.

В открывшейся потайной комнате хранился целый арсенал. Вадим, не задумываясь, вошел в оружейную комнату, взял со стеллажа автомат и подсумок с магазинами и, оглянувшись на Зареченского, выбрал еще пистолет, обычный «макаров».

— Стрелять умеешь? — без всякого пиетета спросил он шефа.

Тот сглотнул, судорожно кивнул и робко принял из рук Малахова автомат.

— Сиди тут и носа не кажи.

У Малахова впервые за долгое время появилось то самое настроение, которое помогало выживать и в этом мире, и в том, где он провел четыре странных года. Легкая эйфория, обострение всех чувств и еще чувство мишени. Вадим понимал, что сейчас ни одна пуля не пропадет зря. Его не беспокоила судьба Центра, не интересовало, кто это и зачем напал на Центр. Он шел спасать друзей. Вадим ударом ноги распахнул дверь кабинета и вывалился в приемную. Боковым зрением он отметил, что секретарша сидит под столом, закрыв голову ладонями, и тихо воет на одной ноте. Еще один бросок, и Малахов очутился в коридоре, со всего размаху ударив дверью об стенку. И тут он услышал спокойный голос:

— Если бы я не отскочил, ты бы потерял врача своей группы. — Прислонившись спиной к стене, стоял Тимур, держа наизготовку пистолет.

— Где остальные? — спросил Вадим, бегло осматривая коридор.

— Герман успел уйти вместе с Клавой в подземный паркинг. Туда вроде эти не рвутся, но... — Тимур тоже говорил отрывисто, стараясь не терять контроля над коридором.

— Кто куда рвется, объясни, — перебил Малахов.

Тимур вкратце описал обстановку.

— Какая часть здания захвачена?

— Почти все отделы. Похоже, что методично убивают всех сотрудников. Административный этаж успели заблокировать, там сейчас эти уроды долбят стальную дверь.

— Тогда... — Вадим решительно вернулся в кабинет шефа.

В оружейной комнате Вадим с Тимуром экипировались по-новому. Малахов заставил и Тимура, и безвольно-покорного Зареченского надеть бронежилеты, не забыв защитить и себя. Поверх жилетов приладили разгрузки с полным боекомплектom. Автоматы заменили на такие же, но с подствольными гранатометами.

— Идем выручать административный отдел. Вы, Зареченский, реально хоть когда-нибудь стреляли из автомата? — строго спросил Вадим.

— Да, — неуверенно ответил Зареченский, неловко пытаясь набросить разгрузку-лифчик поверх бронежилета, надетого на костюм от Кардена. — В летних лагерях, на пятом

курсе... У нас военка тогда...

— Ясно, он еще, блин, и в институте учился, — кивнул, поморщившись, Вадим. — Будешь прикрывать нам зад. Тимур, пошли.

Где находился административный отдел, Вадим хорошо помнил, хотя бывал раньше там редко. В сейфах администрации хранились все личные дела, и поэтому входные двери на всякий случай дублировались мощными стальными защитными перегородками. Эта защита и спасла сотрудников. Кроме главной двери, укрепленной громадными бронелистами, был еще второй, черный ход. Он служил на случай пожара в здании и всегда оставался запетым. Пройдя по узкой черной лестнице этажом выше, Вадим, Тимур и Зареченский оказались у этой запасной двери в администрацию, запертой на кодовый замок.

— Код знаешь? — рявкнул Вадим на Зареченского.

— Да, сейчас, — нервно ответил тот и, достав из кармана сотовый телефон, стал рыться в записях.

— Вы все секретные коды в телефоне храните? — зло спросил Тимур. — А пин-код кредитки не пишете на ее обороте случайно?

— Ну, эээ... — Шеф был полностью деморализован.

Через несколько секунд Зареченский все-таки нашел нужную запись и набрал код на замке. Пискнув, сработала электроника, освобождая замок. Вадим хотел пойти первым, но Тимур решительного отстранил его и, распахнув дверь ударом ноги, влетел в помещение. Оттуда донесся приглушенный женский визг. За Тимуром, уже понимая, что путь свободен, вошел Вадим и последним, дико озираясь, — Зареченский.

В углу сбились кучкой несколько женщин — сотрудниц отдела. А в стальные щиты главного входа один за другим бахали удары с той стороны — помещение штурмовали, пытаясь выломать дверь.

— Все на черную лестницу и по ней на парковку, — скомандовал Вадим. — Там вас прикроют.

Женщины сидели не шелохнувшись. Видимо, страх их парализовал. Но тут раздался знакомый голос:

— Девочки, выполнять! Все за мной!

Вадим не удивился. Где-то в подсознании он помнил, что Вероника работает в этом отделе, и где-то там же, в подсознании, он ни на секунду не прекращал беспокоиться о ее судьбе.

Блейзер на плече у девушки был разорван, она была легко ранена, но не обращала внимания на кровь. Вероника мельком глянула на Вадима. И от этого краткого взгляда у Малахова по коже пробежали мурашки.

Сотрудницы админотдела гуськом потянулись на выход. Последней была Вероника, она, проходя мимо Вадима, шепнула: «А ведь от судьбы не уйдешь», и улыбнулась. Вадим не сдержался и грустно улыбнулся в ответ.

Когда все скрылись за стальной задней дверью, Малахов закрыл ее и заблокировал замок.

— Открыть главный вход сможешь? — спросил он Зареченского.

— Так там же эти? — с ужасом ответил тот вопросом на вопрос.

— Можешь или нет? — повторил Вадим.

— Ну, коды есть, но ведь... — Зареченский опять достал свой сотовый и с видом приговоренного к смерти стал искать код.

— Разговорчики! Выполняй! Автомат дай, — подогнал его Вадим, увидев, что директор собирается возразить.

Шеф отдал оружие Тимуру. Озираясь и вздрагивая при каждом ударе в бронированную защиту, Зареченский стал набирать код на пульте слева от громадной стальной двери.

— Неудачное расположение пульта, — буркнул тихо Тимур и отступил на шаг назад.

И он, и Вадим уже приготовили оружие. После того как пискнул замок, ждать

пришлось долю секунды. Под очередным ударом дверь распахнулась, приплюснув к стене Зареченского. Ни на секунду не задерживаясь, Малахов и Рымжанов открыли шквальный огонь, время от времени хлопая подствольными гранатометами. Несколько нападающих успели упасть внутрь помещения, перегородив путь остальным. Скоро проход был практически завален трупами, а из коридора по ту сторону двери уже вырывалось пламя. Выпустив еще по магазину в пространство коридора, друзья поняли, что живых нападавших больше не осталось. В возникшей тишине явственно слышался вой сирен, видимо, к зданию Центра подтягивалась полиция и кареты «скорой помощи». Вадим и Тимур, осторожно пробираясь среди трупов, пошли на выход.

В конце коридора их остановили бойцы спецназа — в полной экипировке, в шлемах с опущенными забралами. Малахов и его товарищ не сопротивлялись, когда их повалили на пол и защелкнули наручники. Они прекрасно понимали, что сейчас лучше ничего не объяснять — никто их слушать не будет. Совершенно невежливо их поставили на ноги и поволокли по взорванным искореженным помещениям Центра на улицу, где сразу же запихнули в автозак. Но друзья относились к происходящему как к временному неудобству, прекрасно понимая, что все скоро решится как надо. И вправду, через час машина все еще никуда не поехала, дверцы распахнулись, и Вадима с Тимуром освободили с кучей извинений. Командовал спецназовцами плотный полковник. Он был смущен и всячески пытался загладить неловкость. В какой-то момент он даже попытался отряхнуть пыль у Вадима с плеча, сделал это очень неловко и покраснел.

— Идемте, с вами хочет поговорить руководство, — пригласил полковник обоих, показав рукой в сторону группы гражданских. От нее отделился полноватый человек в строгом, с иголки, костюме. За ним, почтенно держа дистанцию, последовали остальные. Судя по тому, что этого человека, кроме свиты, сопровождали еще человек десять охраны, он был очень большой шишкой.

— Вы Малахов? — спросил важный господин.

— А кто спрашивает? — не очень вежливо отозвался Вадим. И почувствовал, как Тимур дергает его за рукав.

— Извините, я думал, вы меня знаете. — Полноватый улыбнулся. — Президент Российской Федерации Саломатин Вячеслав Николаевич.

— Это вы меня извините. Я долго был в отъезде и не в курсе дел в России. — Вадим смутился, но взял себя в руки и состроил на лице глубокое сожаление. — Я Малахов Вадим Петрович. Сотрудник Центра. Только, похоже, Центра больше нет.

— Мне доложил глава Центра о вашем вкладе в спасение сотрудников. Вернее, о том, что вы их спасли. Выражаю вам благодарность от имени всего народа России. — Президент пожал руки сначала Вадиму, потом Тимуру.

— А что Зареченский? — спросил Малахов. — С ним все в порядке?

— Его увезла «скорая», у него сильные травмы лица и вывихнут большой палец на правой руке. Еще раз спасибо вам.

Президент дал понять, что аудиенция окончена, и удалился со своей свитой к черному лимузину.

— Ну что, все живы? — раздался за спиной голос Клавы. — Это не вы расплющили главу Центра? Он как под прессом побывал.

— Ну, видимо, в этом есть и наш вклад, — нарочито серьезно произнес Тимур. — Но, по-моему, его просто дверью прихлопнуло.

Все четверо пошли и присели на краю тротуара, на бордюре. Как бывало много раз, группа «Табигон» выбралась из очередной непростой ситуации, и теперь им надо было просто посидеть вместе несколько минут, покурить и поболтать ни о чем.

— Вадим, о тебе девушка одна все время спрашивала, из тех, что вы в администрации освободили, она вот просила позвонить. — Герман достал из кармана бумажку, где был записан телефон. — Вероника ее зовут. Я бы на твоём месте...

— Я бы не хотел, чтобы кто-то оказался на моем месте, — мрачно произнес Малахов,

но бумажку с номером телефона взял. — С ними все в порядке?

— Да, вполне, — ответила Клава, которая внимательно слушала их разговор. — Но всех увезли в госпиталь. Надо проверить на травмы, да и помощь психолога не помешает.

— Кто нападал — не ясно?

— Двоих удалось взять живьем, они или под наркотиками, или... Ты помнишь, как выглядели зомби, там? — ответила Клава.

— Ну, не забыл.

— У этих поведение такое же, хотя биологически они вполне в порядке. — Клава развела руками.

— Ты думаешь, опять психотронка? — Малахов попытался закурить, но оказалось, что все сигареты в его пачке сломаны и искрошены в труху.

— Ой, Вадим, ничего не думаю, — вздохнула Клава. — Ты знаешь, за эти годы безделья, вернее, нет, идиотской деятельности, я отвыкла думать, как раньше.

— Придется привыкать назад. — Вадим усмехнулся. — А что, у нас даже фляжки с коньяком нет?

— Нет, — уныло протянул Герман.

— Сейчас. — Клава встала с бордюра и громко окликнула одного из спецназовцев, все еще слонявшихся возле Центра.

— Так, представьтесь, — приказала она спокойно, глядя прямо в глаза военному. — Звание, имя, фамилия.

— Лейтенант Фролов, — немедленно доложил спецназовец.

И тут Клава совершенно неожиданно протянула ему руку, он пожал ее, но Клава не стала выпускать ладонь военного.

— Вот что, Фролов, ты сейчас пойдешь вон в тот магазин, там еще все окна выбиты взрывной волной, и купишь нам бутылку коньяка. Только самую лучшую. «Хеннесси». Денег не плати, скажи, что президент велел, понятно? Ты же видел, как президент страны с нами разговаривал и наделил полномочиями.

Спецназовец без колебаний отправился выполнять. Через пять минут друзья, устроившись на бордюре, пустили бутылку по кругу.

— А ты все-таки форму держишь. Вот так с ходу ввести в ступор подготовленного воина. Молодец! — сказал Вадим, принимая коньяк из Клавиных рук.

— Это я по работе соскучилась, — ответила Клава.

Глава десятая

Странное чувство охватило Вадима, когда он вернулся вечером домой. Никогда еще за все время его работы в Центре он не попадал в такую ситуацию, как сегодня. Прямо из пекла, после смертельно опасной схватки он оказался дома. В спокойной, уютной, хоть и требующей ремонта московской квартире. Практически всегда его работа, миссии его группы проходили вдали от своего жилья, вдали от Москвы, во всяких горячих или безумных точках планеты. Работа не заканчивалась сразу, по звонку, всегда после трудных операций был хотя бы небольшой период, когда напряжение спадало постепенно. А здесь... словно съездил на войну на трамвае. Сел на «пятерку», проехал две остановки, сошел на фронте, померз в окопе, сходил в штыковую атаку, а потом опять — дождался трамвая, купил талон, пробил его компостером... На этой мысли Малахова одолел сон.

Выспаться Вадиму так и не дали. В полночь его поднял телефонный звонок. Звонили из Администрации президента и сообщили, что за ним выслали машину. Президент Саломатин просит немедленно прибыть к нему на совещание.

Не успел Малахов положить трубку, как раздалась трель домофона — машина уже ждала внизу.

С сиреной и эскортом из двух полицейских автомобилей президентский транспорт летел по ночной Москве, разгоняя поздних водителей по обочинам дороги. Очень скоро

колонна въехала через Боровицкие ворота в Кремль. Охрана только отдала честь, не проявляя никакого желания проверить документы. Молодой человек, встретивший на входе в резиденцию, без всяких слов повел Малахова по коридорам. И вот Вадим вошел в кабинет главы государства. Кроме президента, там находились еще два человека — военный и штатский. Их Малахов тоже не знал в лицо, как не знал несколько часов назад президента.

— Очень рад, что вы согласились в такое время приехать ко мне, — слегка манерничая, поприветствовал Вадима Саломатин. — Я думаю, вы этих господ тоже не знаете. Председатель ФСБ господин Мятников и министр обороны генерал-полковник Тульев.

— Очень приятно, — сказал Малахов. — Чем обязан?

— Сегодня произошел самый страшный теракт за последние много лет. Москва всегда была наиболее безопасным городом мира. И что больше всего удручает, нападению подвергся Центр, гордость нашей разведки. — Президент говорил так, словно делал заявление для прессы. С металлом в голосе и чувством глубокой ненависти к террористам.

— Да? — с нескрываемой иронией произнес Вадим. — А я думал, что это гордость коммерческих структур и эффективных менеджеров.

Президент поморщился, не поняв, о чем говорит Вадим.

— Я чего-то не знаю? — Саломатин сердито глянул на Мятникова.

Худой председатель ФСБ в дорогом, скорее уместном на светском рауте, чем на совещании у президента, костюме нервно поправил оранжевый галстук и сдавленно ответил:

— В последнее время произошли некоторые естественные изменения в наших структурах, скорее инновации, чем изменения, конечно. Вы понимаете, недостаток финансирования...

— Вы что, блин, из уникальной организации балаган сделали? — Президент взревел. — Я этому Центру отдал несколько лет своей жизни, а вы!..

И тут у Вадима сработала фотографическая память — он вспомнил, что лет десять назад видел этого человека. Он действительно был сотрудником Центра.

— Чем занимался Центр последнее время? — Саломатин взял себя в руки и спросил уже спокойно.

— Мы переместили деятельность в сферу финансовой разведки, чтобы иметь возможность предупредить возможный кризис... Кроме реальной превентивной деятельности, это приносило хорошие деньги. Я в отчетах писал о том, что организованы консультативные услуги.

— А чем занимались сотрудники, та же группа Малахова, например? — не отставал президент.

— Я не знаю, кто такой Малахов, я его раньше не видел, но все оперативные группы, в отсутствие необходимости в других занятиях, в основном работали на коммерческие проекты, — быстро ответил начальник ФСБ, раздраженно зыркнув в сторону Вадима.

Саломатин тяжело вздохнул и сел в свое кресло.

— Вадим Петрович, может, вы знаете, чем Центр спровоцировал эти события? — спросил он Малахова.

— Боюсь, что могу только предположить. Но еще боюсь, что это строго конфиденциальная информация, — просто ответил Малахов.

— Вы хотите сказать... — Мятников не выдержал и оборвал Вадима.

— Я хочу сказать, что информация, которой я обладаю, имеет стратегическое значение. И если она попадет в коммерческие структуры, которые, как я понимаю, вы представляете, то...

— Да что ты себе позволяешь! Ты кто такой вообще? — Начальник ФСБ, не стесняясь присутствия главы государства, вскочил и рванулся к Малахову.

— Сидеть! — заорал Саломатин. — Вы, Мятников, повышаете голос на генерал-майора ФСБ, дважды Героя России и вообще рискуете тем, что этот человек вас сейчас убьет одним пальцем. И я не буду возражать. Возможно, награжу даже. Не вас.

— Дважды Герой, — вмешался Тульев, которого взволновало совсем другое, — как

такое может быть?

— Для работников Центра все возможно, — резко ответил президент. — Это же надо такое! Я уверен, что работа идет, что Центр все так же на острие борьбы, а тут... Вадим Петрович, пройдемте в защищенную комнату.

Они скрылись за небольшой дверцей в дальней стене кабинета. Это была особая комната с высшей защитой от любых способов несанкционированного прослушивания.

— Садитесь, рассказывайте. — Президент указал на кресло у журнального столика и сам сел напротив.

Малахов постарался подробно рассказать о начатой работе. С самой первой экспедиции в Зону, с поисков Золотой сферы и неожиданного сопротивления со стороны неизвестных структур. Вадим рассказал о том, как уже после международного скандала, спровоцированного этой неизвестной организацией, практической потери контроля над Зоной, ему пришлось вернуться в Зону в поисках этого таинственного врага. Рассказал он и о тайном Ордене энампов — энергетических вампиров, стремящихся к всемирному господству, и о последних эпизодах со сталкерами и этими энампам в Москве. Саломатин слушал внимательно, только однажды на секунду остановил Вадима и, достав сигареты, закурил. Вадим тоже не отказался.

— Скажите, вы тему энампов давно прорабатывали? У вас есть материал? — спросил президент, когда Малахов окончил рассказ.

— Так получилось, что я смог заниматься этим только в порядке частного расследования. Но в итоге я написал подробный отчет после того, как был эвакуирован из Зоны. Ну, можно сказать, что из Зоны. Это долгая история. Но реально фактического материала нет. В документе только мои личные воспоминания. Нынешнее руководство Центра, как мне кажется, его даже не изучало.

— Я уже шесть лет не работаю в Центре и, видимо, не в курсе тех событий.

— Я думаю, не было и нет никаких препятствий тому, чтобы этот отчет оказался у вас на столе...

— Да не в отчете дело. У меня просто в голове не укладывается, что организация, которая была главным центром сдерживания, главным превентивным инструментом, так бездарно просрана. А где Лазненко?

— Вы помните его? — Вадим вдруг почувствовал, что это ключевой момент всего разговора, что сейчас появился шанс на то, что Центр возродится. — Говорят, он на пенсии и работает где-то охранником.

— Говорят? Вы не удосужились его найти? — Саломатин удивленно посмотрел на Малахова.

— Какой смысл? Прийти к Лазненко в гости с бутылкой и провести душещипательную беседу на тему «Бойцы вспоминают минувшие дни»? — пожал плечами Вадим. — Чтобы у него защемило в сердце от тоски по старым временам?

— Давайте поступим так. — Президент резко изменил тональность беседы, заговорил как человек, привыкший отдавать только приказы. — Вы в составе своей группы продолжаете работу, вам не будет отказа ни в чем. Я в свою очередь постараюсь навести порядок в Центре.

— А может, — замялся Малахов, — если уж наводить порядок, то кто же лучше Лазненко это может сделать? Верните его в работу.

— Разумно. Тогда делаем так. Разыщите его к завтрашнему утру. Всю информацию вам дадут немедленно. Транспорт, поддержка, как я сказал, любая и неограниченная. Вам надо выспаться?

— Нет, только оповестите мою группу и доставьте ее сюда, хорошо? А пока пусть ваши люди найдут мне Лазненко, ну, скажут мне, где он сейчас.

— Эх, не зря о вас еще тогда легенды ходили. Вы все-таки уникальный сотрудник. Полчаса — и вы уже даете указания президенту России. — Саломатин улыбнулся.

— Ну а если кругом ни одного надежного человека нет, с кем работать? — в тон ему

ответил Вадим. — Не с начальником же ФСБ?

— Да, с ним точно не надо. Я уже давно собирался с ним разобраться. Настало время. Все, идите в комнату отдыха, поспите немного, пока доставят ваших сотрудников. Я думаю, к тому времени и адрес Лазненко найдут. И еще. При любой неожиданности выходите на прямую связь, код «Табигон». Это я специально для вас резервирую.

Вадим прошествовал через весь кабинет, даже не взглянув на вытянувшихся по стойке «смирно» министров, и в сопровождении секретаря пошел в комнату отдыха. Там на большом кожаном диване он моментально заснул. Нервное напряжение безумного дня и накопившаяся за последние недели усталость словно улетели в пропасть.

* * *

В шесть часов утра микроавтобус с затененными окнами летел по пригородному шоссе к гаражному кооперативу «Ветеран службы». Клава скрепя сердце разрешила вести машину водителю из президентского гаража. Она не любила, когда была на службе, доверять руль кому бы то ни было. Группа «Табигон» в полном составе ехала на встречу с Лазненко. Когда до цели оставалось еще километров двадцать, их обогнала колонна из четырех автомобилей. Несмотря на серьезные номера микроавтобуса, водители колонны вели себя достаточно нагло и притерли машину к обочине.

— Ни хрена себе! — возмутился шофер, провожая взглядом наглецов. — Ну, сейчас вы мне доездитесь!

Он взял в руки микрофон коротковолновой радиации спецсвязи и попросил разобраться с неизвестными лихачами.

— Тут пост через километр. Посмотрите, что с ними гайцы сделают, — хохотнул водитель.

Через километр действительно был пост. Прямо на шоссе лежали патрульные, вокруг них растекались лужи крови. Сам пост полыхал, как после взрыва...

— Соедини с президентом, — резко сказал Малахов.

Шофер сразу понял, что тут спорить нельзя, и немедленно произнес в микрофон бессмысленный набор слов, который, видимо, позволял связаться с высшей властью, и передал связь Вадиму.

— Код «Табигон», — не колеблясь произнес Малахов.

— Президент отдыхает, — ответили с той стороны. — Дайте вводную.

— По трассе М-1 от Дорохово движется колонна из четырех автомобилей. Вероятная цель — кооператив «Ветеран службы». Ими уничтожен пункт ДПС на... — Вадим глянул на водителя.

— На восемьдесят восьмом километре.

Вадим повторил цифры и продолжил:

— Колонну остановить.

— Есть, — ответили в радиации.

Через две минуты над микроавтобусом, вжимая грохотом в кресла машины, промелькнул военный вертолет. Уже на самом подъезде к кооперативу удалось нагнать то, что еще совсем недавно было автоколонной. Горящие остовы машин, трупы на шоссе, задумчивые полицейские, неизвестно откуда тут взявшиеся. Они слонялись на месте происшествия в бесплодных попытках понять, что же здесь случилось.

Кооператив «Ветеран службы» встретил группу глухими воротами и тишиной над уютными крышами скромных дачных домиков. Вадим, не задумываясь, нажал кнопку под надписью «Охрана». Немедленно из скрытого динамика ответили:

— Заходите, ребята, рад вас видеть. — Голос у Лазненко не постарел и не изменился.

Малахов очень боялся увидеть вместо бывшего шефа пенсионера, потерявшего интерес к жизни и мотивацию к действиям. Но «Табигон» встретил именно тот Лазненко, которого они помнили, строгий и подтянутый. Только в уголках глаз появились злые морщины.

— Вы нас ждали? — не выдержал Тимур.

— А почему бы и нет? Можно сказать, что заждался, — с усмешкой сказал Николай Петрович.

— А... — Вадим хотел что-то спросить, но передумал и сказал прямо: — Пора возвращаться в Центр.

— А вы что, ребята, думаете, я тут дачи сторожу, как ваш нынешний шеф говорит? Или поверили, что я раздавленный судьбой военный пенсионер? — улыбнулся Николай Петрович.

Генерал Лазненко выглядел так, что сразу стало понятно, что Зареченский врал.

— Да-да, пора Центр возвращать, — строго сказал он. — Пойдемте ко мне, поговорим.

Лазненко прикрыл небольшую дверь в массивных воротах и пропустил товарищей внутрь кооператива. Воздух здесь, за городом, был пронзительно чист и пах ранними холодами, первыми льдинками на почках и прелой, чуть прихваченной морозом листвой. А из леса тянуло мокрой корой вековых сосен. За оградой расположился обычный дачный кооператив за одним исключением — недалеко от ворот находилось здание, слишком массивное для дачного домика, больше похожее на бункер.

— Я подозреваю, Николай Петрович, что этот каземат и есть сейчас место вашей работы? Построили в свободное время? — с легкой улыбкой спросила Клава. — С квартальных премий откладывали?

— Да, танк для фронта за деньги артиста, — отшутился Лазненко, а потом совершенно серьезно продолжил: — Отходные пути надо готовить заранее. И запасной аэродром. А когда стали собираться над Центром демократизационно-коммерческие тучи, мы и построили этот так называемый садовый кооператив. Благо, финансирование Центра никто не смел контролировать.

— Так это не дачи? — изумился Тельбиз.

— Всеу свое время, — с напускной таинственностью ответил Николай Петрович.

Малахов видел, что генерал очень рад, что они приехали, что он соскучился по своим коллегам. И еще было ясно, что скоро Центр возродится.

Вход в бункер был закрыт люком, скорее всего когда-то изготовленным для морского судна — с комингсом и запором с электроприводом. Но Лазненко не спешил входить.

— На всякий случай у нас предусмотрена активная защита. После того, что случилось с тобой, Вадим, нам нужно было ждать чего угодно. Оставайтесь здесь на секунду.

Он вошел в бункер, и через мгновение небольшие решетки по обе стороны от люка, которые все приняли за вентиляционные, открылись, и наружу выехали стволы крупнокалиберных пулеметов.

— Это так, для начала, просто демонстрация минимальных возможностей. — Лазненко показался из бункера. — Теперь заходите.

— Так вот, — продолжил он, — это скорее для отпугивания бешеных собак. Система защиты нашего периметра включает, кроме всего прочего, и твой радиоголографический сканер с синтезированной апертурой, помнишь, Гера?

— Это тот самый, на котором вы меня поймали еще студентом? — Гера одновременно и удивился и обрадовался.

Много лет назад Тельбиз, еще студент, нашел на задворках университетской военной кафедры сложную локационную систему, результат неудачной научно-исследовательской работы. Согласовав с начальством, он решил модернизировать ее, заодно оформив как дипломную работу. Эта модернизация окончилась тем, что Герман сделал сканер, который видел сквозь стены в соседних зданиях. Включая тайные помещения Центра. Естественно, Геру немедленно вычислили, работу прикрыли, но для него это послужило началом службы в Центре.

— Ну, конечно, не тот гигантский монстр, а его современный вариант. Вот посмотри, с пульта управления я могу сюда картинку перевести. — Генерал показал на большой экран, стоящий в прихожей бункера. Его все приняли за телевизор.

На экране появилась картинка, скорее похожая на компьютерную симуляцию — угадывались деревья, ограда, автомобиль, шоссе. Но все выглядело, как будто просвеченное рентгеном.

— Вон водитель ваш, шустрый, уже докладывает президенту, что доставил. — Действительно, полупрозрачная фигура за рулем машины у ворот явно беседовала по телефону.

— Президент — бывший наш... — начал Малахов.

— Вадим, ты думаешь, я этого не знал? — засмеялся Лазненко. — Я всегда отслеживал судьбы сотрудников, покинувших наш Центр. И не покинувших — тоже.

— Все это скорее похоже на фильм про Джеймса Бонда, — сказал Вадим. — Хеппи-энд для героя.

— Согласен с тобой, выглядит как рояль в кустах, — согласился Николай Петрович. — Но извини, только то, что мы тут сидели безвылазно и практически бездейственно, и спасло наши силы. Иногда надо некоторое время посидеть, как мышь под веником, и не отвечивать. И ждать, когда твоя работа, да и ты сам понадобишься. Нельзя суетиться. А теперь, я надеюсь, можно выходить на легальное положение.

— Чего вы боялись? — недоумевал Малахов. — Я так понимаю, что в любой момент можно было обратиться к президенту напрямую и восстановить Центр.

— Вадим, ты забыл, что случилось с вами в Зоне в две тысячи двенадцатом? — Генерал отключил системы наблюдения и погасил экран монитора. — Ты думаешь, они отступили?

— Я был абсолютно уверен, что они как минимум обезглавлены. И силы у них сильно подорваны, — тихо произнес Малахов с нотками сомнения в голосе. — Я вообще полагал, что о них мы навсегда забудем.

— Может, вы хоть немного введете нас в курс событий? — Клава прервала их беседу. — Если уж мы хотим продолжать работу, то должны хоть немного понимать, о чем вы тут говорите. Хоть немного знать о событиях, которые привели к нынешнему положению дел.

— Ты не рассказывал своей группе? — В голосе Лазненко промелькнуло удивление.

— Не все, — покачал головой Малахов. — Ведь многое из того, что произошло, может быть только моими собственными ощущениями, а не реальностью. Поэтому я позволил себе рассказать коллегам только объективную часть событий.

— Какую? — не отставал Лазненко. — Учти, что твой отчет я читал. Только я и читал.

— Что ситуация с провалом миссии группы в две тысячи двенадцатом была связана с деятельностью тайного общества энергетических вампиров. Людей с экстраординарными способностями и не менее экстраординарными потребностями, — монотонно стал пересказывать Малахов. — И что теперь мы опять, судя по всему, снова имеем с ними дело.

— Ты рассказал про встречу с магистрами энампов? Про то, что ты сделал? — спросил генерал.

— Да что там говорить...

— Люди, чтобы вытащить тебя из Зоны, рисковали жизнью, ты мог бы им больше доверять, — покачал головой шеф.

— Не все, что я узнал там, в Зоне, может быть полезно. Извините. Все знают, кто сейчас наш враг, и я думаю, этого достаточно, — не согласился Малахов.

— Вадим, ты можешь, конечно, не говорить всего, твое право. Но если бы... — начал Тимур.

— Да и не надо ему ничего говорить, — оборвал его Лазненко. — Есть человек, который может рассказать объективную картину событий.

Николай Петрович достал из кармана коммуникатор и набрал на нем сообщение.

— Вот, позаимствовали идею у Зоны, — указал генерал на наладонник. — У нас тут своя внутренняя сеть.

— И сообщения о смерти Шипа-Семецкого регулярно приходят? — улыбнулся Тимур.

— Нет, мы такое фильтруем. Я свидетеля позвал. Он уже четыре года у нас в Центре

работает. Здесь, у меня в Центре, не в той профанации...

Через минуту скрипнули петли входного люка, и в бункер вошел громадный мужчина. Байкалова, хоть располневшего и поседевшего, Малахов узнал сразу.

Глава одиннадцатая

— Ну, здоров! — Байкалов обнял Вадима, чуть не раздавив в объятиях. — Я бы давно тебя обнял, но начальство не разрешало. Все ждали момента.

— Ну, ты и разъелся! Что, без охоты на вампиров спортом не занимаешься? — Вадим похлопал Дмитрия по округлившемуся боку.

— Это комок нервов, — очень строго ответил тот.

— Так, Дима, пожалуйста, подробно расскажите вашу версию событий две тысячи тринадцатого года в Зоне.

— Что, опять? — делано удивился Байкалов. — Ну, ладно. Кратко, для тех, кто не совсем в теме.

— Да в теме мы. — Клава ожидала, что сейчас ей будет прочитана банальная лекция из сети, которых она читалась в последнее время несметное количество.

— Послушай, Клава. И вы, Тимур с Герой. Вадим может просто поскучать, — сказал Лазненко. — Хотя идем, я тебе покажу наши «дачки», а молодежь пусть послушает.

Байкалов дождался, когда Малахов и Лазненко уйдут, и начал свой рассказ, предварительно откашлявшись, как лектор в Доме культуры.

— Всю историю человечества существуют легенды о вампирах. Причем только легенды. И сказки всякие. Никаких реальных или более-менее серьезных документов об их существовании найти нельзя. Но вы никогда не задавались вопросом, почему эти сказки такие живучие? Почему существует устоявшийся образ вампира, почему время от времени наступает просто безумный интерес к этим вампирам?

— У вас, судя по всему, отработанная лекция, — усмехнулся Тимур. — А мне-то про них не надо так издаека.

— Ладно, согласен, в присутствии самого Доктора не стоит, но я привык подробно. Я на самом деле плохой рассказчик. Так вот. Несколько лет назад некая частная организация приложила максимальные усилия для того, чтобы создать в Зоне наиболее экстремальную атмосферу. По-простому, сделать из Зоны филиал ментального ада и, кроме того, получить в нее полный доступ. Полный доступ для этой частной организации. С этой организацией мы сейчас снова столкнулись. Это неправительственная интернациональная группа. Это настолько могущественное объединение, что может контролировать даже целые страны. Это люди, которые не могут жить без внешней энергии для поддержки своей психики, своей, скажем так, жизненной силы. Им нужна психополярная подпитка. Я не думаю, что вам нужно объяснять понятие энергетического вампира. Именно о них я и говорю.

— Вадим рассказывал, что они способны убивать людей. И следы их деятельности мы обнаружили здесь, в Москве. — Клава кивнула.

Она уже поняла, о чем речь. Но Клаве не нравилось то, что совершенно новый человек проводит инструктаж, который обычно делал Малахов.

— У этих вампиров, или как их Вадим называл, энампов, особые способности?

— Именно. Одному достаточно тебе настроение испортить, и его собственное поднимется. Другому уже нужно устроить скандал, иначе он спать спокойно не сможет. А вот представь себе, что человек получает возможность, скажем, способность, получать больше и больше энергии от визави, которого он приводит в возбужденное состояние. Энамп — энергетический вампир — начального уровня, имеется в виду, что он уже осознает, кто он такой, может в течение нескольких минут уложить человека без сознания. И тот будет уверен, что просто сердце прихватило. Но им очень важно получать качественную энергию, энергию человека в моменты наивысшего возбуждения. Страх, страх и только страх делает для энампа добычу наиболее желанной. Ну и кроме того, им важна безнаказанность. Тогда

можно творить все, что угодно. И энамп имеет больше возможностей проявлять свои способности в условиях, когда ему ничего не грозит.

— А эти убийства? — спросил Тимур. — Это же...

— Нет, такое не каждому энампу под силу, это работа высшей касты. Элита этого отродья может, только почуяв у человека зачатки страха, раскрутить так, что через несколько минут от жертвы остается только расслабленный высохший труп с выпученными от ужаса глазами. И работать они могут сразу с десятком доноров. Именно вот эти, из высших, и рвались в Зону. Я повторюсь, их союз пустил свои щупальца по всему миру, во многие правительственные организации. Можно сказать, что это одна из тайных движущих сил мира. Вернее, не движущих, они реально деструктивны, а владеющих миром сил. Черная сила.

— Вы ими давно занимаетесь? — спросила Клава.

Тимур почему-то засмеялся.

— Что смешного? — удивилась Клава.

— Я видел, что делает Бай с ними. — В глазах у Тимура прыгали искорки. — Чувствуется, что подготовка та еще у него.

— Этим занимаются много поколений моих предков. И поверь, человечество им обязано. Обычно вампиры высшей касты очень малочисленны. Но всегда хорошо организованны и объединены.

— Но вред, который они приносят, ничто по сравнению с главной целью существования их организации. Этот Орден, организация этих сволочей, существует с единственной целью, направленной только на одно: не прозевать появление высшего вампира. Вампира высшей силы.

— А высший, — спросил Гера, — от остальных только силой отличается или еще чем?

— Высший всемогущ. Вампир поглощает человеческую жизненную силу так, как мы дышим. Он просто может сожрать человечество за несколько дней и перейти в практически нематериальную форму. В форму невещественного сгустка темной энергии.

— Я так понимаю, пока им не удавалось? — с иронией в голосе поинтересовался Тельбиз, но моментально осекся, увидев укоризненный взгляд Клавы.

— А тут мы подошли к самому интересному моменту. Мир симметричен.

— И существует... — подсказала Клава.

— Антивампир. Кроме энампов в том смысле, как я объяснил, существуют и люди, которые, часто сами того не замечая, тоже поглощают энергию у своих собеседников, но энергию совершенно другого толка. Вспомни, вы небось встречались с такими? — Бай обращался к Клаве, видя в ней самого благодарного слушателя. — Общение с некоторыми людьми успокаивает, снижает агрессию, ну, не мне вам рассказывать.

— И конечно, у таких людей нет никакой организации, как обычно водится? — спросила Клава. — Это только зло выстраивается в стройные ряды и ходит с плакатами типа «хайль», «гэть» ну, или что там еще модно...

— Нет, к сожалению. Они себе живут потихоньку и никого не трогают. Так ведь всегда в мире, ты права. Мерзавцы объединяются в стаи и становятся опасны, а те, кто может им противостоять, они каждый сам по себе.

— Вот ты, — Тельбиз незаметно перешел на «ты», — говорил что-то о высшем...

— Да, они его ждали в Зоне. И он пришел.

— И?.. — риторически спросил Тимур, уже поняв, что сейчас услышит.

— Вадим уничтожил и высшего, и всю верхушку энамповского сообщества.

— Ты хочешь сказать... — начала Клава.

— Да, Малахов — высший позитивный вампир. Или называйте его, как хотите.

— И он этого стеснялся? — удивленно спросила Клава. — Боится, что мы будем высматривать, не растут ли у него клыки в лунную ночь?

— Я думаю, что, во-первых, он не очень в это верит сам, а во-вторых, те четыре года, когда он был... Он говорил вам, где он был? В его отчете об этом ни слова. — Байкалов

вопросительно глянул на собеседников. — Кстати — никаких клыков не бывает.

— Нет, он что-то невнятное сказал, вроде в пространственном континууме... — ответил Гера.

— Изначально была гипотеза, что он вернулся в прошлое. Найденная им сингулярность должна была это позволить. Но я боюсь, что все оказалось не так. Но ладно. Важно одно — энампы опять объединились. И начнут охоту за Вадимом.

— А почему за Малаховым? — удивилась Клава. — Они же даже не знают, что он жив. Он же пропал в Зоне без вести. И никто о нем не слышал четыре года.

— Не факт, что не знают. А если и не знают до сих пор, то узнают в ближайшее время. — Байкалов внезапно сник, видимо, устал от долгого монолога. Он не был хорошо подготовленным лектором. — А ни у кого нет сигары?

— А сигарету — нет? — спросил Герман, протягивая пачку.

— Нет, — с сожалением ответил Дмитрий. — В общем, ребята, вы все поняли?

— Да уж понятней некуда, — кивнул Тельбиз. — Опять мы на острие войны.

Глава двенадцатая

— Пока им Дима все расскажет, мы по кооперативу погуляем, — сказал Лазненко, плотно закрывая вход в бункер. — Покажу тебе наши владения. Кстати, я знаю, что ты с Байкаловым в Зоне встретился и в курсе того, что вы там вдвоем делали. Поэтому я и взял его к себе на работу.

— А откуда вы знаете? Ведь я нигде ни о чем таком не рассказывал.

Даже в отчете, который Малахов писал в то время, пока находился в реабилитационном центре, он постарался обойти все подробности своего пребывания в Зоне, а тем более о встрече с Байкаловым и схватке с энампами.

— Ну, скажем так, есть некая организация тут, в Москве, она мониторит всех, кто был в Зоне, кто оттуда вернулся. У меня пока мало с ней контактов, там какие-то трения в верхах, но именно из этой организации мне и дали сигнал насчет Байкалова. Ну, ладно, это не так важно. Так как тебе здесь? — Лазненко широким жестом обвел поселок.

— А вы это так и называете — «Кооператив»? — спросил Вадим.

— Отчасти это правда. Я собрал здесь основное ядро Центра, эти люди гарантированно были бы уволены. И сделали мы нечто вроде товарищества на паях. Ну, это, конечно, условно.

— А почему вы...

— Не связался сразу с тобой? Я не был уверен, что тебя не чипировали. Иначе бы за тобой хвостом тянулись все, кто заинтересован в нашем обнаружении. Но ты действовал настолько стремительно, что опередил и нас, и в общем-то их тоже.

— Их? — насторожился Малахов.

— Я про твоих вампиров.

— Да какие они мои? — махнул рукой Вадим. — И где они теперь? Кучка идиотов, которые странным образом пытаются восстановить Орден.

— Ну как... твои, теперь уже совсем твои... — Лазненко замолчал и переменял тему. — Пойдем дальше, я расскажу, что у нас тут есть.

Садовый кооператив состоял из двух десятков аккуратненьких домиков, построенных в минималистическом стиле. Для обычного поселка, построенного городскими жителями в лесной зоне, он выглядел странно. Никаких огородов и садов, только чистые, засыпанные мелким гравием дорожки и ухоженные газоны. Вадим отметил, что в каждом здании установлен мощный кондиционер. Кроме того, нигде не было спутниковых тарелок — обычного атрибута дачных построек. И высокий забор, полностью скрывавший городок от посторонних глаз, тоже говорил о том, что здесь стоят не совсем дачи.

Под ногами чуть слышно похрустывал мелкий белый гравий, покрывающий дорожки между домиками. Газоны, словно вчера постриженные, ярко зеленели, несмотря на позднюю

осень, только местами на траве желтыми пятнышками лежали опавшие листья берез из соседнего леса. Из него доносился запах мокрой осенней коры. Голые ветки шелестели на ветру.

— Вот тут, — Лазненко показал на центральный дом, выкрашенный в веселенький розовый цвет, — у нас главный компьютер. Да не смотри ты так иронично. Конечно, все под землей.

— Я вот одного не понимаю. Ведь, судя по этому райскому уголку, здесь чуть ли не полноценная копия Центра. — В голосе Малахова проскользнуло легкое раздражение. — Тогда почему, сохраняя такую мощь, Центр бездействовал?

— Это неправильный подход. — Лазненко помрачнел. — Центр ни на секунду не прекращал активной работы — даже тогда, когда я ушел в формальную отставку. А потом...

— Вы ведь и пальцем не шевельнули, чтобы мне помочь добраться до энампов. А я...

Вадим замолчал, в памяти промелькнули месяцы его жизни в Киеве. Работа частным детективом, под чужим именем, в чужом городе. Он вынужден был скрываться после провала первой миссии в Зоне. Месть тайных хозяев Зоны была реальной опасностью. Энампы, проникшие своими щупальцами во все правительства и все структуры мира, были готовы в любой момент нанести смертельный удар.

— А в итоге ты вышел на след и уничтожил всю верхушку их организации. Разве это плохой результат? — Лазненко посмотрел на Малахова, словно пытаясь ему что-то объяснить без слов. — Понимаешь, Вадим, мы тогда уже были под плотным колпаком энампов. Один неосторожный шаг — и нас бы прихлопнули как таракана тапком. На тебя, находящегося, считай, в полном подполье, была вся надежда.

— Не чувствовал я этой надежды. Я чувствовал себя так, словно меня бросили один на один с Зоной.

— Байкалов мне рассказал, какая у тебя была идея с сингулярностью. — Лазненко опять резко изменил тему разговора. — Но ты ни слова после возвращения не сказал, что же было там, в тумане разорванного колеса обозрения.

— Мне очень сложно объяснить, что это было. И уж никак не путешествие во времени.

— А что? Ты хоть слово можешь внятно сказать? Ты был четыре года там, в небытии. Только невероятное стечение обстоятельств позволило тебя вытащить оттуда. Твой сын...

— Да. Не Центр, не друзья... — с горечью произнес Малахов. — Двенадцатилетний мальчишка.

— Как только Байкалов был принят в Центр, мы сразу же начали разработку операции. Понимаешь, это уже шло не через официальный канал. Заикнись мы хоть словом... А тут твой сын как раз устроил в Зоне полный дурдом. Весь в тебя. И все-таки — ЧТО ТАМ БЫЛО?

— Ничего. Там не было ничего. Единственное ощущение — все это время я был частью всеобщего сознания. Коллективного сознания человечества. В прошлом, нынешнем и будущем. — Вадим неожиданно для себя самого сказал то, в чем боялся признаться все это время после возвращения из Зоны.

— Ты какую-то мистику рассказываешь. — Лазненко откровенно разочаровался.

— Мистику? — Малахов грустно улыбнулся. — Я несколько лет в этой мистике находился. И многое помню. Из прошлого. И из будущего. А знать будущее... не пожелал бы я вам такого... Все, закончим этот разговор.

— Пока? — спросил Лазненко. — Пока закончим, да?

Вадим промолчал.

— Надо браться за дело, — внезапно с энтузиазмом в голосе произнес шеф. — Будем Центр возрождать.

— Да уж, — вздохнул Малахов. — Видели бы вы, что там от Центра осталось.

— Да видел-видел. Думаешь, я только по телевизору новостные программы смотрю? Нападавшие, а я на сто процентов уверен, что они были или под наркотическим, или под гипнотическим воздействием, рвались к архиву личного состава. Нам удалось его

заблокировать.

— Вам?

— Ты опять сомневаешься в наших возможностях, — усмехнулся генерал. — И вас туда мы впустили.

— Так ведь Зареченский код набирал, я думаю, и его бы хватило.

— У этого клоуна руки тряслись так, что он не смог бы и ширинку расстегнуть. Кстати, она была у него не застегнута, — зло сказал Лазненко. — Мы отслеживали твоё перемещение. Ну, не твоё, конечно, а членов твоей группы. Они чипованные. Но я не сомневался, что ты там, с ними. Вероника нам сразу потом сообщила.

— Вероника? — не понял Вадим.

— Да, она была ответственна за связь с тобой. Готовила нашу встречу. Но ты что-то уж сильно от неё шарахался. — Лазненко развернулся и направился обратно к главному бункеру. — Ты что, стал женщин бояться?

— Нет, — мрачно буркнул Малахов. — Я не её боюсь... Не будем об этом.

— Ладно, потом вернемся к этому вопросу. Поверь, Вадим, я вижу, что тебя что-то мучает и сжигает изнутри. А мне нужен тот самый Малахов, который работал со мной много лет. Я предлагаю этот разговор перенести на потом, хорошо? — Лазненко сказал это так, что было понятно — никакого ответа он не ждёт.

Когда Малахов и Лазненко вернулись в бункер, там уже шла спокойная беседа. Байкалов окончил свой доклад о сообществе знампов и сейчас рассказывал, слегка приукрашивая, самые яркие моменты из рейда его и Вадима в Зоне, когда верхушка знампов была уничтожена.

— Ну, что, главный навигатор уже подробно объяснил, куда мы летим? — спросил Вадим, войдя в бункер.

— А? — не понял Байкалов.

— Сразу видно, что ты ничего не понимаешь в фантастической литературе, — засмеялся Малахов. — Тебе бы у покойного Шипа поучиться. Так вот, классический прием в литературе прошлого века для того, чтобы быстренько ввести читателей в курс дела, командир космического корабля говорит своему экипажу: «А сейчас наш главный навигатор расскажет нам цель нашей экспедиции».

— Иди ты в жопу, — весело ответил Бай.

— О, это по делу, — тоже обрадовалась Клава. — Так что, начинаем новую жизнь?

Клава сказала это и вдруг смутилась. Никогда до сих пор она не разговаривала с Лазненко в неформальной обстановке. Для неё генерал был непререкаемым авторитетом и руководителем Центра. Никогда раньше в присутствии самого Лазненко она не позволяла себе вольностей в словах. И сам Николай Петрович это понял.

— Я боюсь, действительно жизнь будет новая, — грустно произнес он. — Но я бы хотел...

— Николай Петрович, я бы предпочел работать именно в том Центре, который у нас был, — внезапно вмешался Тимур.

— И я, — добавила Клава.

— И я, — сказал Герман.

— И я, — внезапно вставил Байкалов.

— Вот только тебя ещё нам не хватало, — сказал Вадим и рассмеялся. — Ты сигарами «Кохиба» развалишь весь бюджет Центра.

— А что, сигары оплачивают? — обеспокоился Бай.

— Тебе — да. — Лазненко оказался в курсе привязанностей Байкалова. — А вот Клаве...

— А что мне? — Клава никак не ожидала, что разговор переключится на неё.

— Ну, раз уж сегодня день сюрпризов... — Лазненко хитро глянул на Клаву. — То к президенту мы поедём не на его машине. Зачем портить автохозяйство гаранта?

— В смысле? — переспросила Клава, но по голосу чувствовалось, что она

догадывается, в чем дело, а может, просто надеется на чудо.

— Раз уж мы возвращаемся к старому стилю работы, я попросил бы вас, Клавдия, принять материальную часть, — Николай Петрович, широко улыбаясь, жестом предложил всем выйти из бункера, — с целью обеспечения функционирования группы «Табигон». Кстати, первый мой приказ будет о восстановлении функционирования вашей группы. За мной, — сказал он и зашагал твердым, почти строевым шагом в дальний конец поселка.

Остальные молча отправились за ним. Генерал провел группу по дорожкам мимо аккуратных одинаковых домиков в глубину кооператива. Там он остановился у сооружения, похожего на что-то среднее между ангаром и гаражом с широкими воротами. Эти ворота наводили на мысль, что внутри хранится техника. Лазненко, выдержав драматическую паузу, нажал кнопку на стене. Гибкие ворота улетели вверх, и из ангара мягко выкатилась машина. Видимо, Николай Петрович заранее продумал и отрепетировал этот театральный выезд. Из машины вышел водитель, отдал честь генералу и удалился в сторону жилых домиков.

— Ну вот, это то, что я сохранил для вас, специально для вашей группы, — сияя от удовольствия, представил генерал. — Автомобиль УАЗ «Сталкер». Последняя разработка Центра совместно с заводом. Последняя во всех смыслах. Производилась в полной секретности. Настолько полной, что машину нам удалось вывезти сюда, и никто ее не заметил. Принимайте, Клавдия! А название «Сталкер» вы сами понимаете, откуда взялось. После рейда «Патриота» по Зоне следующая модель, несомненно, должна была называться «Сталкер». А как же еще?

Клава, измученная за последние годы своими карточками для курсов по экстремальному вождению, осторожно, словно боясь спугнуть, подошла к машине. Провела пальцем по гляncy дверцы с водительской стороны.

— Движок? — обернулась она к Лазненко.

— Холодный термомойд, — просто ответил Лазненко. — Реактор неизвлекаемый, но запаса хватит на несколько лет.

— Можно ключи? — Клава протянула ладонь.

Ключей как таковых не было, был только маленький пульт управления. Клавдия открыла дверь и исчезла внутри салона. От «Патриота», потерянного в Зоне, машина отличалась более стремительными очертаниями и явно большими колесами. Стекло на водительской двери опустилось, и Клава позвала Тимура:

— Тима, идем, будешь разбираться в вооружении.

— Герман, там без тебя не обойтись. Связь, навигация — все обновлено, так что давайте подключайтесь, — пригласил Лазненко к работе Тельбиза.

— Мы решили отказаться от мини-ганов в крыльях машины, — начал Лазненко, — уж очень сложная была система отвода гильз. Поэтому сейчас у нас здесь под каждым крылом установлены совершенно новые системы стрелкового оружия.

Генерал сел на водительское кресло и нажал кнопку на руле. Откинулись щитки на крыльях, и наружу из-под каждого выехали стволы странного, невиданного до сих пор оружия.

— Это совершенно новая система кассетного заряжания. — Лазненко любовно провел пальцем по толстому матовому стволу. — Идея состоит в том, что в казенную часть помещается сразу с десяток боезарядов. Один за другим. И здесь уже нет ни затвора, ни автоматики перезаряжания в традиционном смысле этого слова. Электроникой активируется каждый заряд, и темп стрельбы может быть практически любым. А в это время второй ствол заполняется кассетой. Пороховой заряд — безоболочечный, только что-то вроде пыжа между патронами. Но это еще не все новое, что есть в нашей машине.

Генерал вышел из автомобиля и остановился у капота.

— Ну, здесь, как обычно, полный набор навигации, радары бокового обзора и, естественно, — Лазненко запустил с брелка очередную электронную систему, на крыше машины раскрылся небольшой люк, — ракетная система. Мы отказались от навесного

багажника, теперь все у нас смонтировано в крыше кузова. Ракеты универсальные, поражают как наземные, так и воздушные цели. Система лазерной подсветки цели в трех диапазонах спектра. Ну и само собой, улучшенное управление, бронированный кузов, тут мы использовали нанокompозиты. И, конечно, фирменная УАЗовская сборка, гарантированное качество которой знают все. В общем, Клава, владейте!

Генерал несколько церемонно передал брелок Клаве.

Глава тринадцатая

Суббота — это родительский день, как называл его Андрей. Он ждал отца. Мальчик понимал, что у папы сейчас много дел на работе, и он будет подолгу задерживаться по вечерам. А в отцовской квартире надо сделать ремонт, потому что, пока она пустовала, там все превратилось в труху, как говорит бабушка. Поэтому ему временно придется жить у нее. Но с другой стороны, у бабушки жить здорово. Она почти все разрешала, помогала делать уроки и никогда не кричала из окна: «Андрей, иди кушать!», как кричали друзьям по двору. А в выходные всегда приходил отец, и это был праздник.

Малахов сегодня твердо решил выполнить обещание и начать строить с сыном радиоуправляемую модель самолета. Выяснилось, что магазин, где можно купить набор для строительства, находится недалеко от жилья матери. Так что не было нужды везти подарок издалека. Магазин «Моделист» занимал первый и подвальный этажи большого здания брежневских времен. У Вадима от изобилия просто разбежались глаза. Но шустрый приказчик быстро решил большинство проблем, и через полчаса Малахов вышел на улицу с громадной коробкой, перевязанной подарочной лентой.

Вадим остановился на пороге и осмотрелся. Ему хотелось отдышаться после напора продавцов, покупательского азарта и кондиционированного воздуха в магазине. Он уже пожалел, что пошел выбирать подарок один, ведь Гусенку, наверное, тут очень бы понравилось. Но, как сказал приказчик, это только стартовый набор, и придется еще много чего докупать, и он еще придет с сыном сюда, и не раз. Нужно радиоуправление, краски и краскопульт и, в идеале, настоящий мотор внутреннего сгорания.

— С покупкой вас, Вадим! — Напротив Малахова на тротуаре стояла Вероника.

— Вы... — Малахов неловко замолчал.

— Нет, я вас не преследую, не бойтесь. Я живу в этом доме. — Девушка с улыбкой показала куда-то на верхние этажи здания, в котором располагался магазин «Моделист». — Так что скорее вы меня преследуете.

— Нет, у меня мать живет вот там. — Малахов в свою очередь показал на дом на противоположной стороне улицы. — Я к сыну пришел, провести.

— А я просто вышла купить кофе, как раз, оказывается, рядом с вашим домом. — Вадим знал, что магазин «Чай-кофе», очень хороший, находился неподалеку в цокольном этаже жилого дома. Почему-то это его развеселило.

— Ну, тогда придется нам вместе туда идти, — улыбаясь, сказала Вероника. — Потому что, если мы сейчас пойдем порознь, на расстоянии трех метров, это будет совершенно по-идиотски выглядеть.

— Да, конечно, почему бы и не пойти, — согласился Малахов. — В этом же нет ничего предосудительного. — Он спустился на тротуар и спросил у Вероники: — Что же вы сразу не сказали, что должны были установить для меня связь с Лазненко, я уже стал думать черт-те что.

— Что именно? — Вероника, уже собравшаяся идти, остановилась и внимательно посмотрела на Вадима.

— Ну, что вы просто меня клеите, — не совсем вежливо признался Малахов. — Нет, извините, я не то имел в виду. Ну...

— А вы считаете, что во взаимоотношениях мужчины и женщины инициатива всегда должна быть за мужчиной?

— Да нет, — замялся Вадим. — Извините, я, видимо, говорю глупости. Понимаете, Вероника, в последнее время у меня не очень удачно сложились взаимоотношения в семье, и я, ну, в общем... Я, видимо, совсем неправильно разговариваю и веду себя с женщинами.

Они двинулись по улице налево к ближайшему переходу.

— Ваша рука? Как? — спросил Вадим после паузы.

— Рука? — с легким испугом спросила Вероника.

— Вы были ранены тогда, в Центре. — Вадим показал на плечо девушки.

— А, вы об этом. — В голосе Вероники почувствовалось облегчение. — Да ерунда. Скобку наложили, перебинтовали, и все.

Вадим неожиданно для себя вдруг почувствовал, что покраснел. Он представил рану на хрупком плече Вероники, как ее зашивают, эту рану, и смутился.

— Вот уж никогда не думала, что вы настолько впечатлительны. — Вероника заметила смятение Малахова.

— Нет, просто я считаю, что это были мужские разборки. И вы невинная жертва. Так не должно быть.

— А что — это были мужские разборки? — удивилась Вероника. — Кстати, вы нас спасли, и...

— Это моя работа, — совсем не к месту брякнул Вадим.

— Не изображайте из себя героя мультфильма про суперменов. Я ведь хорошо знаю, кто вы и что вы. Вы делали работу, к которой привыкли. Которую умеете делать.

— Извините, я просто говорю глупости, — грустно сказал Малахов, понимая, что он не может и не хочет прерывать этот странный разговор. — Ой, я что-то повторяюсь.

— Пустое, не обращай внимания, — незаметно перешла на «ты» Вероника. — И еще...

— Что? — Малахов остановился, словно приготовился услышать что-то важное.

— Ну вот, опять ты на дыбы... Я никогда не знала, какой был Центр раньше, но мне кажется, что благодаря тебе, твоей группе, организация опять станет тем, для чего она предназначена. Когда в нашей жизни были люди, которые могли взять ответственность за будущее, за наше будущее.

— Не надо патетики, то, что мы делаем... — Вадим задумался, — жалкое и вялое сопротивление.

— Хотя что-то. Другие и на это не способны. Извини, если я что-то не то спрошу. У тебя сын с бабушкой живет. А его мать? У вас проблемы?

— После того, как Андрюшка побывал в Зоне, она решила не утруждать себя его воспитанием, — просто объяснил Малахов.

— Твой сын был в Зоне? — В голосе Вероники скользнуло то ли удивление, то ли страх.

— Да, — просто ответил Вадим. — Он меня оттуда вытащил. Только не спрашивай: «И как?»

— В твоём деле все засекречено с того момента, как твоя группа вошла в Зону в две тысячи двенадцатом, — с сожалением сказала Вероника. — С того момента, я так понимаю, и началась деградация Центра.

— И хорошо. Хорошо, что засекречено. А то бы ты знала, что сейчас разговариваешь с человеком, публично казненным осенью двенадцатого года.

Вероника почему-то засмеялась. Весело и беззаботно.

— Ты просто прекрасно выглядишь для казненного столько лет назад, тебе, наверное, надо было сейчас быть таким. — Вероника высунула язык и закатила глаза. Потом не выдержала и засмеялась. — Я понимаю, почему Лазненко сказал, что от тебя зависит не только судьба Центра. Ой, а мы переход прозевали...

И вправду, переход через улицу со сплошным потоком машин остался в ста метрах позади.

— Вот видишь, я тебя заговорила... Ты извини. И извини, что я так... ну, нагло себя вела. Ты был неприступный, а мне надо было очень быстро с тобой наладить контакт. Вот я

и того... Хотя... — Вероника замолчала, видимо пытаюсь найти слова. — Все на самом деле не так.

— Ты и дальше будешь работать с кадрами? — Вадим сделал вид, что пропустил слова Вероники мимо ушей. — Я имею в виду, в отделе кадров.

— Нет, конечно. Отдел аналитики возрождается в исходном виде. Я буду... надеюсь, буду там работать.

— Это хорошо. Перекладывать бумажки, мне кажется, не очень веселое занятие.

— А ты сыну подарок купил, да? — Вероника тронула уголок коробки с самолетом.

— Да, мы будем делать с ним радиоуправляемую модель.

— А движок? Электрический или?.. — Девушка словно обрадовалась, что нашла новую тему для разговора, далекую от служебных дел, от страшных событий последних дней.

— Нет, я хотел бы, чтобы самолет был настоящий, с бензиновым движком.

Вероника засмеялась.

— А ты раньше занимался авиамоделизмом? — с сомнением спросила она.

— Нет, а что?

— Никогда моделист не скажет «бензиновый движок». Движки на моделях или калильные, или компрессорные. Вот из этого и надо выбирать...

— А ты откуда знаешь?

— А я в детстве сильно этим увлекалась. Только не такими, современными радио моделями, а гоночными.

— А... — Вадим просто оторопел. — А какой мне движок тогда покупать?

— Покажи, что у тебя в коробке. Просто коробку покажи. — Девушка протянула руку к покупке Малахова. — Ясно... Ну, тут у тебя вообще выбора нет. Это не моделизм, это игрушки для богатых.

— Я не пойму, чем тебе не нравится эта модель?

— Это игрушка. Не модель. Модель строится из тонкой модельной фанеры, бальзы, крылья или лавсаном или японкой покрываются. А это... Вот ты купил за большие деньги набор, потом за еще большие купишь мотор, потом тяговые машинки, потом радиоуправление. Сборка вообще левая — все защелкивается на своих штатных местах. И летать эта штука будет, как утюг на веревочке. А вот когда самолет, сделанный своими руками от и до...

Глаза у Вероники загорелись, словно она рассказывала о некоем таинстве, в которое была посвящена только она одна.

— Ну... мне-то выбирать не приходится. Я буду делать с сыном эту модель, — с сожалением ответил Малахов.

— Слушай, Вадим, а может... Хотя нет, — махнула рукой Вероника.

— Что?

— Я бы могла свои старые чертежи тебе отдать и... Ну, в общем, ладно, ты неправильно поймешь. Я тоже хочу строить настоящую модель. Ту самую, из детства. Ты, ну, только не думай, что это что-то другое.

— Вероника, извини, это совсем не то, что ты думаешь. Просто... Ну, — Вадим не мог, может быть, впервые за всю жизнь сформулировать то, что он хотел сказать. — Я устал от того, что близкие мне люди... страдают.

— Но с чего ты взял, что ты мне близок? Что мы близки? И если я хочу с твоим сыном строить модель, то это вправду совсем другое.

— Не спрашивай. Есть вещи... Ладно, а как твои чертежи можно получить?

— Да проще простого. Я могу тебе через сеть кинуть. Сегодня же приду домой и сразу кину.

— Я сейчас тебе адрес... — Малахов стал рыться в поисках клочка бумаги, на котором он смог бы написать свой электронный адрес.

— Не смейся. — Вероника сделала движение рукой, словно ловила что-то из эфира. — Я — и не знаю твоих адресов? Только мы опять возле моего дома.

Вадим осмотрелся и понял, что они опять прошли мимо перехода.

— Ладно, иди домой и шли все по модели. А то мы так будем до завтра ходить туда-сюда. — Малахов сказал это, но голос предательски дрогнул.

— Нет, я теперь прослежу, чтобы ты перешел дорогу, когда надо. Я же должна тебе рассказать, там одними чертежами не обойдешься, нужно знать порядок сборки.

Они опять, в который раз, двинулись по направлению к переходу.

— Там нужно строго соблюдать последовательность. Надо начать с того, чтобы нарезать нервюры из тонкой трехслойки. Ну, это фанера такая. Лучше всего сделай сыну какой-нибудь короткий нож. Скальпель, например. Только ручку замотай чем-нибудь, а то от мозолей жизни не будет. А когда нервюры нарежет, надо...

— А может, я тебе просто дам скайп сына, и ты его будешь консультировать? — прервал Веронику Малахов.

— Ну, тоже можно, а вот потом... — Вероника настолько увлеклась воспоминаниями о том, как она сама делала авиамодель, что казалось, она превратилась в маленькую девочку.

— Извини, вот переход. — Вадим пересилил себя и остановился на светофоре. — Я должен идти.

— Да, конечно, извини, я столько болтала. — Девушка покраснела, это было заметно и в тусклом дневном свете осенней Москвы.

— Мы будем друзьями, да? — Вадим произнес избитую фразу и сразу пожалел об этом.

— Я думаю, что обычно женщина при таких словах должна зарыдать, но... да, будем. Будем друзьями. Человек человеку друг, товарищ, брат, сестра и волк. Ненужное зачеркнуть, — со смехом ответила Вероника. — И еще, не бойся за меня. Пока.

Вероника резко повернулась и зашагала по направлению к своему дому.

* * *

— Папа пришел! — заорал Андрей, когда услышал сигнал домофона.

Малахов специально никогда не брал ключей у матери и всегда звонил, когда приходил к ней. Он был уверен, что человек должен хранить ключи только от своего дома.

— Ну, наконец. — Низкий, грудной голос матери был насквозь пронизан иронией. — Я уже думала, что ты никогда не решишься перейти улицу.

— Я... это сотрудница, мы случайно встретились, — смутился Вадим. — И нехорошо подглядывать.

— Я не подглядывала. Но когда по пустынной осенней улице туда-сюда ходит парочка с покупками, сразу мысли появляются. — Мать сказала это, не глядя на сына, но явно с нескрываемым интересом.

— Ой, она кофе так и не купила, — вдруг вспомнил Малахов. — Нет, это просто сотрудница.

— Я что, спорю, тебе лучше знать, что и где покупают твои сотрудницы. Которые просто сотрудницы, — ответила мать. — Иди руки мыть, обедать пора.

— Какой обед утром? — удивился Малахов.

— Ты два часа по улице шатался. В то время как Андрюша тут сидел и гадал, что же ты ему купил, завтрак давно кончился. — Мать, как всегда, была иронична и непоколебима.

После обеда Вадим уединился вместе с сыном в бывшей своей комнате. Там они торжественно открыли коробку и стали изучать содержимое. Малахов углубился в инструкцию, слушая между тем, что говорит Андрюшка. В школе все нормально, ребята нормальные, только программа немножко другая, но бабушка помогает.

— Не деретесь? Я имею в виду — ты в школе как с пацанами?

— Ну, вначале как всегда. А потом... Ну, в общем, я и не дрался особо, но потом он упал, и у него пена пошла.

— Кто, куда? — Вадим оторвался от инструкции. — Ты о чем?

— Так получилось. Там в старшем классе был один такой, он самый крутой в школе был... — Мальчик говорил немногословно, сдерживаясь, но было понятно, что ему хочется поделиться с отцом, но стесняется.

— В старшем — это в каком? — Малахов отложил в сторону модель и сел напротив сына для серьезного разговора.

— В... — Андрей замялся, — в десятом.

— Ты подрался с десятиклассником? Ты шутишь?

— Да нет. — Сын замялся опять, и у него на глаза навернулись слезы. — Это придурок, его все Боцманом зовут, он крутой, рисовать умеет и пьет вино на перемене, его все боялись. И ему кто-то сказал, что я был в Зоне. Я не знаю, кто. Я никому, я же тебе обещал! Ну вот он после уроков и... Ну, они меня на задний двор привели и говорят, ты такой крутой, докажи. И Боцман тоже, вышел вперед, сам с сигаретой, и говорит, ну, ударь меня, ударь, раз ты такой крутяк и в Зоне был. Ударь меня! А я не хотел драться. А он говорит, да ты меня и тронуть побоишься, шкет. Он меня шкетом обозвал. И еще нехорошим словом.

— Каким? — Вадим непроизвольно смял инструкцию в кулаке.

— Папа, лучше тебе не знать, — ответил сын. — Он и говорит опять — попробуй меня тронь. Я его и тронул пальцем.

— И?

— Он сразу заорал: «Ой, убивают, посмотрите, меня сам великий сталкер убил, ой, больно, ой, боюсь!» А потом вдруг позеленел, именно позеленел, мне даже страшно стало, упал и забился на земле в судорогах. Все думали, что это типа шутка такая. Но я знал, что он сейчас умрет. Я ему помог подняться и похлопал по спине, не знаю почему. Он в себя пришел и убежал. Он, наверное, стеснялся, потому что... обделался... и уписался. Но никто ничего не понял. Только уже неделю его в школе нет... Но он и раньше ходил редко.

— Ты осторожней, сын, ты же... — Малахов помрачнел, понимая, что Зона не отпускает ни его, ни его сына.

— Да я ничего. А что, надо было убежать? — задиристо спросил Андрей.

— Ну... Ладно. Вот смотри, тут написано, что надо соединить деталь 7-16-2 с деталью 3-47-314-бис. Правда, нет ни рисунка деталей, ни... — Вадим развернул инструкцию к модели и стал водить по ней пальцем.

— Папа, а модель где сделана? — В голосе мальчика явно читался подвох.

— Ну, — Малахов совершенно безысходно стал изучать коробку, — во Вьетнаме.

— Тогда я думаю, надо соединять все, что соединяется. По инструкции все равно ничего не поймешь.

Гусенок совершенно уверенно взял в руки две половинки фюзеляжа и, слегка нажав, соединил их.

— Ну вот, уже почти самолет. Папа, а я думал, что самолет сложно строить! Я вот читал, что там есть лонжероны.

Это, видимо, раньше было так, а сейчас... — Вадим еле сдержался, чтобы не сказать «общество потребления». — Вот теперь надо крылья приделать, а тут...

— Ой, — упавшим голосом сказал Андрей. — А крылья только изнутри крепятся, а тут уже защелкнулось... Сейчас расщелкну.

Через пять минут у них на столе лежали живописные обломки треснувшего фюзеляжа и сломанное крыло.

— Но ведь есть же крутой клей «Аттак», — упавшим голосом сказал сын и внезапно переменял тему. — А у нас в классе новенький. У него тоже нет матери.

— Что значит нет матери? Тоже? У тебя есть мама, только она живет в другом городе. У нее своя семья, и она счастлива в этой семье.

— А он у бабушки с дедушкой живет. У него погибли и мать, и отчим, совсем недавно. Вроде нормальный парень, но, в общем, меня с ним посадили, а я не хочу с ним сидеть. Не нравится мне этот Стас. Я как из школы иду, так словно без воздуха сидел целый день. — Мальчик попытался еще раз приладить одну деталь к другой, уже без всякой системы или

конкретной цели. — Ой, и это сломалось! Папа, а запчасти к этой модели продаются?

— Так. Во-первых, старайся не вспоминать про Зону, ты ведь знаешь, что половина не поверит, а остальные будут завидовать твоим приключениям, а во-вторых... У меня есть одна знакомая... Ну, сотрудница... подожди.

Малахов пересел к компьютеру и через несколько минут уже распечатывал чертежи, которые переслала Вероника. Настоящий самолет.

— Ух, ты, — только и сказал Гусенок. — Это секретный план самолета?

— Нет, Андрюша, это чертежи настоящей модели. Ну, вернее, не все чертежи, а только общий вид. Там же много деталей и всяких сборочных схем. Потом остальное передадут. Это уже настоящая модель, в которой надо все самому делать. Каждую деталь самому вырезать. У меня есть сотрудница, она когда-то занималась авиамоделлизмом. Она обещала помочь тебе построить настоящий самолет. Ну, в смысле, модель. Вот эти чертежи она и прислала.

— А... — как-то безрадостно протянул сын. — По е-мейлу не просто помогать.

— Андрей, — успокоил отец. — Она действительно поможет. Она даже готова приходить иногда и тебя учить всяким хитростям. Но это требует усидчивости и аккуратности.

— Папа, так наш учитель по труду говорит. Когда надо было табуретку делать...

— Но разве это не правда?

— Правда, но вот голос, которым учитель обычно говорит... он скорее всего похож на неправду. Словно обмануть хочет.

— Так, королевы-циолковские, — прервала их бабушка. — Хватит строить прожекты, пошли пить чай. Кстати, Вадим, ты в следующий раз, когда ходишь под окнами с дамой, приглашай ее к нам. А то прямо... Вообще тебе уже сколько лет?

Глава четырнадцатая

Листер был удачливым сталкером и не менее удачливым бандитом, в основном потому, что умел даже в сложных ситуациях контролировать свои эмоции. Даже самые тяжелые удары судьбы не могли погрузить его в уныние. Прошла пара дней с того момента, как произошла неприятная встреча на шоссе, а он уже успокоился и не вспоминал о ФСБ и странном визитере, убившем его охрану. Листер был уверен — если его не тронули, значит, и не тронут.

Брюлики свой подруге он покупать не стал. Выходить из дома не хотелось, и потому он сказал, чтобы та сама купила себе все, что надо, а у него нет времени на поездки. Эльза особенно не возражала. На самом деле ее, конечно, звали не Эльза, но Листер сказал строго, что всех своих подруг он зовет только «эльзами» и что привычку менять не собирается. Бриллианты, которые Эльза долго выбирала в ювелирном на Тверской, очень ее возбудили. В благодарность она организовала дома романтический ужин при свечах, зная, что вытянуть своего папика в ресторан не удастся.

Листер спокойно сидел в глубоком кожаном кресле и занимался любимым делом — смотрел на огонь в камине сквозь бокал с виски. Время от времени он покачивал его, чтобы льдинка кружилась в напитке, оставляя за собой тающий след.

— Эльза, а может, нам мотнуть куда-нибудь? — спросил Листер. Ему было скучно.

— Хочу в Париж, — захлопала в ладоши Эльза. — На Вандомскую площадь.

— Куда? — не понял Листер.

Он не любил границу, не любил места, куда стремились обычные обитатели Рублевки.

— Это такое место в Париже, там самые лучшие магазины бриллиантов.

— Вот же, — возмутился Листер, — тебе что, мало? Ты еще эти не отработала. Надо в Турцию поехать. На солнышке погреться.

— Не хочу в Турцию, — закапризничала девушка. — Там одни жлобы из Кузнечиков и

хохлы.

— Ой, тоже мне краля. Ты же сама из Сум, а уже земляков хохлами называешь?

— Я москвичка!

Эльза возмущенно налила себе полный бокал шампанского, залпом выпила и, замерев на несколько секунд, смачно рыгнула.

— Ага, знаю. Мисс Криворожье. Ты думаешь, я не проверил, кто ты и откуда?

— Ой, подумаешь. — С одной стороны, Эльза смутилась, с другой — была тронута тем, что ее папик так глубоко интересовался ее персоной. — Москвич — это состояние души! Это всю жизнь работать, чтобы лучше жить. Не останавливаясь ни на секунду.

Эльза явно повторяла какую-то цитату из глянцевого журнала, которые изучала во множестве. Ничего другого она не читала.

— Также мне работник. Ты одним местом тут работаешь... То есть нет, еще парочкой. Но мало! Будешь работать лучше, может, и возьму тебя в Париж. А пока поедem в Анталию. Пацаны говорили, там здорово. Будешь с голыми сиськами загорать.

— Я? Чего это?

— Чтобы пацаны завидовали. — Листер потянулся в кресле и зевнул.

— Я не люблю, когда мне завидуют! — гордо ответила Эльза.

— Блин, ну и дура. Мне по хрен, что тебе там завидуют, пацаны мне завидовать будут, — спокойно сказал Листер.

— Я тебе не кукла продажная, — возмутилась Эльза и приложила к шампанскому, отхлебнув прямо из горлышка.

— Заткнись! Ты кукла, и продажная! — Листер сделал очень большой глоток виски и отвернулся.

— А ты жлоб! — Эльза разошлась не на шутку, не отдавая себе отчета, чем может кончиться такая ссора. — Я не продажная, я, может, по любви!

Эти слова Эльзы очень рассмешили Листера. Он покатывался от смеха, а Эльза впадала в ярость. Впрочем, подвыпивший Листер тоже совершенно неожиданно для себя самого слетел с катушек.

— А ну вставай сука, раздевайся! — заорал он. — Ты мне сейчас стриптиз будешь делать.

— Поцелуй меня в жопу, — злобно ответила Эльза.

— Нет, я не поцелую, — нехорошо засмеялся Листер.

Он тяжело поднялся из своего кресла и, подойдя к Эльзе, рывком попытался сорвать с нее юбку, и без того мало что прикрывающую. Девушка, нехорошо взвизгнув, вцепилась в руку Листера ногтями. И тут сталкер с ужасом понял, что хватка у Эльзы совсем не человеческая. В неровном свете камина он увидел, как длинные, ухоженные пальцы Эльзы вдруг стали превращаться в чешуйчатые отростки, увенчанные острыми загнутыми когтями. Дорогой лак на ногтях просыпался мелкими кусочками на пол. Ладони превращались в сухощавые лапы с когтистыми пальцами. Лицо вытянулось, вокруг рта выдвинулись омерзительные жвалы, покрытые смердящим секретом. С фигурой девушки тоже происходили трансформации. Юбка, которую сталкер так и не успел сорвать, лопнула на бедрах, обнажив страшные мускулистые лапы. Вместо аккуратной круглой попки вырос длинный шипастый хвост, он волочился по дорожному паркету гостиной, оставляя мокрый слизистый след. Чудовище, только что бывшее Эльзой, не выпуская руку Листера, замахнулось второй лапой для последнего, смертельного удара.

— Стой, — пискнул, собрав все силы, сталкер. — Я был не прав.

Чудовище на секунду остановилось, в его неразумных глазах мелькнул огонек понимания. Это и подвело зверя. Листер вывернулся, не обращая внимания на боль в раненой руке, и ринулся вон из гостиной. Не успел он добежать до двери, как монстр уже перегородил выход. Сталкер закрыл глаза, понимая, что сейчас произойдет худшее. Но тут негромкий хлопок заставил его открыть глаза. Чудовище в испуге метнулось из помещения и исчезло в темноте. А в дальнем углу Листер увидел того самого гостя, который приходил к

нему несколько дней назад. Того, который уничтожил охрану. Гость держал в руке что-то похожее на винтовку или, скорее, на ветеринарный инъектор.

— Вот видишь, сталкер, ты сделал дело. Мы тебе благодарны.

— А это? — Листер дрожащей окровавленной рукой показал в глубину дома, где скрылся монстр.

— Оно сейчас уже, наверное, далеко. Они сразу убегают. Но мы его теперь отследим. — Неизвестный поднял свое оружие, с помощью которого он пометил Эльзу радиомаячком. — Спасибо. Вызывай «скорую» и скажи, что поцарапался о гвоздь.

И тут Листер внезапно заявил:

— А вы обещали заплатить! Много! — В голосе у сталкера были и обида, и боль, и ненависть ко всем, кто его мучил последние дни.

— Конечно, — кивнул незнакомец. — Жизнь — самое ценное, что у нас есть. Или вы возражаете?

— Ни хрена себе! — закричал Герман, получивший сигнал с камеры наблюдения, установленной в доме Листера. — Кажется, я попал сюда в самый важный момент.

На глазах Тельбиза произошло морфирование Эльзы и разговор Листера с таинственным гостем. Герман немедленно вызвал остальных членов группы, а сам стал срочно сканировать радиообмен в районе Рублевки. К тому времени, как группа собралась, главное было уже сделано.

— Вот смотрите. — Тимур рассадил товарищей вокруг своего компьютерного комплекса с тремя мониторами и стал рассказывать, в запале время от времени тыча пальцем в особо важные картинки на мониторах. — Сегодня наш подопечный решил устроить дома интимную вечеринку с подругой. Я вообще совершенно случайно стал проверять камеру наблюдения. Просто контрольная проверка. Так вот. Вот они тут пили, разговаривали, а потом как с цепи сорвались.

— Ты звук не слышишь? — спросил Малахов.

— Пишу, но там ничего важного пока нет. Общий треп. Вот теперь смотрите, этот решил, видать, подругу повоспитывать, сейчас начнется!

Дальше шли замедленные кадры превращения девицы модельной внешности в чудовище с длинным хвостом и страшными когтистыми лапами.

— Ты уверен, что это не наложенный сигнал? Может, кто-то нас за нос водит?

Клава смотрела на картинку с недоверием. Она скорее бы поверила в то, что кто-то прислал фальшивый сигнал, чем в то, что на Рублевском шоссе обычная девушка превращается в кровожадного монстра.

— Нет, не может быть наложенный. Нет ни одного свидетельства подключения в систему. Да и есть там у меня всякие хитрые примочки... Нет, сигнал точно с моей камеры, — сказал Герман. — А вот теперь самое интересное. Я пускаю замедленно.

Листер плавно, как в невесомости, отскочил к двери, а зверь, даже в замедленной съемке стремительный, опередил сталкера. И тут гостиную прочертил блестящий небольшой предмет, он воткнулся в шипастый позвоночник и повис на нем, как пирсинг на животе модницы. Чудовище, не ожидавшее нападения, метнулось и скрылось из поля зрения камеры наблюдения.

— Вот он, энамп, тот, который Листера под контроль взял. Он и зверя пометил. Морфа этого.

— Почему ты решил, что это тот самый? — спросил Вадим. — А название хорошее — «морф».

— Я могу разговор прокрутить, но кратко, — он сказал, что Листер выполнил обещанное. Все как сталкер нам и говорил.

— А где это чудовище? — Тимур смотрел не отрываясь на мониторы, словно запоминая изображение монстра, выведенное на отдельный фрейм.

— Датчик повесили. ГЛОНАСС с передачей координат на сотовый. Простенько.

Герман вызвал еще одну программу. Появилась карта, на которой была начерчена красная извилистая линия.

— Вот он, то есть она, по лесу сейчас шныряла, но теперь затаилась, не двигается. Я так думаю, ждет ночи, чтобы сдристнуть куда-то в укромное место. Хотя это только предполагать можно. — Герман объяснял легко и непринужденно, словно в слежении за морфом не участвовали сотни компьютеров, системы взлома сотовых операторов и спутниковой навигации.

— Едем за ней? — Клава вопросительно глянула на Малахова.

— Это непроходимый лес. От ближайшей дороги километров десять. Она двигалась просто стремительно. Я боюсь, что без техники нам будет очень сложно с ней сладить. Тем более через полчаса уже будет тьма непроглядная.

Тем временем красная отметка опять ожила.

— О, побежала, — почему-то обрадовался Герман. — В город, что ли, хочет?

Они завороченно смотрели за передвижением Эльзы, и через несколько минут стало совершенно ясно — монстр в самом деле направился в город.

— Может, оно знает, куда ему идти? — в никуда спросил Герман.

— Ну, давайте выясним, куда стремится морф. — Малахов не просто сказал, он отдал приказ. — Ты в машину можешь выводить эти данные?

— Естественно, — ответил Гера с нотками удивления, словно в его деловых качествах усомнились.

— Тогда вперед, постараемся перехватить его где-нибудь. Но лучше все-таки узнать, куда он прется.

Клава впервые вела «Сталкер» по улицам столицы. Вначале Малахов понимал, что она приноравливается, знакомится с чудесной машиной, словно пытается привыкнуть к ней на уровне подсознания. Тимур, изучивший всю боевую часть нового транспорта, был внешне спокоен. Он сидел на заднем сиденье, делая вид, что спит, но сквозь прищуренные веки время от времени поглядывал на монитор. Тот был вмонтирован в спинке кресла перед ним. В этом кресле рядом с Клавой сидел Малахов. Гера спокойно отслеживал сигнал Эльзы, она уже приближалась к Поклонной горе, погруженной в ночную осеннюю темноту. И тут произошло то, чего друзья меньше всего ожидали. Два джипа совершенно бандитского вида стали оттирать машину из среднего ряда вправо. Гнусный голос в динамике на одном из джипов заорал, прерывая свою речь побрякиванием клаксона:

— Эй, вы, на лоханке, уступите дорогу охране, пропустите кортеж!

Клава хмыкнула и продолжала ехать, не меняя ни полосы, ни скорости движения. В это время по левому ряду с ней поравнялась преследующая машина. Опустилось тонированное стекло. Толстая рожа, высунувшись в окно, орала изо всех сил. Через бронированное стекло «Сталкера» не доносилось ни звука. Клава, мельком глянув на машину, показала аккуратный «фак». Преследователь немедленно вильнул, пугая «Сталкер», мордатый достал и многозначительно показал пистолет. Клава открыла окно.

— Ты, сука, свали с трассы, у нас конвой! — донеслись до нее крики человека из джипа.

— Вот же развелось уродов, — спокойно сказала Клава, закрывая окно. — Тимур, может, проведем работу? Надо, чтобы наши номера запомнили.

«Сталкер» легко, словно у него было еще девяносто процентов запаса мощности, ушел вперед. Потом изящным пируэтом развернулся и стал нос к носу навстречу преследователям. Тихонько зажужжали сервомоторы, и два скорострельных пулемета выдвинулись из-под крыльев автомобиля. Две полосы от трассирующих пуль пролегли в направлении машин преследования, с визгом рикошета от шоссе. Рикошет был рассчитан так, что все заряды улетали в небо над крышами нахальных джипов. Преследователи затормозили со всей дури, вывернув рули, чтобы хоть как-то уйти с линии огня, а водитель машины, в которой сидела толстая рожа, не справился с управлением и завалился набок.

Клава, не говоря ни слова, вышла из машины и расслабленной походкой приблизилась

к поверженному врагу.

— Ну и кто здесь сука? — спросила она у водителя, дико озирающегося по сторонам. Только что он материл Клаву, а теперь от страха потерял контроль над собой и даже не мог вымолвить и слова.

Клава распахнула дверцу перевернутого джипа и с совершенно неженской силой выбросила преследователя из машины.

— Ыыы... — прорычал мордатый.

— Вот посмотри — видишь УАЗ впереди? Запомни его номера. Запомни, как она выглядит. И будешь впредь всем говорить, что этот внедорожник обгонять нельзя. И орать: «свалите с трассы» — не надо никогда.

Поверженный с готовностью закивал.

— Клава, вот объясни, как ты при своем почти балетном весе вытащила одной рукой из кабины шифоньер минимум в сто двадцать кгэ, да еще не позволила ему воспользоваться оружием? — с хитрецей спросил Вадим.

— Во-первых, у меня уже не балетный вес, а немного больше, не надо меня обижать. А во-вторых, ты, босс и начальник, стал невнимателен. Я ведь только сделала вид, что вытаскиваю. А спровоцировать у него работу мышц в нужной последовательности... Тренировалась я зря, что ли?

— Да знаю я, позволь мне лишний раз восхититься классом твоей работы, — ответил Вадим.

— Так, эта стерва меняет маршрут, — прервал их Гера. — Она теперь рвется в Кремль.

— Без выборов? — пошутил Тимур.

На него немедленно зашикали, стали жестами изображать, что в машине могут быть системы прослушки, и Римжанов не стал развивать свою мысль. Он следил за треком морфа, время от времени бросая тревожный взгляд на зловещую полную луну, заглядывавшую прямо в лобовое стекло машины.

— Нервничаешь? — заметил Вадим.

— Нет, вспоминаю... — не глянув на Малахова, сквозь зубы ответил Римжанов.

— Поосторожней, смотри, — совершенно серьезно ответил Вадим. — Я знаю, чем твои полнолуния могут кончиться.

— Так, он чешет через Поклонную, почти вдоль трассы. Куда же его несет? — раздался голос Германа. — Я уже почти уверен, что он рвется в центр.

— Она, — поправила Клава.

— Один черт — зараза, — ответил Тельбиз. — Где бы нам его перехватить? Как назло, нет тихих закоулков, не хотелось бы устраивать охоту в людных местах. Так, Клава, сейчас давай все время левее выбирай, чтобы успеть с ним пересечься до набережной.

Машина неслась по улочкам сумеречной Москвы, утопающим в желтых листьях, оставшихся на земле после ленивых дворников. Налетевший нудный дождь намочил асфальт и разогнал редких прохожих. Впрочем, для «Сталкера» никакие дорожные условия не были сложными. На карте, выведенной на дисплей Германа, погоня за Эльзой была похожа на компьютерную игру. Красная точка, оставляющая за собой тонкую красную линию, все время шла на сближение с зеленой точкой и треком УАЗа.

— Всем приготовиться, на следующем повороте мы на визуальный контакт выходим, — предупредил Герман.

— Клава, на тебя вся надежда. Можешь слегка подсечь, не до смерти? — Малахов следил за движением УАЗа на навигационном мониторе. — Бортани ее так, чтобы бежать дальше не смогла, но только не задави.

— А то, — просто ответила Клава.

Она лихо вывернула в пустынный переулок.

— Твою мать, — воскликнул Тельбиз. — Эта сука по крышам идет! Я дурак, не запустил данные высоты передвижения.

— Стой, — скомандовал Вадим и выскочил из машины, как только Клава резко

остановила «Сталкер» у тротуара.

Он внимательно осмотрел крыши особняков старой Москвы. Казалось, Эльза почуяла его и затаилась.

— Она не двигается, — шепнул Герман.

Но, видимо, нервы у монстра были не железные, и внезапно стремительная тень, грохоча кровельным железом, метнулась по самому коньку двухэтажного особняка, перескочила на вековой вяз и исчезла на крыше другого дома, погруженного в тень.

— За ней, — коротко сказал Вадим, и через секунду «Сталкер» продолжил преследование. Теперь это уже была погоня, а не перехват. Сомнений не было, Эльза неслась в сторону Кремля.

— Она к Боровицким идет. Я почти уверен, — сказал Тимур.

— Почему ты так решил? — удивился Герман.

— Ну, я бы точно туда пошел, — ответил Тимур и утробно рыкнул.

— Ну, вам, верфольфам, виднее, — пошутил в ответ Тельбиз. — Только есть одно «но». Тот, кто повесил на нашу подругу датчик, тоже неподалеку. Я отследил реципиента. И, видимо, он тоже на машине. Вот его отметка.

Навигационный монитор украшали уже не два, а три трека. Один из них, синий, шел с севера. Впрочем, треки «Сталкера» и Эльзы уже совпадали.

Постепенно УАЗ стала отставать. Монстр двигался практически по прямой, совершая головокружительные прыжки, а Клаве приходилось вести по лабиринту маленьких улочек, которые в итоге вывели на широкий московский проспект, где преследование вообще стало невозможным.

— Все, — устало произнес Тельбиз. — Сигнал потерян. И вправду возле Боровицких ворот. Прямо у устья Неглинки. Или датчик разбит, или...

— Давай туда, — сказал Вадим. — Прямо к месту исчезновения сигнала, там посмотрим.

Через несколько минут «Сталкер» остановилась на набережной Москвы-реки. Мутный осенний поток неся мимо разломанной решетки, которая только что закрывала проход в подземелье Неглинки.

— Оно туда ушло, — сквозь зубы сказал Тимур. — Ребята, я пошел за ним.

— Тимур, я понимаю твою мысль, но ведь это... — начал Малахов.

Тимур посмотрел на него и улыбнулся.

— Вадим, ты же понимаешь, что это дело как раз для меня. Мне легко стать тем, кому в этой клоаке будет бегать так же просто, как спортсмену по стадиону.

Рымжанов вынул из внутреннего кармана металлический цилиндр, вытряхнул на ладонь небольшую синюю таблетку и проглотил ее.

— Все, обратной дороги нет. Только, ребята, дайте маячок, я его на резинке на ногу... Как запищит — забирайте меня. — Тимур говорил уже с трудом, действие антивакцины было моментальным. — И штаны прихватите, а то...

Герман, поняв, что хочет Тимур, немедленно достал из багажного отсека маленький радиомаяк и, сорвав резиновый жгут от крепления инструментального ящика, привязал его к ноге Тимура. Тот глянул на друзей взглядом уже рассеянным и слегка отрешенным и, легко вскочив на парапет набережной, прыгнул в воду. Вынырнув, в два гребка исчез в черноте сводов реки Неглинки.

— Не нравится мне все это, — мрачно сказала Клава.

— Я боюсь, это единственная возможность. Тимур и не в таких адовых дырах бывал, так что, надеюсь... — Вадим говорил твердо, но все равно в голосе его чувствовалась тревога.

Глава пятнадцатая

— Вадим, сейчас наши, так сказать, коллеги тут будут, — сказал Герман, глядя на

монитор. — Через сорок секунд. Я имею в виду тех, кто тоже за этой каракатицей охотится. За морфом нашим.

— Все в машину, подготовиться. Клава, погаси огни. — Малахов сел на место Тимура и включил систему вооружения.

И вправду, через полминуты на набережную стремительно вылетел большой черный «Ленд-Круизер» с включенным дальним светом. Внедорожник остановился на некотором расстоянии от устья Неглинки. Из машины вышли три человека. Они вели себя уверенно, не обращая никакого внимания на стоящий невдалеке «Сталкер».

— Давай свет, — тихо скомандовал Малахов.

Сноп яркого света из основного прожектора на крыше УАЗа залил «Круизер» и набережную Москвы-реки.

— Не двигаться, руки на голову. — Мощный динамик разнес голос Вадима над тишиной вечернего города.

Но охотники за морфами, видимо, имели другие планы на вечер и ринулись к своему автомобилю. Из раскрывшихся люков на крыльях «Сталкера» моментально выскочили скорострельные пулеметы, и короткая очередь трассирующих пуль прошла передние колеса «Круизера». Внедорожник беспомощно припал на обода. Вадим поймал себя на мысли, что точно так же они разогнали совсем недавно каких-то бандитов на трассе. Но те, кто сидел внутри, не собирались сдаваться. Слева и справа из окон автомобиля высунулись стволы автоматов, и на УАЗ обрушился шквальный огонь.

— Они так мне всю краску попортят, Вадим! — делано возмутилась Клава.

— Гера, дай мне инфракрасную картинку, — отрывисто приказал Малахов.

В этом диапазоне спектра было хорошо видно, что происходит внутри «Ленд-Круизера». Водитель и пассажир рядом с ним вели шквальный огонь, а еще один, безучастный, развалился на заднем сиденье, как на диване перед телевизором. Малахов не колеблясь перенес огонь на тех, кто стрелял из внедорожника. Тела немедленно обмякли. Вадим достал на всякий случай пистолет, вышел из машины и направился к «Круизеру». Он рывком распахнул заднюю дверь и вытащил за шиворот человека с заднего сиденья. Немолодой, слегка обрюзгший мужчина был полностью деморализован. Видимо, только что он был уверен в своей полной безопасности, но ситуация изменилась настолько быстро, что он даже не понимал, что произошло. Так же за шиворот Малахов волоком оттащил его к своей машине. Там, зафиксировав наручниками, запихнул в багажник УАЗа.

— Лежи и не пикни, приедем куда надо, поговорим, — объяснил он пленнику. — Герман, вызови Центр, пусть они тут подчистят.

— Уже сделано, — ответил Тельбиз. — Через пятнадцать минут будут.

— Тогда поехали домой. — Вадим захлопнул дверцу и сел, как он обычно любил, вполоборота к водителю.

Минут через двадцать «Сталкер» осторожно вкатился в ворота внутреннего двора Центра. После нападения Центр был еще в лесах. Шли работы по реставрации фасада, замена окон на пуленепробиваемые, да и внутренняя отделка здания тоже преображалась. Шустрые жители Норвегии и Финляндии, легальные гастарбайтеры, сбежавшие в процветающую Российскую Федерацию, старались вовсю. Ведь за хорошее поведение и отличный послужной список можно даже подать заявление на гражданство. А это была мечта практически любого жителя Северной Европы. В России, кроме высокого уровня доходов, они могли наконец жить не по законам шариата, и их женщины могли не скрывать под паранджой свои русые волосы. Программа натурализации полностью поддерживалась коренным населением северных стран, по этому поводу президент Финляндии Нургаллы Хакандиев разрешил беспощинные поставки в Россию стройматериалов. Так что краской «Тиккурилла» были обеспечены все стройки Москвы. Новый облик Центра постепенно приобретал свои строгие черты.

По возвращении в Центр группе Малахова пришлось потрудиться. Пленника необходимо было перевести в хорошо защищенное помещение. Такие, конечно, были в

подвалах Центра, но ими уже много лет не пользовались. С большим трудом удалось отыскать коменданта, а тому с еще большим трудом удалось найти ключи от комнат усиленной изоляции, как назывались обычные камеры. В давние времена они тоже не часто использовались и в основном не для людей. Людьми в давние времена занимались другие учреждения.

Толстяка поместили в небольшое помещение без окон с довольно удобной кроватью, санузелом в отдельной каморке и аскетической прикроватной тумбочкой. Ему так и не сказали ни слова с того момента, как вытащили за шиворот из машины на набережной у Боровицких ворот, и это явно тревожило задержанного. Человек, оставшись наедине с самим собой, сначала стал нервно ходить по камере, потом, слегка успокоившись, улегся на кровать. За его поведением из соседнего помещения, куда был выведен сигнал камеры видеонаблюдения, внимательно следили Клава и Вадим.

— Ну что, будем с ним говорить? — Клаве не терпелось допросить пленника, она соскучилась по своей основной работе.

— Ты знаешь, Клава, мне совершенно не хочется. По нему видно, что это очень мелкая сошка в иерархии энампов. И по способностям, и по положению. Это у них вообще-то взаимосвязано, — ответил Малахов. — Я не почувствовал в нем никакой силы. А ведь я лоб в лоб с ними сталкивался. Там, в Зоне.

— Ладно, позволь мне поработать. Уж очень мне интересно с таким поговорить. Я прямо обзавидовалась твоему опыту. — Клава улыбнулась и отправилась к заключенному.

— Только осторожно, а то тебе резкое похудение будет не к лицу, — так же улыбаясь бросил вдогонку Вадим.

— Ну что, молодой человек, как самочувствие? — Клава шагнула в камеру без всякого сопровождения, хотя прапорщик взвода охраны и пытался войти первым.

— Я ничего не скажу. — Пленник вскочил с кровати и испуганно завертел головой. — Я требую адвоката!

— Господи, ну будет вам адвокат, будет. Что вы все такие нервные? — всплеснула руками Клава. — Только что обстреляли машину спецслужб, а теперь уже требуете адвоката. Может, сначала поговорим без официальных представителей юстиции? Может, и так договоримся? А то адвокат, прокурор, суд присяжных, смертная казнь... Вы в курсе, что у нас не афишируют, что смертная казнь до сих пор применяется? Я вам как-нибудь расскажу, я однажды присутствовала при расстреле.

— Ни о чем я не хочу с вами говорить. Я ничего не знаю и знать не хочу, — поджав губы, сказал человек.

— Нет, это и вправду очень интересно! — Клава глянула на заключенного, и блеск ее глаз был очень похож на маниакальный. — Главное, на самом деле расстрел — не совсем расстрел. Зачем расходовать такой источник донорских органов?

Со стороны казалось, что заключенный уже освоился, взял себя в руки и совершенно не реагировал на слова женщины, гордо уставившись в стенку, но Клава прекрасно понимала, что его поведение — это просто разновидность истерики.

— Хорошо-хорошо, — кивнула Клава. — Я сейчас просто перечислю свои вопросы, и все. Вам отвечать не надо. Подумайте над ними, я потом зайду. Договорились?

— Мне все равно. — Пленник гордо сел на прикроватную тумбочку. — Я даже слушать вас не буду.

— Ладно, тогда мои вопросы. Я ведь думаю, вы достаточно разумный человек, чтобы хотя бы выслушать их, да? Ведь еще не придумали таких способов психообработки, чтобы человек совершенно адекватный — а вы же адекватный, да? — не слышал, что ему говорят.

Мужчина демонстративно отвернулся.

— Меня зовут Клавдия Мироновна Моисейчик, я сотрудник Центра Аномальных Явлений. В силу своих служебных обязанностей я иногда занимаюсь тем, что помогаю людям привести в порядок свои мысли, обрести душевное равновесие и покой. А как вас зовут? Но можете не отвечать.

— Я Эрик Иванович Фокин, — пленник ответил неожиданно для себя самого.

— И как давно вы состоите в сообществе? — спокойно, словно это подразумевалось само собой, спросила Клава.

— Полгода. — Фокин вдруг подскочил и заорал: — Я не состою ни в каком сообществе!

— То есть вы полгода не состоите в сообществе, а раньше состояли? — все так же, не повышая голоса, спросила Клава.

— Нет, я не состоял и не состою нигде! — Губы Фокина задрожали.

Только тут Клава поняла, что ее так раздражало в допрашиваемом. Губы у него были бледные и влажные и после каждого произнесенного слова подрагивали, как кусочки салата в гамбургере.

— Это у вас было первое задание?

— Нет! Это...

— Это не первое задание? — продолжала наседать Клава. — То есть вы уже опытный член союза энергетических вампиров?

— Откуда вы зна... — всполошился Фокин. — Нет никакого сообщества!

— А что есть? — Клава долбила Фокина вопросами, как молотком по голове.

— Ничего нет... — Чем больше задавали вопросов Фокину, тем больше он терял контроль над ответами, выпаливая слова, которые появлялись из самых дебрей подсознания.

— И вы просто выехали погулять по набережной? — Клава посмотрела на мужчину как на тяжелобольного — с грустью и сожалением.

— Да, мы просто погулять... — соврал так, что сам этому ужаснулся, Фокин.

— И огонь открыли по спецмашине просто так? — все так же бесстрастно, как о покупке бутылки пива, спросила Клава.

— А вы первые открыли! — Фокин уже оправдывался, как провинившийся школьник, не верящий ни на секунду, что ему поверят.

— Мы? С чего вы решили, что это были мы? — Клава поджала губы и изумленно посмотрела на Фокина.

— Я запомнил вас за рулем! Я все помню. — Эрик расправил плечи, но это не придало ему уверенности.

— Вот и хорошо. То есть даже очень хорошо. Тогда ответьте мне, с какой целью вы преследовали Эльзу? Ну, то существо, в которое превратилась девушка Листера. Морфа.

— Ничего не скажу. — Неожиданно Фокин нашел в себе силы сопротивляться допросу.

— Не говорите. Не надо. Я думаю, что просто в силу очень низкого уровня в вашей иерархии вы и не знаете, зачем и куда ехали. Обидно быть болванчиком в чужой игре, не так ли?

— Я не болванчик, я... — замялся энамп.

— Да ладно. Ведь мы все равно отследили, откуда выехала ваша машина, и, как вы заметили, выяснили, куда ехала. По вашему чипу это совершенно просто узнать.

— Это противозаконно! — взвизгнул в поисках последнего аргумента Фокин.

— Противозаконно устраивать стрельбу под Кремлем, — назидательно сказала Клава и погрозила пальцем.

Фокин замолчал и уставился в никуда.

— Так, значит, ваша машина выехала из... — Клава назвала адрес, который вычислил Герман по сигналам ГЛОНАСС. — Это и есть штаб-квартира вашего тайного общества? Вот только мы не знаем точного адреса. Где ваша штаб-квартира находится? Поймите, найти ее — нет проблем, вопрос только времени. Вы все равно проиграете.

— Не скажу! — буркнул Фокин.

— Ага, это уже правильный подход, — демонстративно обрадовалась Клава. — Вы знаете, но не скажете. Вы выбираете себе жизнь мученика за идею, хотя и понимаете, что вас элементарно подставили.

— Почему это подставили? — Эрик Иванович хорохорился из последних сил, но все

слабее и слабее.

— Ну, неужели не понятно? Вы ведь отнюдь не знамп, вы не имеете потребности в том, в чем нуждаются те, кто хочет быть вашим кукловодом.

— С чего вы взяли? Я не пешка и не кукла! Я, если вы хотите... — Фокин вскочил со своей тумбочки, чтобы казаться выше, — я с самим канцлером Силь...

И тут он вдруг застыл, лицо неестественно побледнело. Фокин схватился за грудь, словно там запылал адский огонь, и рухнул на пол. Клаве не понадобилось много времени, чтобы понять, что он мертв. Она тихо под нос выругалась и вышла из камеры.

— Надо же быть такой дурой! — Клава, как только вошла в комнату наблюдения, где ее ждал Вадим, швырнула папку, с которой она ходила на допрос, так что листы полетели во все стороны. — Ведь подозревала, что у него стоит психоблок, но сама не проверила. Вернее, даже не подумала, что там может быть смертельный блок.

— Да ладно, не кори себя, — успокоил ее Малахов. — Одной гнидой меньше, а новые не заставят себя долго ждать. С другой стороны, ты теперь понимаешь, с кем имеешь дело.

— Да, я имела дело со слабовольным человеком. Насколько я понимаю, вернее, поняла, у этих твоих вампиров очень хитрая система. Они создали вокруг себя некую прослойку из людей, которые не относятся к их касте, однако стремятся. Вот они и есть их расходный материал. Ведь как этот Фокин в машине сидел, как босс! Даже не шелохнулся, когда пошла стрельба. Прямо Падрино какой-то. А в итоге — болванчик в чужой игре.

— Кстати, а не пойти ли нам подергать за уши Германа? Может, и вправду по чипу сможем что-то вычислить? — предложил Малахов.

— А что еще остается делать. Но запомни — канцлер «Силь...».

Глава шестнадцатая

Холодная вода Москвы-реки сначала попыталась объять Тимура и утащить прочь от уходящей под землю Неглинки, но он успел схватиться рукой за искореженную решетку, еще совсем недавно охранявшую выход из подземной галереи. Тимур успел заметить, как рука, которой он держался за сломанную ограду, стала удлиняться, покрылась сначала роговыми пластинами, а потом толстой шерстью, пробивавшейся между ними. Сколько раз он видел эти метаморфозы, но только недавно научился осознавать происходящее. Он без труда подтянулся, хоть скользкие прутья ограды выскальзывали из лап, и бросил свое все еще меняющееся тело в сумрак каменной арки. Бросок сопровождался треском ткани — разбухающие мышцы рвали одежду, освобождая тело от оков. Вместе с обрывками одежды куда-то в небытие улетал и реальный мир. Не было ничего, только мрачная галерея, только отпечатавшаяся в мозгу цель — найти Эльзу, и теплое смутное воспоминание о мире, который он только что покинул.

Первые метры пришлось плыть, лапы не доставали до илистого дна. Поток, хоть и слабый, но настойчивый и плотный, старался вытолкнуть Тимура из тоннеля. Через несколько минут, когда метаморфозы закончились и силы наполнили новое тело, он двумя мощными гребками выбросил себя туда, где река превратилась в утлый ручеек, текущий среди кирпичных берегов. Тимур выбрался на камень и, отряхнувшись по-собачьи, принялся. Он чувствовал Эльзу, ее терпкий запах, полный страха и неуверенности в себе. Поймав верхним чутьем след, Тимур задрал свою звериную морду и завыл. Вой, тревожный, агрессивный, вой хозяина подземелья, не терпящего никого на своей территории, разнесся под сводами подземной реки.

Рымжанов ринулся в глубину галереи, но через сотню метров его дыхание сбилось, и лапы стали скользить на мшистых камнях. Он терял силы. Как всегда, метаморфоза требовала пищи. В Зоне было проще, лес всегда полон мяса, хоть и радиоактивного, но зато в изобилии. Здесь, в подземелье Неглинки, Тимур, кроме нескольких худосочных крыс и громадных белых тараканов, пока не увидел ничего, что хоть как-то могло утолить протеиновый голод. Он остановился и стал приняховаться. Сквозь зловоние подземной реки

ему удалось учуять еле различимый запах еды, запах свежего мяса. Тот струился тонкой ниточкой из правого ответвления канала.

Тимур осторожно, чтобы не тратить зря силы, подошел к повороту. Это был один из выходов из галереи, оканчивающийся чугунной круглой крышкой. Понимая, что времени остается все меньше, он стремительно взлетел по железным скобам-ступенькам, вбитым в кирпичную стену, и вынес люк вместе с горловиной. Там на поверхности запах пищи усилился в тысячи раз. Не таясь, не заботясь о том, что он распугает пол-Москвы, Тимур ринулся туда, откуда доносились такие пьянящие ароматы. Запах привел его к большому зданию с надписью «Корчма „Тарас Бульба“» на фронтоне. Несмотря на поздний вечер, широкие витрины светились, и внутри за столиками сидели посетители. Они ели, пили, разговаривали, слушали музыку. Ни яркий свет, ни присутствие людей не смущали Тимура. Сейчас его сознание могло контролировать только две вещи — поиск пищи и то, что ни в коем случае нельзя трогать людей.

Звон бьющегося стекла слился с плотным, как жесть, женским воплем. Испуганные гости корчмы вскакивали со своих мест и неслись к выходу. Посреди перевернутых столов и разбитой посуды стояла химера — зверь с клыкастой крупной головой, грубой шерстью на спине и мощным хвостом тираннозавра. Чудовище стояло, медленно обводя зал взглядом, время от времени ударяя хвостом по бокам. Потом, сориентировавшись в обстановке, оно ринулось в глубь помещения, туда, откуда официанты выносили заказы. На кухне на пути Тимура попытался встать один из поваров, размахивая разделочным топором. Вялым движением, даже не посмотрев в сторону повара, зверь оттолкнул его и в два прыжка достиг лестницы в подвал, где находилась холодильная камера. Через секунду посетители корчмы, которые уже начали успокаиваться, снова завопили при виде чудовища, несущегося через зал с тушей телянка на спине.

Тимур быстро вернулся в подземелье и там с глухим урчанием стал рвать свежатину, еще не успевшую затвердеть в морозильной камере. Он не различал ни тонких ребер, которые перемалывал мощными зубами в порошок, ни нежных хрящей, ни сочных пластов мяса на окороках. Через двадцать минут от туши телянка остался только обглоданный каркас, вокруг которого уже суетились, ожидая своей очереди, тоннельные крысы.

Рымжанов немного отдохнул, выпил воды из речки. Он чувствовал, как метаболизм чудовищной скорости и эффективности превращает его тело в громадного монстра, как наливаются силой стальные мышцы, как обостряются слух, обоняние, зрение. Теперь, когда чувствительность глаз выросла во много раз, тоннель уже не казался черным провалом, а светился всеми оттенками радуги. Свет, пробивавшийся из канализационных люков и решеток ливневки, от чахлых лампочек высоко под сводчатым потолком, соединенных провисшими проводами, от невиданных фосфоресцирующих мелких тварей, суеющихся в гнилой воде, расцветил старинные кирпичные стены и мутную воду неровными пестрыми бликами.

Тихо, не издавая ни звука, даже не выдавая себя дыханием, Тимур ринулся вперед, туда, где скрывалась Эльза, вернее, морф, который совсем недавно был Эльзой. Он чувствовал ее дыхание, ее мускусный запах, слышал шелест чешуек на ее спине. Тимур несясь по тоннелю, проскальзывая иногда на поворотах когтями по липким кирпичам. Он чувствовал, что догоняет, что цель близка. В какой-то момент пришлось свернуть с главного тоннеля налево, перескочив узкое русло, — след вел в боковое ответвление, узкое и мрачное. Там Тимур и нашел чудовище, которое преследовал. Эльза сидела в глухом тупике на груде истерзанных тел. Это было похоже на кладбище монстров. Разорванные неведомой силой туши лежали горой и источали смрад. Обессиленный морф сидел у этой зловонной кучи и тяжело дышал. Потом, бросив полный боли взгляд на Тимура, Эльза легла на камень и закрыла глаза. Тоскливый, безнадежный вой пронесся под сводами подземной реки, отражаясь эхом и возвращаясь назад искаженным, дрожащим стоном. Эльза выдохнула последний раз и затихла.

— Садитесь, поговорим, — буркнул Лазненко, даже не встав навстречу группе «Табигон», входящей в его кабинет.

По сухому голосу, отсутствию улыбки на лице было понятно, что он вне себя от возмущения.

— Давайте по порядку, докладывайте о проведенной вами операции. Малахов первый, — приказал Лазненко.

— Не было никакой операции, была рутинная работа, — с легким нажимом на слово «рутинная» ответил Вадим. — При наблюдении за объектом возникла непредвиденная ситуация, нам пришлось оперативно...

— Вадим, ну ты что, думаешь, я не знаю, что случилось? — перебил его Лазненко. — Вот ты мне только скажи, с каких пор у нас можно открывать стрельбу у самого Кремля?

— Но... — беспомощно попытался возразить Малахов.

— Никаких «но»! Вы в мое отсутствие совсем распоясались! — Николай Петрович перешел на крик. — Я вынужден заниматься какой-то хренью, организовывать строительные работы по восстановлению Центра, а они устроили полевые испытания транспортного средства. Да еще где! Скажите спасибо, что президент у нас адекватный. Свалили все на съемки боевика, пока пресса не раскопала. А вот это что, скажите?

Лазненко в сердцах бросил на стол глянцевого журнала с заголовком на полстраницы: «Конь-людоед терроризирует московские рестораны!»

— Но ведь я в морфированном состоянии на коня никак не похож! — не выдержал Тимур.

— Зато мы все теперь походим на ослов! И в первую очередь я. С каких пор совершенно закрытая от посторонних глаз работа нашего Центра освещается на первых полосах бульварных газетенок? И еще, почему Байкалов не был предупрежден о вашем рейде? Вы что, хотите, чтобы он обиделся? Вы что, считаете, что состав группы определяете целиком вы? — Лазненко посмотрел на Вадима. — Вы понимаете, что свидетель, которого вы с таким шумом взяли, может, был бы жив? Привыкайте полагаться не только на свой опыт.

— Да я и не настаиваю... — раздался голос Байкалова. Оказалось, он все это время тихонько, так, что его даже и не заметили, сидел в кабинете Лазненко в дальнем углу. — Не хотят, чтобы я участвовал, — не надо.

— Вот видите, Дмитрий все-таки обиделся. Так, друзья мои, давайте-ка возвращаться в реальный мир, хватит мне устраивать боевые рейды, как в Зоне, — уже примирительно сказал Николай Петрович. — Идите, обсудите последние события между собой и потом ко мне с докладом.

Вся группа «Табигон» в мрачном настроении покинула кабинет шефа. Замыкал процессию Байкалов, настроение у которого было, наоборот, прекрасное. Он шел, стараясь не испачкаться о маляров, докрашивавших панели в коридоре темно-зеленой «Тиккуриллой». Байкалов подобрал полы своего неизменного длинного плаща и тщательно обходил ведра с краской. До самого кабинета Малахова все хранили молчание.

Вадим распахнул дверь и придержал ее ногой, пока все не вошли. Ремонт в кабинете был еще не окончен, но по какой-то причине сейчас там никого не было. В углу был сложен нехитрый инструмент финских рабочих, рядом в ведре отмокали малярные кисти. Малахов рывком снял пленку, защищавшую от строительной грязи круглый столик с креслами вокруг него.

— Вот, садитесь, вроде эти тут еще не все заляпали своей краской... — предложил Вадим.

Коллеги молча расселись кружочком.

— Дима, я, конечно, согласен с шефом — нам придется быть одной группой. Но и ты должен понять... — начал первым Малахов, но осекся, увидев, как на него смотрит

Байкалов.

— Не надо мне рассказывать, что я должен. Вы начали работу без меня. И мне стоило больших усилий не обидеться.

— А что, обиженный Байкалов — это конец света? — спросила Клава. — Ну, если ты будешь обижаться на женщину, то можешь многое в своей жизни упустить.

— Я не говорил, что обиделся. Но все запомнил, — спокойно ответил Дмитрий. — Если бы вы знали, какими словами Лазненко ругал ваш ночной рейд, то в следующий раз, наверное, сто раз бы подумали, прежде чем устраивать гонки со стрельбой в центре Москвы.

— Если мы будем задумываться о том, как действовать, то ни фиги не сделаем! — возмутился Герман. — Что, смотреть надо было, как этот монстр по Москве бежит? И даже не попытаться найти логово этих энампов?

— Да... ну, как вам объяснить? Даже ты, Вадим, видимо, не понял... — тяжело вздохнул Байкалов. — Эта война идет тысячи лет. И здесь нельзя победить. Здесь можно только одержать тактическую победу. А главное — построить глубоко эшелонированную оборону. Так, чтобы никто с той стороны и не подумал идти охотиться на нашу сторону, через линию фронта. И каждый шаг должен быть тысячу раз обдуман. Ну что из того, что догнал Тимур эту тварь? Что? Ведь и так можно было понять, что все эти создания не выживают, что они существуют только короткий период времени. Гораздо важнее понять, почему они появляются и зачем они вампирам? Разве не это главное?

Но тут их разговор прервали. Без стука и разрешения в кабинет вошли трое рабочих в белых спецовках и, ничего не говоря, стали греметь инструментами в углу.

— Вы не могли бы прийти потом? — громко спросил их Малахов. — У нас совещание идет.

— Слушай, начальника, какой совещаний? — отозвался один из финнов. — Ремонт, стенка красить надо!

— Идите отсюда и приходите через час, — совсем уже строго сказал Вадим.

— Как можна, нам наша начальника яйса отрывать, — не соглашался маляр.

— Если вы сейчас не уберетесь, я оторву и вам, и вашему начальнику! — Вадим угрожающе поднялся из-за стола.

— Латна, латна. — Рабочие стали складывать свои кисточки обратно. — Сразу би сказал, мы же не чурки тупые! Вот пачиму вы не любите нас, финнов, патаму што ми такие гортые...

Вадим сделал движение, словно хочет выйти из-за стола. Рабочих как ветром сдуло.

— Понаприезжали, — буркнул Байкалов.

— Так, вернемся к делу. — Вадим опустил на свое место. — Дима, а ты четко знаешь, что главное, а что не главное в борьбе с энампамми?

— А ты знаешь? А кто знает? Я знаю одно — победить навсегда здесь нельзя! И наша задача — просто понять, чего они хотят! А пока у нас получается просто пальба в воздух! — Байкалов для убедительности даже стукнул кулаком по столу.

— Ты знаешь что-то, чего мы не знаем? — спросил Вадим.

— Я многое знаю, чего вы не знаете, но давайте я буду это излагать по мере необходимости. — Байкалов успокоился. — Начнем с того, что мы достаточно бездарно продолбили верный шанс найти, где же этот проклятый Орден собирается. Вернее, его верхушка. Не возражайте, это не ваша вина. И я не смог догадаться, что они для работы стали использовать зомбированных людей. Хотя после атаки на Центр мог бы сделать вывод. Второе, это, конечно...

— Сталкеры? — спросила Клава.

— Да, сталкеры. Я думаю, что здесь кроется что-то крайне важное, — ответил Дмитрий.

— Не думаю, что это уж слишком большая загадка, — прервал их Тимур. — Поверьте мне как человеку, столько времени пробывшему в Зоне. Я думаю — роль сталкеров здесь совсем простая.

— Ну, говори, — сказал Вадим.

— Да нет, тут только идея, довольно очевидная пока. Ведь смотрите, обычный человек превращается в монстра, когда находится рядом с бывшим сталкером. А вдали от него — гибнет. И обратно в человека не превращается.

— Это наблюдение. Тут ничего не возразишь. Только это наблюдение, а не объяснение происходящего. Легко сказать, что процесс образования морфа — результат каких-то скрытых способностей сталкеров. Но это тянет только на гипотезу, — сказал Вадим. — Хотя можно предположить, что рядом со сталкером морф может существовать долго.

Все на минуту замолчали, представляя себе сталкеров, выгуливающих по московским бульварам морфов на поводках.

— Вадим, ты бы мог и не задаваться таким вопросом. — Бай скривился. — Энампов, мне кажется, мало интересуют сами морфы как таковые. Вампирам надо одно — чтобы другим было плохо. В такой ситуации легче набить брюхо. Ну, не брюхо, но аллегория ты понимаешь, я надеюсь.

— У тебя случайно нет сигары? «Кохибы»? — неожиданно спросил Малахов. — Я как вспомню, как мы сидели с тобой там, в Зоне, еще готовые убить друг друга...

— Я тебя убивать не собирался, не надо грязи... — Байкалов посмотрел на Малахова так, словно его всерьез обвинили в убийственных намерениях.

— «Не надо грязи» — так говорил сталкер Шип, — грустно ответил Вадим.

Остальные молча следили за разговором Бая и Малахова, не очень понимая, о чем те говорят.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Байкалов. — Два старых трухлявых пня вспоминают минувшие дни. Да, Семенного жалко. Ходили слухи, что он себе такую смерть у Монолита выторговал. Красивую и героическую. Но «Кохиба» кончилась. Жду новой контрабанды с Кубы. Один мой знакомый должен туда поехать.

— Ладно, о деле, да? — Вадим прервал ностальгические воспоминания Байкалова. — У нас куча вопросов, на которые надо найти ответы. Первое, почему оборотни или, извини, Тимур, я неправильно выразился, морфы, которые появляются рядом со сталкерами бегут в одно и то же место? Второе, почему морфы появляются только рядом со сталкерами? Третье, где же логово или, скажем так, голова нового вампирского сообщества?

— Тривиально, — ответил Байкалов и, достав из кармана сигару, закурил ее. Сигара, судя по желтому бумажному колечку, была та самая «Кохиба».

— Что тривиально? — удивилась Клава.

— Ну, тривиально ставить такие вопросы. Это же очевидно, — ответил Байкалов, тщательно раскуривая сигару.

— Что очевидно? Ты знаешь ответы? — Вадим поморщился — то ли от дыма, то ли от самоуверенности Бая.

— Нет, не знаю. Но задать их и я могу. — Первые клубы дыма наполнили кабинет.

Байкалов после первой затяжки начал искать пепельницу. Но по случаю ремонта ее спрятали. Дмитрий неловко порылся в карманах брюк и выудил маленькую, походную сигарную пепельницу. Он развинтил ее и, тщательно выбрав место, поставил на подлокотник кресла. Пепельница немедленно упала, и на пол просыпалась старая порция пепла. Все словно замороженные следили за манипуляциями Бая.

— Так, прекрати цирк! — Вадим только сейчас догадался, что Байкалов издевается над ним.

— Да ладно, я просто пытаюсь понять, насколько ты сохранил в себе силы бороться с этими тварями. Ведь раньше ты мог противостоять самому высшему энампю. А теперь — вот, я тебя стал чуть раскачивать, а ты уже нервничаешь. — Байкалов повертел в пальцах раскуренную сигару, подумал и снял бумажное колечко.

— Да ну тебя, — махнул рукой Вадим. — И сигары мне твоей не надо.

— Так, давайте подготовимся и попробуем решить, что нам делать на самом деле. Гера, попробуй отследить по чипам тех, кто гнался за Эльзой. Сможешь? — Вадим сменил тон

разговора, теперь он не дискутировал, а давал приказы.

— Ну, попробовать могу, но ты сам понимаешь, что это и чипы надо изъять, и столько серверов прошерстить... — ответил Тельбиз.

— Гера, ты думаешь, я не заметил, что ты чипы считал еще тогда, на набережной? — Вадим хитро улыбнулся. — Ты был бы не ты, если бы не сделал этого. Давай, займись. Часа хватит?

— Часа? — возмутился Герман. — Ты хочешь, чтобы я за час...

— Да, хочу, — отрезал Малахов.

— Ладно. — Герман пожал плечами и отправился к себе в кабинет к компьютеру.

— Дима, я почти уверен, что ты следил за энампами все время, пока меня не было. — Малахов повернулся к Байкалову, который продолжал с видом сибарита дымить сигарой.

— Ну, не сидеть же без дела, — ответил Бай.

— Тогда через час подготовь короткий обзор о том, что происходило с их сообществом все это время, да?

— Да, — мрачно ответил Байкалов и вышел из комнаты.

— Я уже понял, — не дожидаясь задания, сказал Тимур. — Пошел я писать свой отчет.

* * *

— Вадим, давай поговорим. — Клава и Малахов остались наедине. — Не о деле.

— Только давай я сначала кофе сварю. — Вадим поднялся из своего глубокого кресла и подошел к маленькому столику, где были электрочайник и пачка кофе. Он молча, словно нарочно растягивая паузу, включил чайник, достал из шкафчика две чашки, насыпал туда ароматного кофе и, дождавшись, пока закипит вода, заполнил чашки.

— Пусть другие называют меня не знаю кем, но мне лень на работе колдовать с правильной заваркой. А кенийскую смесь и в таком виде приятно пить, — сказал Вадим в никуда.

— Так ты ничего не хочешь рассказать? — тихо спросила Клава.

— Что? — Вадим поставил чайник на место.

— Ты ведь понимаешь, что от меня сложно что-либо скрыть. Все это время ты себя чувствуешь не в своей тарелке, ведь так? — Клава взяла из рук Вадима чашку кофе и сделала маленький глоток.

— Не пойму, о чем ты?

— Вот не надо, а? Все ты прекрасно понимаешь. То, что с тобой произошло за четыре года, пока ты находился неизвестно где, грубо скажем, был растворен где-то в разрыве колеса обозрения в Зоне, держит тебя так, что ты уже не тот Малахов-Тираторе, которого я знаю тысячу лет. Ведь твой отчет, где написано, что ты попал в сингулярность и ничего не помнишь, не совсем правда? Давай поговорим.

— О чем? — все так же вяло переспросил Малахов.

— Да, трудно с тобой. — Клава грустно посмотрела на Вадима и поставила чашку на стол. — А ну-ка с самого начала, иначе ты просто сам себя сожжешь, поверь мне.

Глава семнадцатая

— Ладно, слушай.

Вадим неторопливо и старательно допивал кофе, а Клава ждала, терпеливо глядя в окно. Когда чашка опустела, Вадим начал рассказ:

— Естественно, в отчете я написал не всю правду. Вернее... Да, мне удалось с помощью Бая найти определенный артефакт, который при правильном использовании должен был позволить переместиться во времени.

— Машина времени? Ты всерьез в это поверил? — Клава развернулась и присела на подоконник.

Она слишком хорошо знала Вадима как человека рационального и удивилась. Встала и пересела на кресло у столика, чтобы быть к нему ближе.

— Не забывай, что сама Зона — еще менее реальна, чем машина времени, как ты ее называешь. Я решил попытаться изменить ситуацию. Исправить ошибки, которые мы все вместе сделали в две тысячи двенадцатом году.

— Мы не делали ошибок, — уверенно сказала Клава, откинувшись на спинку кресла. — Просто мы были в такой неустойчивой системе, что наши любые, запомни, любые действия привели бы к тому, что случилось. Я думаю, мы еще очень корректно себя вели. Ладно, продолжай.

— Ну, в общем, понятно, что эксперимент был крайне безумный, как сама идея перемещения во времени. Но дело в том... как бы это лучше сказать... — Малахов сделал неопределенный жест рукой.

— Затея не удалась? — тихо спросила Клава, глядя слегка исподлобья. — За попытку спасибо?

— Не то чтобы не удалась, результат получился какой-то странный. — Малахов замолк, взял в руки отставленную чашку, попытался выпить, но, кроме гущи, там ничего не было. — Я даже не могу правильно сформулировать. Результат оказался какой-то... мистический. Можно даже сказать, с религиозным подтекстом...

— Ты видел Бога? — улыбнулась Клава.

— Не то чтобы видел... скорее, я был его частью... — Вадим говорил отрывисто, воспоминания накатили на него тягучей волной.

— О, не очень скромно...

— Не надо шутить, лучше сама послушай и попытайся помочь понять. Как только я поднялся до уровня сингулярного разрыва, я... исчез. Мое сознание превратилось в часть... ну, скажем, в часть какого-то коллективного сознания. Вернее, коллективного сознательного состояния материи. Я был никем и всем, я не был локализован во времени. — Вадим в запале даже попытался встать, но не смог и обессиленно оперся на подлокотники кресла.

— Может, это разновидность коматозного состояния. Ведь ты явно находился под действием какой-то жуткой суперпозиции полей. Разорвать пространство, а может, и время, как сделал этот твой артефакт, — не так просто. — Клава нашла, хотя бы для себя, рациональное объяснение. — Ведь представь, если рвется пространство, то что же может тогда произойти с психикой человека?

— Нет, определенно это была не кома. Ведь я не все время находился в этом растворенном состоянии. Иногда я материализовался. Много раз. Я не могу все восстановить в деталях, но точно помню — коллективное сознательное выталкивало меня в материальный мир. И это было именно вне времени. Вернее, каждый такой выброс мог оказаться в любой точке временной шкалы.

— Но ведь это тоже могло быть частью видений, которые возникали в твоём мозгу под воздействием окружающих полей! — Клава никак не хотела отступить от материалистической точки зрения.

— Да. Конечно, могло. Но странные какие-то были видения. Я шел на штурм Никеи вместе с Петром-пустынником. И поверь — я не изучал этого в курсе истории. Я бомбил ночной Берлин в сорок первом году. Я был штурманом дальней авиации, мы летели на ДБ-3. Мы все погибли. Я воевал с сарматами... — Вадим замолчал. — Было еще много чего. Я не все помню.

— Ну... все-таки такие сведения бывают и у обычных людей. Информационное поле вещь такая, ты мог совершенно на подсознании владеть этими све...

— Нет, Клава, нет! — оборвал ее Малахов. — Смотри!

Вадим рванул ворот рубашки так, что посыпались пуговицы.

— Вот. Сюда ударила сарматская стрела. Вот это, — Вадим показал длинный шрам на плече, — меня достала сарацинская сабля во время жестокого боя на крепостной стене Никеи. У меня на спине ожог, я горел в нашем ДБ... Это что?

— Извини, Вадим, я никак не хотела... — Клава смотрела на шрамы широко раскрытыми от изумления глазами. — Ну, хорошо, может, ты и вправду познал мир совсем с другой стороны. Но почему он мучает тебя? И ты знаешь, ведь твои раны — это, может быть, ну...

Клава словно боялась сказать нужное слово, потому что оно могло обидеть Малахова.

— Я понимаю, ты хочешь сказать, что это что-то вроде стигматов религиозного фанатика? Я бы очень хотел, чтобы так было. Но, видишь ли, врачи в реабилитационном центре там, на Байкале... Они сказали, что это просто хорошо зажившие раны. А сарматская стрела пробила мне ключицу насквозь. Чего при стигматах уж никак не может быть.

Малахов стал аккуратно, одну за одной собирать оторванные от рубашки пуговицы. Потом положил их в карман.

— Я умирал и воскресал, я был злом и добром, это все был я. Ладно. Может, и не это самое трудное. Иногда я был самим собой. — Вадим замолчал, помрачнев.

После короткой паузы он решился:

— Иногда я возвращался в свою собственную жизнь. Не прожитую еще. А ту, что будет, — почти по слогам, медленно и твердо произнес Вадим. — Ты понимаешь, что это?

— Что?

— Я знаю свое будущее. Вернее, почти знаю. Ведь многого я не помню, — совсем упавшим голосом сказал Малахов.

— Я думаю, даже если это и реальность, то это вероятностное будущее. Оно, может, и не случится.

— Что значит «если это и реальность»? — с обидой переспросил Вадим.

— Нельзя то, что стоит за гранью реальности, нашей привычной реальности, априори считать реальностью. Хорошо, пусть это было. Но оно было только в твоём представлении. Нет никакой гарантии, что так и произойдет на самом деле. — Клава пыталась объяснить, но понимала, что Вадим сейчас ее почти не слышит и не воспринимает никаких аргументов.

— Оно уже произошло. — Малахов поморщился, словно представляя то, что произошло. — И этого уже не изменишь.

— Не зарекайся. Если ты сегодня не сделал что-то, что видел там, впереди, то ты можешь и не сделать этого. Если впереди нас ждет что-то страшное, то, может быть, лучше быть предупрежденным? Тебя именно это, твое будущее, и пугает?

— Меня пугает не все. Впереди жизнь как жизнь. Я хочу верить тебе, что не все еще произошло. Спасибо, что ты со мной поговорила. — Вадим встал, забрал со стола пустые чашки с кофейной гущей и отнес их на одноногий столик, где стоял чайник.

Он вдруг почувствовал, что и вправду стало легче и вокруг словно посветлело. Он сам все время пытался себя уговорить, что будущее, даже то, что он видел, еще не произошло. Что, в конце концов, это могли быть просто видения его находящегося в экстремальной ситуации мозга. Даже шрамы он мог бы тоже попытаться объяснить материалистически. Но носить в себе это знание, видимо, было неправильно.

— Да, Вадим... — Клава слегка замялась. — Там, в том, что будет потом, ты...

— Клава, — Малахов уже рассмеялся. — Ты в две тысячи двадцать втором году принимала меня у себя на океанской яхте. У тебя было двое детей, мальчик и не мальчик. Ты их при мне ругала за то, что они сломали золотой унитаз.

— Да ну тебя, я же серьезно! — Клава сделала вид, что рассердилась.

— Нет... пусть это все мучает, ну или радует, меня одного, хорошо? — покачал головой Вадим. — Если будет нужно, я тебя предупрежу.

— Ладно, может, ты и прав.

— Это что у вас за... — Герман вошел в кабинет и с изумлением смотрел на разорванную рубашку Малахова. — Не подрались, часом?

— Подрались, подрались, — твердо сказала Клава. — Начальник хотел у меня отнять нашу новую машину. Вот и получил.

— Разумно, — согласился Тельбиз. — Вот я, в общем, накопил такое...

— Подожди, Гера, давай будем вместе работать, дождемся остальных. Тем более отпущенный всем час кончается через...

— Двадцать секунд. — Гера показал на свой хронометр. — У меня все записано.

— Ну и отлично.

Группа «Табигон», включая нового члена — Байкалова, через пару минут собралась в полном составе и начала совещание. На этот раз, подчеркивая, что совещание официальное, Вадим сидел на своем рабочем месте, а остальные устроились за столом, приставленным перпендикулярно к рабочему месту Малахова.

— Ну, что, начнем с Байкалова. Его сведения в нашей работе сейчас определяющие. Не возражаете?

— Так вот. После того как наш шеф, — Бай поклонился в сторону Вадима, — изящно накрыл верхушку энампов и обратил высшего энампа в свободную энергию, у этой компании начались трудные времена. Сложная иерархическая организация их общества, их патологическая закрытость привели к тому, что с исчезновением всех канцлеров структура Ордена распалась. Но сам Орден не исчез.

— У них был Орден? Не просто тайное общество? — поинтересовался Герман.

— Да, они себя именовали Орденом. Ну, как хотели, так себя и именовали, — ответил Байкалов. — Имели право. Но то, что погибли все канцлеры, сильно подкосило их сообщество. Их организованное сообщество. Дело в том, что связь между ячейками держали только через канцлеров. Грубо говоря, гибель верхушки привела к тому, что все ячейки остались сами по себе — без какой-либо связи. Если раньше для решения своих темных дел Орден мог объединить силы нескольких стран и правительств, то теперь остались только кучки энампов, имеющих слабое влияние в своем регионе.

— А что им мешает снова объединиться? — Вадим слушал Байкалова внимательно, но все равно перебил.

— Ну как... они же не будут бегать и орать: «Эй, кто тут вампир, отзовись!». Орден, как и любое тайное общество, для своих взаимоотношений и взаимодействий имел некий мистический ритуал и некоторые мистические атрибуты, которые работали словно маркеры, указывающие на принадлежность к Ордену, к касте канцлеров. Без атрибутов никто не поверит тому, кто попытается опять объединить Орден. Мистика любит ритуалы и хорошо распознаваемые образы. Тем более что ты, Вадим, и сам понимаешь, магистры были самыми сильными вампирами, намного сильнее других. Так что... В общем, в последние четыре года Орден не объединился в такой степени, как было раньше. Мы скорее всего имеем дело с московской ячейкой, впрочем, одной из самых сильных в мире. Только питерские вампиры могут тягаться с московскими. Но в силу своего снобизма, невероятного апломба и косности не идут на объединение с Москвой, хотя контакты налажены.

— Но ведь и в Киеве, по моему опыту, была своя группа. Эти жуткие смерти тогда, когда я вынужден был полгода находиться на полулегальном положении... — Вадим вспомнил времена, когда он гонялся за убийцами девушки в южной столице России.

— Ну, Киев. Ты же сам понимаешь, что Киев — это Киев. — Байкалов улыбнулся. Тема киевской группы почему-то его очень развеселила. — Они и тогда, когда Орден был един и в силе, все время себе что-то выторговывали. Даже требовали одно время, чтобы остальные группы им привозили жертвы. Сейчас, насколько я знаю, там идет постоянная ругань. Им для поддержки силы достаточно между собой переругаться. Все же какая-то подпитка. Так что Киев пока можно в расчет не брать. Тем более что они даже пытаются легализоваться. Организовали потешную контору ВЕРВОЛФ — вроде бы группа любителей ролевых игр в страшилки с оборотнями. И уже говорят, что только эта группа может представлять интересы групп «альтернативного мировосприятия» во всем мире. Это они такой эвфемизм слову «вампир» придумали.

— Ты хочешь сказать, что в Киеве вампиры официально зарегистрировались? — не поверил Тимур.

— А им это не стоило особого труда. Вся местная власть в эту группу входит. Их

прекрасно подпитывает общение с простым народом. Ну, ладно, это не важно. Я предлагаю ориентироваться только на московскую группу. Вот в общем-то и все. Вот только для интереса копия регистрационных документов киевлян. — Байкалов вынул из принесенной им папки несколько листов бумаги. — Просто в голове не укладывается.

Вадим взял в руки листочки и стал негромко, под нос себе, читать:

— «Декларация о создании Всеукраинского объединения любителей альтернативного мировосприятия. Украинское сообщество альтернативного мировосприятия (дурдом) занимает достойное место в ряду сообществ любителей странного Европы и всего мира. В Украине проживает множество альтернативно мыслящих, популярных не только в нашей стране, но и за рубежом, проводится ряд фестивалей и конференций международного значения, существуют активно работающие клубы любителей альтернативного мировосприятия...» Б-р-р... что за бред.

Вадим с брезгливой миной отложил документ в сторону.

— Ты говорил о символике. — Малахов глянул на Байкалова. — Ты представляешь, как она выглядит?

— Да, мне как-то один энамп, перед тем как я его прибил, намекнул. Вернее, он грозился, что придет день, и я подавлюсь костью канцлеров.

Малахов встал из-за стола, отошел в дальний угол кабинета и, отперев скрытый за книжными корешками сейф, достал небольшую коробочку.

— Вот эта? — Он вынул из коробки небольшой предмет и положил его на стол.

Это была стилизованная косточка из платины, длиной сантиметров тридцать, вся усыпанная крупными бриллиантами.

— Да-а-а... — протянула Клава, взяв в руки драгоценность. — Вот она, океанская яхта и дома нам всем на Лазурном побережье... Да тут каждый камешек стоит целого состояния.

— Где ты это взял? — Байкалов был потрясен.

— Когда я встретился с канцлерами в развалинах дома культуры «Энергетик», в их логове стоял громадный черный пудель из эбенового дерева с вот этой фигой в зубах. Ну, я взял себе на память... Она у меня в кармане четыре года лежала.

— В кармане? — переспросила Клава.

Слова Вадима никак не вязались с тем, что он рассказывал ей совсем недавно.

— Да, в кармане куртки, той, в которой я находился в кресле колеса обозрения. — Вадим ответил спокойно и без эмоций, дав знать Клаве, что их предыдущий разговор сейчас обсуждать не надо.

— Это атрибут высшей власти. Один из трех, — тихо сказал Байкалов.

Он взял кость у Клавы и, положив перед собой, стал изучать, поворачивая ее время от времени.

— Один из трех? Об этом тебе тоже один из тех, кого ты серебряными стрелами убивал, намекнул? — хитро спросил Тимур.

— Ладно, ладно, — махнул рукой Байкалов. — На самом деле после того, как я узнал о «Кости Канцлеров», я всерьез стал изучать этот вопрос. На самом деле их, высших символов Ордена, было три. Но два из них потеряны много лет назад. Много — это около сотни лет. Кроме «Алмазной Кости», которая до недавнего времени была единственным атрибутом, было еще два. «Хрустальный череп» и «Голос тьмы». Ну, с черепом все понятно. Это еще из ацтекской мистики...

— Так что, и они тоже? — изумился Герман. — Ты еще скажи, что протоукры все поголовно были вампирами сто сорок тысяч лет назад.

— Неужели не понятно? Как правило, цивилизации или государства, где человеческие жертвоприношения узаконены на высшем уровне, были полностью подконтрольны энампам. У ацтеков жреческая верхушка — это энампы. Только их клан угас. Но атрибут, если он появится у кого-то в руках, может послужить великому делу объединения.

— А «Голос тьмы»?

— Это был атрибут русских вампиров. Что это и как выглядит — никто не знает.

Только упоминания. Он пропал примерно триста лет назад. Энампы всерьез считают, что «Голос тьмы» может притягивать к себе темные силы. Ну, это они так называют — темные силы, а по-нашему, по-человечески, он является сильным психотропным артефактом. Но повторяю. Что это и где оно, никто не знает. Поэтому можно с полной уверенностью сказать, что единственный существующий атрибут, символ вампиров, — у нас в руках, с чем я вас и поздравляю.

— Бурные аплодисменты, переходящие в овации, — заключила Клава.

— Именно, — засмеялся Дмитрий, поднялся и церемонно поклонился. — Спасибо за внимание.

— Вот что у тебя не отнять, — сказал Малахов, — так это потрясающей способности превращать любое дело в балаган.

— Ну, Вадим, — ничуть не смутился Байкалов, — ведь надо отдавать себе отчет, уж если мы охотимся за вампирами, хоть и энергетическими, все равно от некоторой балаганности и цыганщины никуда не деться. Ты же учил, наверное, классиков — бытие определяет сознание.

— Ладно, — махнул рукой Малахов. — Следующий.

— Тогда пусть буду я, — отозвался Герман. — У меня ничего интересного. Мне удалось отследить перемещения всей этой троицы за последние дни. Ни разу никто из них между собой не пересекался. То есть впервые они встретились именно внутри «Ленд-Круизера». Тут может быть две версии... Или они встречались давно, но это сложно проверить, логи по чипам долго не хранятся, либо мы имеем дело с хорошо распределенной структурой — они подготовили этих людей по отдельности, и те только ждали команды.

— А машина? — спросил Тимур.

— Машина угнана за час до того, как началась погоня, — развел руками Тельбиз. — Здесь никто не отказывается от обычных классических схем.

— Ты себе представляешь, что они вот так, для серьезной операции, рассчитывали на то, что в нужный момент угонят машину? — удивилась Клава. — Да еще такую? У кого угнали, известно?

— Да, конечно. Некто Таризл Забирава, он приехал в Москву в командировку. Не местный. — Герман повернул экран своего планшета ко всем, демонстрируя портрет пострадавшего.

— Дожились! У грузин в Москве воруют машины, — воскликнул Тимур.

— Он не грузин, он мингрел. Честный бизнесмен. Торгует мандаринами. Оптом. Скупает в Москве и продает тоже в Москве.

— Так, Гера, надо его хорошенько отследить, да? Это пока единственная зацепка, — сказал Малахов. — Сможешь?

— Ну конечно. По его чипу уже идет постоянный мониторинг. Так что в логах рыться нет необходимости. Кроме того, есть еще одна возможность... — Складывалось впечатление, что Тельбиз опять увлекается драматической манерой изложения, с паузами и интригами.

— Говори, не тяни, — поторопил его Вадим.

— Тут задача такая. Надо построить корреляцию по большому числу чипов. — Герман посмотрел на товарищей, убедился, что дополнительно ничего не надо пояснять, и продолжил: — Но для Байкалова я поясню. Можно вычислить пересечения тех людей, которые пересекались с этой троицей. Ну, к примеру, кто-то стоял рядом с одним из них, потом, отслеживая тех, кто стоял рядом, можно попытаться определить, не пересекались ли они в последующем... Ну, это нудная статистическая задача, если я понятно для всех выражаюсь.

— Можешь для меня не разжевывать. Как посчитать коэффициент линейной регрессии и нарисовать корреляционные уравнения, меня учили, — гордо ответил Байкалов.

— Вот как, — удивился Тельбиз. — А по тебе не скажешь.

— Так, тихо, а то сейчас опять обижаться начнете, подеретесь, а нам вас разнимай, —

остановил их Малахов, пряча улыбку. — Давай, Гера, начинай эту работу. Это хороший шанс, если он реальный.

— Так уже начал. Процессоры молотят! — усмехнулся Герман и примирительно глянул на Дмитрия.

Байкалов отвернулся, явно затаив обиду.

— А теперь Тимур нам расскажет, как обстоят дела в транспортном цехе, — пошутил Вадим в надежде разрядить обстановку и не допустить, чтобы пикирование Бая и Тельбиза не переросло во что-то серьезное.

— Нет, это к Клаве, мое дело — записки доктора Айболита.

— Кстати, а ты знаешь, что многие считали, что тебя зовут Болотный Доктор? — вдруг спросил Тимура Байкалов. — Из-за этого такие свары были потом среди жителей Зоны.

— Ну, я тут ни при чем. Пусть считали. Давайте о деле. — Тимур расправил плечи, готовясь к долгому рассказу. — Во-первых, в следующий раз нельзя начинать такое дело без запасов пищи для меня. А то кони-людоеды будут еще долго город пугать. Это, конечно, был мой недочет. Надо бы мне перед Лазненко покаяться. Следующее. Совершенно очевидно, что морфы — структура неустойчивая. Когда я догнал Эльзу, она уже погибала. И погибала она на куче полуразложившихся трупов. Я так понимаю, это был не первый морф в Москве.

— Ну, конечно, ведь со сталкерами было много похожих происшествий, — добавил Малахов.

— Так вот, что мне сразу бросилось в глаза. В Эльзе, а я предполагаю и в остальных, уже дохлых морфах, раньше тоже не было никаких признаков разума. Это было полностью лишненное эмоций, желаний или даже просто жажды жить создание. Она неслась в эту клоаку словно по чьему-то зову. Есть легенда, что все слоны идут умирать на одно, слоновье, кладбище. Так вот, мне показалось, что она как будто бежала на такое подобие слоновьего кладбища.

— Тимур, а ты случайно не чувствовал этого, ну, скажем, зова? На который шел морф? — спросила Клава.

— Нет, к сожалению. Ты знаешь, Клава, я в том состоянии обычно на одних ощущениях живу и, наверное, почувствовал бы. Но, видимо, это было что-то, что слышат не все.

— Да, не очень много... — удрученно сказал Вадим. — Но с другой стороны, мы знаем что-то, чего не знают энампы.

— Ты о...

— Да, мы знаем, куда идут морфы, куда их несут их уродливые черти. Ведь знай вампиры, куда бежит Эльза, они бы не стали устраивать слежку.

— Ну, считаем, что мы теперь на шаг впереди них, — сказала Клава. — Хотя мне кажется, что это место надо очень тщательно изучить.

— Клава, мне кажется, что этим должны заняться вы с Тимуром, — сказал Малахов. — Нет возражений?

— Да какие возражения? Только вот что. — Клава на секунду замолчала. — Если вампиры узнают об этом месте, то... ну, ты понял. Надо взять под контроль всех сталкеров, чтобы мы не пропустили появление нового морфа.

— Сколько их вообще в Москве есть? — Вадим спросил словно сам у себя.

— Я могу выяснить, — отозвался Герман. — Секундочку. Я с твоего компа, да? А то эти планшеты не очень удобные.

Он подошел к письменному столу Вадима и стал набирать на клавиатуре команды.

— У меня там пароль, учти, — попытался остановить его Малахов.

— Ну, Вадим, не смей, — не отрываясь от монитора, ответил Тельбиз. — Ага, всего восемь человек осталось. А за последний год выбыло пятнадцать. Все неестественной смертью. Причем от алкоголизма только трое.

— Ну, значит, не так сложно с ними поработать, как вы считаете? — Малахов почему-то смотрел на Байкалова.

— А почему сразу я? — всполошился Дмитрий.

— Ты и Гера, — сказал Малахов и поднялся, давая знать, что разговор окончен.

Потом, для того чтобы закончить совещание не так формально, Байкалов предложил выпить виски, который ему принес один из клиентов. Что за клиент и какие клиенты могли быть у Байкалова в Центре, никто не стал выяснять. Но от спиртного не отказались, закончив рабочий день на мажорной ноте.

Глава восемнадцатая

— О, Вадим! — Вероника первая окликнула Малахова в коридоре. — Как дела, как самолет?

Вадим не сразу сообразил.

— Ка... какой самолет? — растерянно переспросил он.

— Ну вот, кажется, подарок был вручен и забыт, — засмеялась Вероника.

— А, модель! — Малахов хлопнул ладонью себя по лбу! — Извини, я совсем не о том думал. Да, знаешь, мы в тот же день стали его собирать... Ну, в общем, там все на защелках, защелкнули не в том порядке... В общем, я думаю, можно сломанное крыло склеить? Ведь клеи сейчас хорошие.

— А сыну понравилось?

— Ну, он внимательно смотрел, как я собираю модель, — не очень уверенно ответил Малахов.

Он помолчал, но потом решился и сказал:

— Да ты знаешь, Вероника, сломали мы к черту тот самолет. А потом от тебя пришел мейл с общими чертежами. В общем, Андрей хочет теперь только настоящую модель собирать. И ждет от тебя всех полных чертежей и инструкций. А та, китайская, уже давно отставлена в сторону.

— Я, конечно, отсканирую остальное, но... Нет, там много возни, я оригиналы отдам. Мне-то они уже ни к чему. — Вероника на секунду задумалась. — А хочешь, я найду у себя подшивку журнала «Моделист-конструктор»? Но не нынешнего, а совсем старого. Когда модели делали не из китайских наборов, а из фанеры и бальзы. Хочешь? Пусть сын почитает, может, ему понравится. Там, кстати, не только самолеты. Там и машины, и корабли.

— Принеси. Наверное, Андрюшке будет интересно, ему нравятся старые журналы. Он «Науку и жизнь» нашел у матери, она выписывала лет тридцать назад, так пока не просмотрел всю сотню журналов, не успокоился. Кроссворды с картинками разгадывал. Ну, понятно, и чертежи. Он рвется в бой!

— У матери? — удивленно переспросила Вероника.

— Нет, у моей матери! У бабушки. — Вадим почувствовал, что оправдывается, и смутился.

— Хорошо, я пороюсь дома, точно была подшивка, и принесу вместе с чертежами. Может, прямо ему? Я в почтовый ящик положу.

— Положи, если не трудно. Дом ты видела, а квартира шестьдесят четвертая.

— Договорились. Я побегу, там что-то начальство хочет от меня. — Вероника, улыбнувшись, стремительно зашагала по коридору.

Вечером Малахов неожиданно, словно что-то подтолкнуло его, решил навестить сына, несмотря на рабочий день, усталость и головную боль. Андрей оказался дома один, бабушка ушла в магазин. Сын очень обрадовался, стал рассказывать о том, какая классная компания собралась у них во дворе. Они уже организовали свою команду и решили, как только выпадет снег, построить крепость. Даже начертили план и спрятали его в тайнике, который соорудили в неработающей водопроводной трубе. А вот в школе было не все так радужно, хоть с учебой и все в порядке, тот самый пацан, Стасик, собрал шоблу против него и задирает. Но пока ничего, просто гадости говорят. А вот с моделью не очень получается. Оказывается, Андрей уже попробовал склеить так неудачно треснувшее крыло, и все плохо

кончилось. Бабушка очень ругалась, что ее любимая скатерть теперь вся в твердых кружочках от застывшего клея, да и слипшиеся пальцы два дня нельзя было разъединить. А крыло совсем не держится. Тут Вадим вспомнил о журналах Вероники и сказал:

— Андрюша, тут есть идея, один мой сотрудник, — почему-то Вадим не захотел сказать — сотрудница, — предложил дать почитать старые журналы о моделировании. Так вот в этих журналах рассказано, как строить настоящую модель и все детали самому делать, чтобы ничего не поломалось.

— Ух-ты. — Глаза мальчика загорелись. — А ведь если подумать, то можно и свой самолет придумать! Но вот ты говорил, что тебе уже готовые чертежи передадут.

— В общем, на днях тебе эти журналы в почтовый ящик положат, внизу в подъезде. И чертежи, конечно. Можно будет в журналах подробно вычитать, что и как делается, а детали построить по чертежам.

— А можно сегодня? — Андрею не терпелось начать строить модель немедленно.

— Ну, вряд ли сегодня. Я не уверен, что этот человек все так быстро сделает. Вот ты еще послушай, я на выходные пригласил к нам домой дизайнера, который будет заниматься ремонтом. Мы должны обсудить проект. Я думаю, надо, чтобы и ты тоже там был. Ведь ты же сам должен решить, какой будет твоя комната.

— А как ремонт сделаем, можно будет уже к тебе переезжать? — Глаза мальчика засияли.

— Ну, я думаю, да, — с удовольствием ответил Вадим.

Тут их разговор прервал звук открывающейся двери.

— Бабушка пришла, — сказал Андрей.

— О, Вадим, ты тут! Это хорошо. — И кому-то другому: — Заходите, милочка. Вадим, я шпиона поймала. Странного такого. Он в наш ящик журналы запихивал, — продолжила бабушка.

— Ура! — Андрей сразу понял, о чем речь, и бросился в прихожую. Оттуда раздался его удивленный голос: — Ой, а вы не дядя.

Смущаясь, под энергичным сопровождением матери Вадима в комнату вошла Вероника.

— Я стала засовывать журналы и чертежи, а твоя мама меня поймала за этим делом. Вот пришлось прийти, я не знала, что ты тут.

— А папа сказала, что вы сотрудник. А вы сотрудница, — не унимался Андрей.

— Женщина тоже может сотрудником, — не очень уверенно ответил Вадим. — Мама, это моя коллега Вероника.

— Да мы уже познакомились. — Мать улыбнулась. — Я даже сказала, что меня Анна Ивановна зовут.

— А вы правда журналы про самолеты принесли? — не отставал Андрей. — И чертежи настоящие? Можно посмотреть?

— Да, конечно, это не совсем про самолеты, вернее, не только про самолеты, а вообще про всякие модели. — Вероника протянула толстую подшивку и рулон бумаги мальчику.

— А как можно было такое в наш почтовый ящик запихать? — удивился тот.

— Ну, я и сама не знаю, — ответила Вероника. — Я как-то не подумала.

— Ну и ладно, давайте ужинать. — Мать выразительно посмотрела на Вадима. — Ничего, что на кухне? А то мою любимую скатерть кто-то заляпал клеем. Эх, не хватает ребенку родительского присмотра.

Вадим прекрасно понял, что не в скатерти проблема, и слова о родительском присмотре предназначались Веронике, но смолчал, только сказав:

— Да, конечно. Вероника, давайте ужинать, мама у меня очень хорошо готовит.

— Ну, не подлизывайся, — ответила мать. — Сам у себя дома ничего, кроме бутербродов, не ешь небось, вот и нравится любая стряпня. Вы там, в вашей конторе, не следите за сотрудниками? Прямо сердце сжимается, как подумаю, как он питается.

— У нас очень хорошая столовая, там прекрасное меню, — ответила Вероника,

защищая Вадима.

— А по мне, лучше домашней пищи ничего нет. Пойдемте, у нас сегодня фаршированный перец. — Хозяйка решительно направилась на кухню.

Малахов подумал и, зная все заначки в доме, достал бутылку водки, спрятанную за чередой томов Большой Советской Энциклопедии.

— Ну вот, что ты удумал! — возмутилась Анна Ивановна. — Девушка подумает, что у нас семья алкоголиков.

— Да не беспокойтесь, я и водку буду, не страшно. — Вероника совершенно беззаботно отреагировала на бутылку. — У нас коллектив мужественный, и напитки тоже.

— Ну что ты стоишь! Разливай, раз принес, — мать поторопила Вадима. — А то перец остынет.

Фаршированный перец к тому времени уже был разложен по тарелкам. Вадим отметил, что мать достала старинный гэдээровский сервиз, который использовался только по праздникам.

— Так, давайте, я первый тост скажу. — Анна Ивановна подняла маленькую рюмочку. — За знакомство. А то за столько лет Вадим меня познакомил только с несколькими сотрудниками. А они все шалопаи. Будьте здоровы, Вероника.

Вероника легко, совершенно не жеманничая, опрокинула рюмку, моментально раскраснелась и принялась за еду.

Ужин прошел весело, Вероника смешно рассказывала о своем отделе, в основном там были женщины, которые изображали из себя секретных агентов. В отделе кадров, практически полностью женском коллективе, процветали интриги, конспирологические теории и невероятное количество самых невероятных слухов. От сплетен о сослуживцах до вероятных контактов с инопланетными агентами в стенах Центра. Для Малахова это было полной неожиданностью. Еще Вероника рассказала о том, как бывший шеф Центра проводил всякие тренинги и «тим-билдинги», чем разогнал последних сотрудников из старой гвардии. После ужина Вероника попыталась уйти, но Андрюша попросил ее рассказать о моделях и помочь выбрать ту, которую надо строить. Вадим решил не мешать и отправился на кухню помогать матери мыть посуду.

— Мама, давай я все-таки тебе посудомоечную машину куплю, зачем время тратить на такую ерунду? — сказал Вадим, с отвращением натирая губкой грязную тарелку.

— Зачем мне она? Ко мне что, часто гости приходят или сын с семьей навещает? — с напуском сожаления ответила мать.

— Ну, мам, ты же все понимаешь...

— Вот скоро ты внука у меня заберешь, и что я с этой посудомойкой делать буду? Я вообще бутербродами питаюсь, когда одна.

— Мама, это же вредно... — улыбнулся Вадим.

— Вредно, когда сын без матери растет и без отца, считай. Чем тебе Вероника не подходит? Посмотри, какой человек хороший!

— Мама, я не хочу говорить на эту тему... — резко ответил Малахов и отвернулся.

— Ох, что с тобой твоя Зона сделала, я даже и не знаю, что сказать...

Потом Вадим пошел провожать Веронику домой, они опять несколько раз прошли мимо перехода.

Над городом висел осенний морозящий дождь. Влага, которая, казалось, поглотила Москву, окружала фонари вдоль улицы призрачными ореолами. Пешеходы, не видя смысла в зонтиках, уныло брели по своим вечерним делам, кутаясь в поднятые воротники. Над миром царила поздняя осень.

— У нас это становится дурной привычкой — пропускать переходы на ту сторону, — улыбнулась Вероника. — Может, нам надо устраивать специальные моционы? Совместные прогулки укрепляют дружбу.

— Хозяина и его собаки, — мрачно пошутил Вадим. — Эта фраза именно так звучит.

— Да хоть как, — согласилась Вероника. — Только вот... сын твой просил ему помочь

начать делать модель... Я сказала, что все решает папа.

— Ну да, папа, — сказал Малахов и задумался, словно принимая какое-то решение. — Но разве я могу возражать? Я вообще раз в неделю тут бываю. Вот, правда, на следующие выходные я Андрея хочу к себе забрать — будем планировать ремонт квартиры. Как отремонтирую, он ко мне переедет.

— И мы перестанем встречаться?

— Ну, на работе-то мы видимся...

— А у тебя инструменты дома есть? Чтобы модель делать? Хотя бы лобзик, шкурка, пила? — Вероника переменяла тему, которая, Вадим это видел, для нее была не очень приятной. — Ведь если начинать работать, надо хотя бы минимальный набор иметь.

— Ну... Может, есть где-то. От отца остались.

— А отец?

— Он умер давно...

— Извини...

— Действительно давно. Инфаркт в сорок лет.

— Да ты уже старше него... — Вероника смотрела на Вадима так, словно пыталась угадать, как выглядел его отец.

— Ладно, Вероника, давай все-таки перейдем дорогу, завтра на работу, я сегодня устал как собака — разборки всякие были. Я вот думаю, может, мы после работы, ну, завтра или когда будет время, сходим... ну, поужинаем? — Вадим все-таки решил.

— Ты прекрасно знаешь, что я с удовольствием. — Вероника улыбнулась.

— Ну, тогда... давай завтра ближе к концу рабочего дня свяжемся, да? Ты же знаешь мой внутренний телефон?

— Я все твои телефоны знаю, не забывай, в каком отделе я работаю, — ответила Вероника.

— Использование служебного положения, — голосом прокурора произнес Вадим.

— В сугубо личных целях, не сомневайся.

Глава девятнадцатая

В полутемном кабинете Клава с Тимуром сидели перед компьютером, обсуждали детали и составляли план похода к подземной реке.

— Вот смотри, я думаю, нет смысла под землю лезть именно с устья. Ты можешь показать то место, где нашел Эльзу?

Клава развернула на весь экран карту. Экран у компьютера был сенсорный, и Тимур, проведя пальцем по картинке, переместил на центр монитора кусок карты с Москва-рекой и устьем Неглинки. Еще несколько простых движений — и поверх плана Москвы в этом месте появилась схема подземной реки.

— Сейчас, мне надо хорошенько вспомнить весь путь. — Тимур закрыл глаза. — Я, значит, вошел, скорее, вскочил в арку на набережной, потом шел прямо, потом я понял, что без еды долго не протяну...

— Сколько ответвлений ты встретил до этого момента? — Клава пыталась отследить по схеме путь Тимура.

— Да немного. Скорее всего я выбрался тут, возле Театрального проезда, и пошумел в «Тарасе Бульбе». Хорошо, хоть у них не только свинина была.

— А что, оборотням свинину нельзя? — засмеялась Клава. — Они мусульмане?

— Понимаешь, мой опыт с черныбыльскими кабанами показал, что потом быстро набираешь лишний вес, — совершенно серьезно ответил Тимур. — И вообще не забывай, что я казах и тоже могу быть мусульманином.

— Вот как у вас, вервольфов, все непросто. Хорошо, потом ты вернулся и как дальше шел?

— Да вот. — Тимур стал водить пальцем по карте тоннеля. — Вот тут прошел, а вот

тут... Нет, я не мог идти так долго до ближайшего коллектора или ответвления. Или я терял над собой контроль, что маловероятно, или тут должен быть еще один тоннель. Ну, я думаю, практика — критерий истины. Надо ехать, на месте разберемся. Только мне кажется, надо взять респираторы и какой-нибудь инструмент... Мне кажется, ту кучу трупов придется разобрать. А вообще почему мы этим должны заниматься? — риторически возмутился Тимур.

— Эх, работа такая... — вздохнула Клава. — Пошли в отдел снабжения за снарягой.

Отдел снабжения, или, как они себя любили называть, отдел материального обеспечения, располагался в дальнем крыле Центра на первом этаже. Никогда и никого не пускали дальше небольшого предбанника, где принимались заявки, и выдавалось под расписку необходимое оборудование. Вместе с Лазненко на должность начальника этого отдела вернулся и один из самых опытных сотрудников Центра прапорщик Цезарь Авдеевич Шкальный. Ветеран Афганской войны и Госагропрома, он знал назубок, что и где лежит у него на складах, и всегда следил, чтобы любая потребность сотрудников в матобеспечении была выполнена немедленно. Еще чему всегда поражались посетители склада, это энциклопедическим познаниям Шкального. Например, сегодня, когда Клава и Тимур пришли в отдел, они просто сообщили, что им нужно спелеологическое снаряжение, скорее даже диггерское.

Цезарь поморщился, задрал верхнюю губу до носа, как он обычно делал в минуты тяжких раздумий. Никогда кладовщик не спешил немедленно искать то, что у него просили. Ему обязательно нужно было время на размышление, часто сопровождаемое уничижительными комментариями. Вот и сейчас он, как всегда, был недоволен запросом.

— Диггер — это чуждое нам, — проворчал Цезарь Авдеевич. — Взяли моду по помойкам лазить. Раньше вообще никого не пускали в канализацию ввиду большой террористической опасности. А теперь...

— Так мы же по делу, — попыталась объяснить Клава.

— Ясно, что по делу, я же не вас имею в виду. Вы же небось лезете, потому что кто-то до вас туда слазил. Вот и приходится порядочным людям лезть в клоаки городские. Ладно, подождите немного, сейчас принесут...

Шкальный стал что-то выбирать в таблицах на мониторе своего компьютера, бормоча неразборчивые слова, скорее похожие на заклинания. Через пять минут пришел техник, катя перед собой тележку со снаряжением. Цезарь Авдеевич стал лично выдавать его, зачитывая список, который он распечатал на принтере.

— Значицо, так! Первое, фонарь фирмы «Феникс», две штуки, каждому, значит. Комплекты батареек. — Шкальный выложил на стол две коробки с фонарями и гору батареек. — Фонари самые лучшие, светодиодные, поэтому запасных лампочек не надо. Так, еще два фонаря «Флашлигхт», маленьких, запасных.

— «Флашлайт», наверное, — вставил Тимур.

— Ну, какая разница? Батарейки там установлены, проверяйте оборудование. — Цезарь Авдеевич внимательно проследил, чтобы все убедились в работоспособности техники.

— Так, следующее. Ножи, «Лезерман», две штуки, складные, — продолжил он.

— Одного хватит, — ответил Тимур, взяв в руки увесистый складник.

— Это почему один, а что, Клавдия Мироновна будет маникюром кирпичи ковырять, если понадобится? — удивился Шкальный.

— Нет, это ей как раз нож пойдет, а у меня свой есть.

— Ну, тогда распишись в отказе принять оборудование. — Цезарь Авдеевич протянул таблицу и ногтем подчеркнул место, где надо расписаться. — А то скажут, что я откаты требую от сотрудников. А мне этот нож совсем не нужен.

Хотя по виду начальника отдела материального обеспечения можно было сделать вывод, что ножики ему как раз очень нравились.

— Так, — продолжил он, — дальше, набор инструментов, один на группу, плоскогубцы, молоток специальный, гаечные ключи хромово-ванадиевые.

Клава и Тимур переглянулись, не понимая, зачем им нужны гаечные ключи, но набор приняли.

— Так, теперь аптечка, — продолжил Цезарь Авдеевич, — тут у нас вообще-то для таких целей предназначена обычная автомобильная, только вот что я думаю, я тебе еще пять лет назад выдавал гораздо лучшие аптечки, так что распишись, что эту не берешь, а я тебе выдам другую.

— Ну, в отношении аптечки я вполне вам доверяю, — согласился Тимур и расписался в таблице.

— Рюкзаки малые, две штуки, получите. Хорошие, говорят. Дальше, сменная рабочая одежда, я вам по три комплекта дам, согласны?

— Я думаю, хватит, — ответила Клава и взяла один из пакетов с одеждой. Это были стандартные одноразовые комбинезоны из пупырчатого белого материала. — Красота-то какая...

— Дальше, перчатки для грязных работ, по три комплекта.

— А почему по три? — поинтересовался Тимур.

— А ты что, в жизни перчаток не терял? — резонно заметил Цезарь Авдеевич. — Так, дозиметр индивидуальный, две штуки, газоанализатор, одна штука.

— Ох, боюсь, он там зашкаливать будет, там вонища, — сказал Тимур, разглядывая прибор.

— Метан, как ты знаешь, газ без цвета и запаха, его надо бояться, а не го... э... ну, в общем, обычной вони, — строго объяснил Шкальный и вернулся к своему списку. — Так вот, теперь. На случай наличия вредных газов вам положены противогазы, две штуки. Противогазы новой модели, способны улавливать практически все вредные вещества, какие могут быть в воздухе. Вот только не пойму, почему они оранжевые, что за мода такая...

— А можно три? — внезапно попросил Тимур.

— Вот противогаз ты точно не потеряешь, не беспокойся, — возразил Цезарь Авдеевич.

— Нет, я хочу такой Байкалову, нашему новому члену группы, дать. Мне кажется, ему такой цвет будет к лицу его «Ситроену».

— Он с вами идет? — строго, с подозрением спросил снабженец.

— Нет, но...

— Вот когда будет положено, тогда и выдам. Так, дальше комплект полиэтиленовых пакетов для сбора образцов. Это чтобы не пачкаться. Все, остальное у вас и так должно быть. Только не забудьте самого главного, что надо иметь в таких экспедициях.

— Чего?

— Мозги не забудьте, а то знаю вас... Потом полмира взорвете, пол-Москвы напугаете конем-людоедом и кремлевские звезды погасите!

— Это как обычно, — ответила Клава. — Спасибо, Цезарь Авдеевич.

— Да не за что, возвращайтесь целыми.

— Вот мужик дотошный, — восхитился Тимур, когда они вышли от снабженцев с ворохом снаряжения.

— Дотошный, точно, жаль теперь таких редко найдешь. А ты про аптечку, кстати, забыл!

— Ой, точно! — Тимур положил на пол свою ношу и вернулся назад.

Вернулся он через несколько минут, получив экспериментальную автоматическую аптечку с биоанализатором.

— Это новая разработка, — стал объяснять Тимур. — Я уже читал характеристики во внутренней рассылке. Если бы такая была у меня пять лет назад, то никакой вирус из Зоны меня бы не поймал.

— Я только думаю, что аптечку модернизировали именно после того, что с тобой случилось, да и вакцину получали из твоей крови.

— Ну, в общем-то да.

— Слушай, а не слишком ли серьезно мы для этого похода готовимся? Там дела на полчаса всего, — спросила Клава, окинув взглядом две большие горы снаряжения.

— Клава, поверь, ковыряться в трупах морфированных существ — это не самое простое и безопасное дело. Тем более что неизвестно, что мы там вообще найдем под этой смердящей кучей.

— Мне почему-то кажется, что это не только опасное и сложное дело! — назидательно ответила Клава. — Я почти уверена, это дело омерзительное и противное.

— Клава, только ты никому не говори. Я все-таки взял второй нож «Лезерман» и оставил его у Цезаря на ответственное хранение.

Подземная река встретила людей смрадом зловонного потока и приглушенным хлопаньем. Когда Клава и Тимур включили фонари, на секунду им показалось, что тысячи еле слышных шорохов затихли, словно подземные жители притаились, пытаясь понять, что за гости явились к ним и чего от них ждать. Но, выждав несколько мгновений, эти звуки, этот практически неслышный хор подземной реки вернулся.

— Сейчас вот Жужу встретим, — тихо, словно не желая нарушать стройную, почти музыкальную гармонию тоннеля, сказала Клава.

— Кого? — Тимур наморщил лоб, совершенно сбитый с толку.

— А есть легенда одна о призраке в этих местах, — объяснила она.

— Ну, рассказывай, а то как-то не страшно, адреналина не хватает. — Тимур посветил себе на лицо фонариком снизу, оскалился и вытаращил глаза, изобразив страшного призрака.

— В тысяча девятьсот пятом году едет как-то по Москве в карете любовница Саввы Морозова и слышит, мальчишка-газетчик орет: «Сенсация, в Ницце застрелился магнат Морозов!». Жужу, так ее звали, сразу закричала: «Garçon, s'arrête tu!»,¹ выскочила из кареты и к пацаненку этому. А тут другой экипаж летел навстречу и красавицу Жужу просто в кашу смял. Жужу еще была живая, когда ее карета «скорой помощи» забирала. Так вот, наутро в подворотне возле Кузнецкого моста нашли того мальчишку задушенным. А задушили его шелковым чулком той самой Жужу, которая уже в морге лежала. Вот с тех пор она в виде призрака и ходит по этим местам... — Клава понизила голос, и последние слова под сводами тоннеля прозвучали уж очень зловеще.

— Кошмар, — прошептал Тимур. — Что, так в одном чулке и ходит?

— Да ну тебя, Рымжанов, — засмеялась Клава. — Ты любую романтику своим цинизмом разрушишь.

— Мне тут не романтика нужна, я просто хочу свой второй заход в эту канализацию сделать последним. Мне здесь не нравится! — ответил Тимур уже без тени иронии.

Фонари хоть и освещали тоннель, но их узконаправленные лучи делали подземный мир еще тревожнее и таинственнее. Тимуру это очень не нравилось, он достал из одного из многочисленных карманов разгрузки фальшфейер и, активировав его, бросил позади себя.

— Пусть подсвечивает, а то слишком на фильм ужасов смахивает.

Своды подземной реки сразу, словно того и ждали, заполнились дымом, свет от фонаря сократил свой путь, уперся в стену дыма и осветил только пространство на три метра вперед.

— Не самая лучшая идея, — пробурчала Клава, но делать было нечего.

Они шли вдоль однообразной череды кирпичной кладки в сопровождении крысиного писка и журчания воды, пока наконец Тимур не остановился.

— Тут, рядом, — сказал он, — я узнаю.

И вправду, в стене тоннеля уже виднелся пролом, соединявший подземное русло реки с каким-то более древним ходом.

Сцена, которая предстала перед Тимуром и Клавой, когда они приблизились к проему, была отвратительной. Сотни, если не тысячи крыс копошились над кучей гниющей плоти.

¹ Мальчик, стой! (фр.)

Вонь каким-то таинственным образом не распространялась за пределы этого каменного аппендикса и от этого становилась в миллионы раз сильнее. Борясь с накотившейся тошнотой, люди надели противогазы.

— Ну и хрень, — только и смогла произнести Клава. Голос из противогаза был искаженный и не очень разборчивый. — По-моему, идея самым разгребать этот завал была не самой удачной.

— Я сейчас их шугану, — сказал Тимур так же гнусаво, и второй фальшфейер полетел в скопище крыс. Эффект был практически нулевым. Крысы нехотя расступились, но к запахам тлена добавился тяжелый обертон горящего мяса, пробивающийся даже сквозь фильтры противогаза.

— Тёма, сегодня явно не твой день, — буркнула Клава через мембрану маски.

Поморщившись, она перехватила из-за спины складной багор и стала, не обращая внимания на наглых грызунов, ворошить тухлую мешанину разлагающейся плоти.

— Ну и работенка. Теперь наша служба даже не в говне ковыряться, а в чем-то худшем? — Клаве очень не нравилось то, что она делала. — Ты мне хоть примерно можешь сказать, что мы тут ищем?

— Ну, судя по локализации трупов, они все стремились как можно ближе подойти к самому центру этой кучи, — философски заметил Тимур.

Потом он все-таки сжалился над Клавой, забрал у нее багор и, чавкая по гнили подошвами резиновых сапог, стал решительно разгребать сочащийся холмик из трупов.

Казалось, конца не будет этой каше из разлагающихся тканей и костей, которые переплелись причудливой головоломкой. Багор чавкал и скользил по гниющему субстрату, время от времени взбухавшему под напором трупного газа.

— Чтобы эти твари на том свете такое делали, — выругался Тимур.

Но тут к привычной гамме звуков прибавился еще один, совершенно диссонирующий. Сразу стало понятно — по тоннелю кто-то бежит, хлюпая ногами по воде, скрежеща когтями по кирпичу, дыша, как сотня загнанных лошадей. Рымжанов, не медля, отбросил багор и выхватил из кобуры пистолет.

— Тимур, только стреляй не сразу. — Клава не отрываясь вглядывалась во тьму тоннеля.

— Тссс, — ответил Тимур.

Словно с экрана кинотеатра, погруженного в черноту сеанса, из тоннеля на освещенный фонарями пяточок выскочило чудовище. Зверь, еще полный сил и напора, хлестал по бокам членистым хвостом и тихо порывивал. Животное не ожидало увидеть здесь людей, мало того, люди для него были мелким, неважным препятствием на пути к главной, одному ему известной цели. Не глядя на Клаву, оно легко оттолкнулось задними лапами от кирпичной стены и, описав дугу, приземлилось на куче разлагающихся трупов. Как кот в лотке, морф стал нервно разгребать мокнущее скопление трупов, словно пытаясь докопаться до спрятанного где-то в глубине клада. Ошметки гнили разлетались по галерее, попадали на стены, на людей, на разбегающихся в страхе крыс.

— Тимур, что мы с ним делать будем? — тихо спросила Клава, отступив в сторону и став рядом с Рымжановым. — Он слишком шустрый.

— Сейчас. — Тимур, как укротитель в клетке львов, осторожно, не спуская глаз со зверя, шагнул навстречу морфу. — Клава, если вдруг что...

— Да, конечно, письмо на родину, орден в приказе, — прошептала Клава.

Но тварь не обращала внимания на человека, как кот не обращает внимания на тухлую пищу. Она просто разгребала гору трупов, время от времени встряхивая лапами, испачканными вонючей слизью.

— Тимур, вернись, это бессмысленно, это, в конце концов, всего лишь очередной морф, который сдохнет через несколько минут, как и все предыдущие. — Клава даже схватила Тимура за рукав комбинезона, но безрезультатно.

— А если не сдохнет? — Рымжанов не послушал и сделал шаг к чудовищу.

Морф наконец почувствовал, что от человека может исходить опасность, и обернулся. Реакция его была молниеносна, он прыгнул на Тимура, казалось, совсем не напрягая мышц. Рымжанов успел только в невероятном кульбите уйти в сторону. Зверь, не окончив своего прыжка, дернулся и упал на камень. Выстрел Клавы был точным, и Тимур даже не понадобилось вмешиваться.

— Ну вот, а говорили, чтобы мы пореже стреляли в городе, — с иронией произнес Тимур. — Тут и шага не сделаешь без стрельбы.

Но тут, казалось, уже мертвое чудовище дернулось и открыло глаза... Уже ослабевшие когти на передних лапах заскребли по кирпичу. Умиравший морф стал издавать какие-то членораздельные звуки.

— Он, кажется, что-то хочет нам сказать, — дрогнувшим голосом сказала Клава. — Он что, разумный?

— Не знаю... — прошипел Рымжанов и сделал два осторожных шага к агонизирующему морфу.

Зверь, собрав последние силы и последние остатки разума, прохрипел:

— Зовет... — и, дернувшись, затих.

— Вот же блин, — только и смог сказать Тимур.

— Что его зовет или кто? — Клава посмотрела на Тимура, словно ждала от него ответа.

— Не знаю, но очевидно, что они все сюда несутся не просто так, это понятно. Может, оно и рыло для того, чтобы приблизиться к источнику этого самого зова? — Тимур даже повторил рукой роющее движение морфа.

— Ну, идем, посмотрим, что оно нарыло. — Клава решительно пошла к развороченной горе трупов. — Хотя я почти уверена, будь здесь какой-то сигнал вроде психотронного луча, я бы давно почувствовала, я все-таки тренировалась на это.

— Я ничего не понимаю. Почему оно чувствовало, а я нет? — Тимур двинулся вслед за Клавдией.

Морф разрыл яму до самого основания, до каменной кладки. Ничего особенного там не было. Кирпичи, уложенные сотни лет назад, были испещрены глубокими бороздами, словно кто-то пытался их разломать. Известка в щелях была пропитана субстратом и выглядела черной и несокрушимой на фоне красной глины кладки.

— Да, считай, дерьма наелись на шару, — сказал Тимур и, сдернув респиратор, в сердцах плюнул на разрытое место.

— Пошли отсюда, миссия окончена. — Клава еще раз осветила фонариком своды тоннеля и повернулась к выходу. — Я не уверена, что мы сходили зря, конечно. Что-то глубоко в подсознании мне говорит, что решение совсем рядом. Что-то не так в этом аппендиксе, не могу понять, что. Давай мы еще раз потом вернемся, надо взять побольше аппаратуры, проверить на наличие полей и излучений. И надо Геру взять с собой.

— А что нам еще делать? — Тимур пошел следом за Клавой.

Выбраться из тоннеля удалось без каких-либо приключений.

Глава двадцатая

Герман не верил в то, что прямые контакты со сталкерами как-то помогут в их деле, поэтому на первую встречу он пошел без всякого энтузиазма, предоставив Байкалову главную роль. Решено было сначала зайти в гости к сталкеру Зубилу, по паспорту Тимофею Ковальскому. Он совсем недавно вернулся из Зоны, честно прошел социальную адаптацию, включая чипирование, и сейчас вел скромную жизнь мелкого предпринимателя в сфере поставки йогуртов в одну из сетей супермаркетов. Судя по документам, которые нашлись в сети, на этом бизнесе Зубило разбогател, совершенно случайно заключив договор с поставщиком «Тибуртин», малоизвестным и практически неизвестным на рынке. Но уже после того, как Зубило заключил эксклюзивный договор, выяснилось, что этот йогурт — действительно уникален, и заказы на поставки посыпались как из рога изобилия. С учетом

того, что Зубило никогда в жизни йогуртов не ел, смутно представлял, что это такое, а в поставках и логистике вообще был дуб дубом, ему повезло невероятно. Первые доходы позволили нанять эффективных менеджеров и расторопный персонал. И вот уже, сам того не ожидая, Зубило стал владельцем контрольного пакета акций «Тибуртина» и весьма преуспевающим человеком. Но, кроме того, Ковальский вел весьма скромный, хоть и респектабельный образ жизни и совершенно не привлекал к себе внимание ни криминала, ни властей.

Отследив по чипу, что Зубило сейчас у себя дома, Герман и Дмитрий отправились к нему. Учитывая, что Клава и Тимур были в командировке, как объяснил Малахов, пришлось взять служебную машину Центра. Потолкавшись в пробках, отразив все попытки водителя выпытать, что за дело ведет группа, они к обеду добрались наконец до жилья Зубила. Дом добротной сталинской постройки занимал целый квартал. Машина с трудом протиснулась сквозь арку во двор, уставленный автомобилями жильцов. Типичный московский двор с отгороженной сеткой спортивной площадкой, облетевшими ясенями и кучкой бомжей у мусорных баков был спокоен и тих. Вадим хотел набрать код вызова на домофоне, но Герман остановил его. Открыть домофон для Геры было и делом чести, и развлечением, и вот уже Байкалов звонил в дверь Ковальского. Никто не открывал.

— Ушел? — Дмитрий глянул на Германа.

— Да нет, по всем данным он здесь. Выход его чипа за территорию дома не зафиксирован. — Тельбиз перепроверил данные на планшете.

— Ой, блин! — Байкалов увидел, что входная дверь не заперта, вернее, замок на двери выломан.

— Есть кто-нибудь? — заорал в открытую дверь Дмитрий. — Все в порядке?

Никто не отзывался, и Герман с Баем, достав оружие, осторожно вошли в квартиру. Внутри наблюдались следы погрома. Перевернутая мебель, выпотрошенный диван, ключья разорванной бумаги, разбитая бутылка водки.

— Тут что, обыск с пристрастием был? — Герман ногой разгреб битое стекло на полу, чтобы не пораниться.

— Главное, крови нигде нет, это вселяет надежду. — Байкалов внимательно осматривал разрушенный интерьер. — Хотя могли сожрать и целиком, они такие.

В это время раздался грохот — он доносился из комнаты, которая скорее всего была спальней. Вернее, с балкона, выход на который был в спальне. Там стоял человек и лупил кулаком в стеклопакет. Герман открыл накрепко закрытую дверь на балкон и впустил в квартиру посиневшего, трясущегося от холода мужчину.

— Вы кто? То есть спасибо, что выпустили. — Спасенный был сильно возбужден и сильно замерз. На нем были одни семейные трусы и майка, что никак не могло его защитить от осеннего промозглого холода.

— Мы вот. — Герман показал удостоверение ФСБ, которые сотрудникам Центра выдавали на случай необходимости. — А вы кто?

— Ну, я Ковальский, живу я тут... — Мужчина постепенно приходил в себя. — А можно я оденусь, а то...

— Конечно-конечно. — Тельбиз отступил от шкафа, который заслонял спиной.

Ковальский долго рылся, в конце концов нашел спортивные штаны с вздутыми коленками и теплую рубашку.

— Ну, идемте в зал, там поговорим. — Сталкер показал рукой на дверь.

Но в зале, как он назвал гостиную, Ковальский не смог сдержать эмоций.

— Ах, скотина, это же надо такое! — Он беспомощно развел руками. — Ведь все, сволочь, разнес!

— Кто разнес, расскажите. — Байкалов подобрал упавший стул и сел на него. Стул, видимо, надломанный в драке, немедленно под ним рухнул.

— Ой, не зашибитесь, товарищ, я лучше табуретки из кухни принесу.

Сталкер рванулся на кухню и немедленно вернулся оттуда с двумя табуретками. Потом

сразу же, не говоря ни слова, опять скрылся на кухне. Вернулся он с бутылкой водки в одной руке и сложенными стопкой стаканами — в другой.

— Мне надо выпить, стресс снять, вы не возражаете? Я так думаю, если при исполнении, то по чуть-чуть можно, да? — немного заискивая перед гостями, спросил Зубило, расставляя на полу стаканы. Журнальный столик был без одной ножки и уныло лежал на боку.

Байкалов и Тельбиз переглянулись. Понятно, что для того чтобы завязался доверительный разговор, необходимо наладить с объектом близкий контакт. А водка у сталкера оказалась очень неплохой.

— Короче, я расскажу, что было, я так понимаю, что вы по этому поводу пришли. — Зубило первый начал говорить, лицо его покраснелось от спиртного, и стало заметно, что его уже отпускает холод и воспоминания недавних событий. — Приехал ко мне мой бухгалтер, Завадский, я не люблю в офисе сидеть, так что он сейчас каждый день ко мне домой ездит, какие-то терки с налоговой, так, ерунда. Ну, сидим мы с ним, разговариваем, и вдруг, я вижу, он начинает лицом темнеть. Словно заболел. Ну а потом... Я даже в Зоне такого не видел. Лицо вытянулось, уже не лицо, а морда с клыками. Вместо рук пальцы когтистые и хвост такой, как у крысы, только толщиной с докторскую колбасу. И так отскочил от стола и начинает лапами паркет царапать, словно на меня хочет прыгнуть. Ну, я в общем-то всякое видел и не стал геройствовать. Он меня хотел схватить, но я вырвался, этот гад с меня штаны содрал. — Ковальский огляделся и показал пальцем на разорванные в ключья брюки на полу. — Рванул от него, он за мной в спальню. Я — на балкон, дверь прикрыл, а оно, я уже не могу даже сказать, что это он, «оно» и все, лапой по ручке шарах — и случайно заперло меня на балконе. Попыталось стекло разбить, потом завыло и деру... И все.

— Везучий вы, — сказал Байкалов. — Другим сталкерам в таких ситуациях не очень везло.

— А что это было? — Зубило снова разлил водку. — Вы что, про такое слышали?

— Мы как раз хотели предупредить вас о возможности такого. — Герман взял в руки стакан, но пить не спешил.

— Не успели, — опрокинул стакан сталкер. — Я не запомнил ваше имя из корочек, вы...

— Герман Тельбиз, — представился Гера. — А это мой коллега Дмитрий Байкалов.

Сталкер застыл со стаканом в руке.

— Таки достал ты меня. И ловко как...

— Ты о чем? — Байкалов недоуменно посмотрел на Зубило.

— Я что, не знаю, кто такой Байкалов? Убийца сталкеров, охотник за головами. — Ковальский хоть и был невероятно напуган, но осматривался, готовясь к побегу или к последней битве.

— А, ты об этом! — Байкалов усмехнулся. — Меньше сказкам верь. Сталкеров в Зоне как раз убивали те, о ком мы хотим с тобой поговорить. Расслабься и глупости не думай.

— Слушай, я не знаю, тот ли ты Байкалов или не тот, но в Зоне я о тебе и твоих художествах наслышан. Как ты у невинных сталкеров кровь пил, как консультантов убивал... — не успокаивался Тимофей. — И что мне прикажешь сейчас делать?

— Ну, неужели после того, как за тобой морф гонялся, тебе все еще страшен я, простой человек? — Байкалов взял у сталкера водку и налил в его стакан двойную порцию. — И еще, ты всегда веришь слухам?

— Я не верю слухам! — гордо отозвался Зубило.

— Ага, а кровожадного Байкалова сам видел? И я сейчас что, убиваю тебя?

— Нет пока... — не очень уверенно ответил сталкер.

— Так, — Герману надоел этот бессмысленный разговор, — давайте о деле. А вам, товарищ Ковальский, я так скажу — товарищ Байкалов такой же сотрудник органов, как и я. И мы уполномочены на проведение с вами определенной работы. Пока вам предлагается

добровольно сотрудничать. Вы готовы?

— Конечно, готов, — немедленно согласился Зубило.

— Тогда послушайте. Мы с большой степенью уверенности можем сказать, что в ближайшее время с вами могут связаться представители некой тайной организации. Я не знаю, что они будут от вас требовать, что предлагать, но их цель — проследить появление морфа. Именно того чудовища, которое сегодня тут все крушило.

— А оно что, опять может? — испуганно спросил сталкер.

— Есть мнение, — многозначительно сказал Дмитрий, — что появление морфов, так мы называем этих чудовищ, если ты еще не понял, каким-то образом происходит только в присутствии сталкера, и морфируют люди, которые сами до этого долго общались со сталкерами. Вот недавно любовница у одного такой фортель выкинула...

— Да это же просто бухгалтер, — переполошился Зубило.

— Успокойся, никто тебя в нетрадиционной ориентации не обвиняет, — поморщился Бай. — Ты готов с нами сотрудничать?

— Да, конечно, — кивнул Тимофей. — Я же уже сказал. Я всегда готов с властями сотрудничать.

— Тогда, если такие визитеры или визитер у тебя появятся, немедленно сообщи нам и постарайся сделать так, чтобы ты смог встретиться с ним еще раз. Хорошо?

— А как с вами связаться? — с готовностью спросил сталкер.

— Вызовешь такси на Дубровку, — мрачно произнес Байкалов.

— Ну, это в крайнем случае. Вот вам пейджер. — Герман достал из кармана маленькую коробочку с единственной кнопкой. — Нажмете, и мы немедленно будем у вас. Договорились?

Ковальский молча кивнул в знак согласия и печально посмотрел на допитую бутылку.

— Мне вот теперь тут мебель чинить не перечинить, — печально сказал он.

— Слушай, Зубило, не жмись! Купи новую. Зачем тебе столько денег, а? — сердито сказал Бай.

— А зачем достатком сверкать? — испугался Ковальский.

— А сожри тебя сегодня морф, бухгалтер твой, ты бы что делал? С собой забрал бы свои бабки? — грубо спросил Байкалов.

— Бухгалтер меня может сожрать в любую минуту и без того, чтобы превращаться в зубастую тварь, — совершенно серьезно ответил Зубило. — Я особенно и не удивляюсь, что он в такое превратился. Проявил, так сказать, внутреннюю сущность.

— Ну, так и не скупись, купи новый столик, а то водку на полу пить — это просто издевательство. Тем более что нового морфа ждать скоро не придется. Только ты визитерам, если будут, не говори, что случилось.

Сталкер жестом показал, что его рот закрыт на замок и ключ выброшен за океан.

— Вот же народ эти сталкеры, — не выдержал Бай, когда они вышли на улицу из дома, где жил Ковальский. — Понтов немерено, способностей ноль, ловцы удачи, и все... А как копнешь — за душой ничего.

— Да ладно, ты что сегодня такой взведенный, словно обидеться на кого-то хочешь. — Герман не был настроен так радикально. — Считай, миссию мы выполнили, человека почти спасли, опять же факт морфирования зарегистрировали. И главное — есть свидетель.

— Скорее провокатор. Провокатор появления морфов.

— Да, пусть провокатор, но живой. Так что день прожит не зря. Тут уже телефон мне эсэмэсками закидали — там наши вернулись из подземелий. Может, что-то новое расскажут, поехали.

Водитель сначала стал свиреп, с чувством глубокой зависти принюхиваться к запаху водки, но потом понял, что подробностей ему не расскажут, мрачно уставился на дорогу и до самого Центра не проронил ни слова.

В Центре к этому времени ждали только Германа с Баем, остальные уже были на месте. На собрание группы пришел Лазненко — в хорошем расположении духа. Ремонт здания

Центра подходил к концу, удалось даже восстановить деревянные панели на стенах в коридорах, которые предыдущее руководство заменило на гипсокартон и фривольные обои. Генерал уже чувствовал, что скоро забудет о проклятом ремонте, о работе завхоза, которую он вынужден сейчас исполнять.

Глава двадцать первая

— Ну что, Малахов, что натворили за сегодня? — Лазненко поудобнее устроился в кресле, которое обычно занимал Вадим, и вопросительно глянул на остальных.

— Ну почему сразу натворили? — улыбнулся Малахов, прекрасно понимая настроение шефа.

— Ну а кто стрельбу под землей устроил? Думаешь, что мне не докладывают? Такая уж ситуация с нашим Центром сложилась, что у нас любой подземный стук сразу отзывается. — Лазненко постучал костяшками пальцев по столу.

— Разрешите пояснить. — Клава подняла руку, как школьница на уроке. Она знала, что Лазненко к ней благоволит, и поэтому решила вмешаться в разговор.

— Давай, поясни, а то я уже устал от этих боевиков. От них ничего внятного, пока они пальбу не устроят, услышать невозможно.

— Николай Петрович, мы исследовали то место, куда все морфы сбегаются, их, так сказать, кладбище слонов, и вот именно там произошло столкновение с еще одним морфом. Невозможно было не применить оружие. Я думаю, вы бы больше расстроились, если бы мы не открыли стрельбу, а остались там, под землей, навсегда? — хитро глянула на начальника Клава.

— Может, и расстроился бы, именно из-за вас, Клава, лично, но с того момента хоть спать бы стал спокойно. — Лазненко уже улыбался, и было совершенно ясно, что он не собирался делать разнос. — Но, если серьезно, новый морф — это, я так понимаю, новый мертвый сталкер? Или как?

— Не совсем так, — добавил Байкалов. — Сталкеру Зубиле, а я уверен, что это его морф, повезло. Впрочем, ему всегда везло. Он остался жив. И готов с нами сотрудничать.

— Ну, хоть что-то, — кивнул Лазненко. — А ваши поиски под землей к чему-нибудь привели?

— Практически ни к чему, — покачал головой Тимур. — Да, эти твари несутся в одно и то же место, мы даже видели, как одна ковыряла пол, словно пыталась что-то найти.

— И ничего? — Николай Петрович задал риторический вопрос, прекрасно понимая, что ничего не нашли.

— Я не знаю, мы, конечно, ничего не нашли, но у меня остался какой-то осадочек, — ответила Клава. — Нехороший. Словно я видела что-то и не обратила внимания. Я думаю, надо провести там серьезные исследования и уже не просто прийти посмотреть, а с аппаратурой. Серьезной.

— Это пусть Вадим решает, — генерал кивнул в сторону Малахова. — Ладно, вы тут разбирайтесь дальше и держите меня в курсе дела. Через пару дней жду письменный отчет, понятно? Мне же надо выше докладывать.

Лазненко показал пальцем в потолок, намекая, что у него тоже есть свое начальство — там, на самом верху. Потом он медленно, с неохотой поднялся из кресла, словно ему было жалко уходить, и молча, не прощаясь, вышел из кабинета.

— Ну, что, теперь поговорим наедине, без шефа. — Вадим дождался, пока за Лазненко закроется дверь. — Гера, а что у тебя с корреляциями? Удалось найти хоть что-то? Хоть кого-то, кто вертелся возле сталкеров, чтобы узнать про тех дурачков на набережной?

Тельбиз стал перекидывать лежащие перед ним листки с заметками, словно ища в них ответ, потом вздохнул и произнес:

— А что тут скажешь, комп пашет на полную мощность. Я думаю, пару дней, и я смогу что-нибудь выдать. Пока приходится брать очень большое число событий, и особого

перекрытия не видно. Ведь мне из сотен тысяч надо два-три человека.

— Ладно, подождем пару дней. — Вадим кивнул. — А теперь, Клава, Тимур, давайте разбираться. Ведь вы сами понимаете: если что-то вас неуловимо беспокоит, значит, это что-то присутствует. Мы же материалисты?

— О да! — с восторгом вставил Байкалов. — Я вспомнил о материализме в тот момент, когда ты в «воронке» летел навстречу смерти.

— Ну не прилетел же? — сердито ответил Малахов. — И вообще, какое это имеет отношение к нынешним событиям?

— Так, мальчики, цыц! — громко остановила их Клава. — У меня такое впечатление, что у вас пар в мозгу зашкаливает, и вы готовы цапаться по любому поводу. Давайте о деле.

— Хорошо. Итак, давайте по порядку, мне очень интересно, откуда взялась мысль, что вы что-то упускаете. — Вадим произнес эту фразу медленно, разделяя слова.

— Я могу только сказать, что практически все было нормально, мало отличалось от обыденности последних лет. — Тимур улыбнулся на последних словах. — Идем в говнище, разгребая кровяную жижу, потом прилетает чудовище, что еще?

— Поэт, блин, — буркнул Бай. — Агния Барто.

— А как еще, как не поэтическим словом, описать то, что творилось? Поковырялась эта тварь среди трупов, пробурчала что-то вроде «зовет» и сдохла. Все банально. А потом что-то застряло зубочисткой между зубов и не отпускает. И Клаву тоже. А ты, Дима, чего такой нервный, будто беременный?

— Так, у нас тут что, детский сад, чат сталкеристов? Прекратите наезжать друг на друга. — Малахов похлопал в ладоши, пытаясь навести порядок. — Ну, давайте рассуждать, как бы ни возражал Байкалов, материалистически. На вас могло подействовать только одно — какое-то поле или что-то, что вы слышали или увидели.

— Здравия желаю, капитан очевидность, — буркнул Бай, у которого было плохое настроение и явно надолго.

— Еще раз ляпнешь — уснешь, — строго сказала Клава. — Просто уснешь и проснешься, только когда я скажу: «Байкалов — урод».

— Да ну вас, не исследовательская группа, а какие-то съемки фильма про паранормальные явления, — огрызнулся Дмитрий. — Гипнозы-шмипнозы, призраки...

Клава, не говоря ни слова, поднялась и легким щелчком стукнула Байкалова по макушке. Он рухнул как подкошенный.

— Клава, я знал, что ты можешь много, но вот так... — Малахов был потрясен.

— Я его уже давно запрограммировала. Мы же много общались. Гипноз — дело тонкое. Но собьет ему спесь.

— Может, не стоило? — вступился за Дмитрия Герман. — Он же ничего плохого не имел в виду.

— Ну, освежающий сон еще никому не вредил, — ответила Клава. — Давайте к делу.

— Так вот, — продолжил Вадим, покосившись на мирно спящего Бая. — Давайте по секундам восстановим, что же тогда было. Ваши восприятия, ощущения, даже самые незначительные шорохи тоннеля, которые вы слышали, что-то замеченное боковым зрением, давайте вспоминать.

— Да не было ничего, меня эта ситуация совсем взбесила. Почему морф как сумасшедший копал обычный кирпичный пол, нет, не пол, ну... основание тоннеля. Ведь там ничего не было. Я вот просто скис от непонимания.

— И?.. — подтолкнул его дальше Малахов.

— Что — и, плюнул и пошел, — ответил Тимур.

— Плюнул и пошел, — замирающим голосом повторила Клава.

— Что? — насторожился Вадим.

— Тимур, ты давно плевать научился не по прямой? — спросила Клава.

— В смысле? — не понял Рымжанов. — Оно всегда по дуге летит. По траектории, как говорят военные.

— Это если мы не в невесомости. А если на Земле, то по дуге, но ни в каком случае плевков не может лететь, выписывая кренделя. Я не помню, что там, парабола или гипербола, но никак не вихрь. — Глаза у Клавы засияли от неожиданной догадки.

— Тимур, ты что скажешь? — спросил Малахов.

— А что тут сказать? Я идиот, а Клава молодец.

— Тогда делаем вывод, простой как двери. — Вадим взял в руки карандаш и крутанул его пальцами левой руки так, что карандаш стал похож на расплывчатый диск. — Вы искали, что же действует на морфов, неужели не понятно теперь?

— Да, такого пируэта никто не мог ожидать. Гравитационная аномалия. Причем динамическая. — Герман сиял от такой грандиозной идеи. — Ведь это же...

— Так, Гера, спокойно, — остановил его Тимур. — В Зоне мы насмотрелись всякой гадости. И «трамплины», и «воронки». Все это одного поля ягоды. Надо теперь пойти туда и этот источник гравитационного переменного поля изъять.

— Подождите, а почему мы его не чувствуем? — Клава все еще сомневалась в своей собственной гипотезе.

— Да потому что мы вообще не чувствуем гравитацию как таковую. Мы чувствуем ее только потому, что нас давит и плющит притяжение Земли. А ведь это такое же поле, как и любое другое. Электромагнитную волну мы тоже не чувствуем, а простой детекторный приемник из куска проволоки и диода — чувствует. Так что не надо утверждать, что то, чего мы не чувствуем, — не существует.

— Ну, хорошо, а как мы найдем там, в тоннеле, этот источник, если мы его не чувствуем? Да и померить его нечем. Не брать же весы? Хотя можно. — Герман уже думал о чем-то своем. — Надо скоростные весы. В смысле очень быстродействующие. Так, ребята, я придумал! Я просто идиот, это же проще простого!

Тельбиз словно ребенок, решивший головоломку, забегал вокруг стола. Как будто пытался найти решение прямо здесь, в кабинете Вадима. Но, сделав пару кругов, он определился.

— Так, давайте через полчаса туда. Мне надо аппаратуру подготовить! — Он рванул прочь из кабинета Малахова.

— Вот же неугомонный, — усмехнулся Вадим. — А что нам с Баем делать?

— А, сейчас! — Клава еле сдерживала улыбку. — Байкалов, урод, вставай, пора в бой.

— Пора! — Бай вскочил, словно и не валялся сейчас мешком на темно-красном ковре, с которого только два часа назад убрали защитную пленку. — И что тут у нас?

— Поедем опять в тоннель, артефакт искать, — объяснила Клава. — Просыпайся!

— Я никогда не сплю, — гордо ответил Дмитрий и продолжил: — Но только одно прошу — не надо больше таких фокусов со мной. Думаете, я спал? Я лежал, как труп, не мог ни слова сказать, но все слышал.

— Ой, ну прости, зато теперь ты не сомневаешься в моих способностях!

— А я и не...

Герман притащил к машине большой картонный ящик и никому не разрешил его открыть. Вид у Тельбиза был невероятно таинственный и гордый. Малахов, зная, что если у Германа появилась идея и он хочет ею удивить, то лучше дожидаться того момента, когда он сам посчитает нужным показать свою задумку.

— Что у тебя в ящике? Блохи, которые будут в гравитационных завихрениях кекуок танцевать? — спросил Байкалов, не знакомый в достаточной степени с манерой работы Германа.

— Да, блохи. И если ты будешь шуметь, они бросят танцевать и выскочат на тебя, — совершенно серьезно ответил Герман. — У тебя начнется педикулез. Ты будешь пахнуть по-особому, и твою шинель придется вымораживать.

— Во-первых, сейчас от педикулеза есть лекарства. — Бай зачем-то ввязался в спор. — Во-вторых, у меня нет шинели, а в-третьих, нет у тебя никаких блох.

— А у тебя будут, — встрял Тимур. — Ты просто у нас тут совсем новый человек, не знаешь традиций. Тебя же даже в сотрудники Центра ритуально не приняли.

— Так, только не при мне, — строго сказала Клава. — Не надо мне больше этих ритуалов. А то помню того мальчика... Ты, Тима, промазал, а человек и ритуал не прошел, и без яиц остался. И сотрудника в группе хорошего лишили.

— А чего он дергался? Он что, не знал, что один раз — не... э... нетрадиционал?

— Вот я и говорю, без меня. Примите Бая в группу, потом я приду, мы это событие и обмоем.

— Так, прекратить! — рявкнул Малахов. — Почему вы разглашаете недокументированные традиции? И вообще мы же наручники не взяли, какой прием в группу?

— Клава, тормозни у секс-шопа, купим наручники, — спокойно сказал Герман.

— Я, конечно, могу тормознуть, но я предупредила — без меня.

— Ну, Клава, — протянул с сожалением Тимур. — Во-первых, без тебя это не так интересно, а во-вторых, что мы, кроме тебя, не найдем, к кому наручники пристегнуть? Да любая девушка с улицы за счастье сочтет!

— Я на ваши дурацкие шутки не ведусь, — гордо сказал Байкалов.

— Ну и не ведись, пойдя, расскажи Лазненко, что ты не прошел тест и традиционный обряд в группе.

— Пойду и скажу. Мне и без вас хорошо было. — Байкалов уставился на дорогу сквозь боковое окно.

— Да ладно, — примирительно сказала Клава. — Это они шутят.

— Я сразу понял, — спокойно ответил Дмитрий.

— Конечно, шутят. Чтобы Тимур — и поехал без наручников! Не бывает такого.

— Идите в жопу! — Бай не выдержал и закричал.

— Нет, до этого, я думаю, не дойдет, — ответил Малахов.

Байкалов сердито засопел, но замолчал и перестал спорить.

Добраться до подземелья оказалось проще простого, как всегда бывает, если путь проторен. Заранее припасенным средством удалось разогнать наглых крыс. Ультразвуковой генератор оказался и вправду действенным. Мерзкие грызуны с писком и шорохом скрылись в темноте подземного русла. С учетом опыта предыдущего похода Тимур раздал всем фильтры, которые просто вставлялись в нос и практически убирали зловоние, заполнившее подземелье.

— А вот теперь показываю! — Герман только сейчас, выдержав длинную, от самого Центра, паузу, открыл свою коробку.

В коробке лежал обычный басовый динамик с припаянными к нему проводами.

— Ты решил устроить дискотеку? — подал голос давно молчавший Байкалов.

— Нет, все проще. Если здесь есть источник переменного гравитационного поля, то он начнет раскачивать массивный магнит динамика. — Герман объяснял с энтузиазмом, гордый своим изобретением. — Теперь подключаем катушку к обычному осциллографу и смотрим.

Из нагрудного кармана жилетки-разгрузки Тельбиз достал портативный, не больше палма, осциллограф и подключил к нему провода от динамика. Стараясь не испачкаться об останки морфов, прошел к тому месту, где вчера, перед тем как погибнуть, чудовище разгребло гору трупов до самых кирпичей галереи.

— Вот смотрите, раз вы говорите, что оно рыло тут, — Герман посмотрел на Клаву, — то...

Он поставил динамик на камень диффузором вниз и стал выбирать режимы осциллографа.

— Ага, вот, что и требовалось доказать! — радостно сообщил Тельбиз через мгновение. — Смотрите!

По маленькому экрану шла полоса импульсов, чередующихся по длительности и скважности.

— А где гарантия, что это не электромагнитная наводка? — спросил Вадим.

— Спасибо за вопрос, — голосом докладчика на научном симпозиуме произнес Герман. — Для этого у меня есть вот что!

Из ящика была извлечена проволочная катушка, примерно такая же, как и в динамике. Когда ее подключили на место динамика, никакого сигнала, кроме обычного шума, не обнаружилось.

— То есть делаем вывод: сигнал у нас получается только за счет движения магнита. — Герман поднял вверх указательный палец.

— Но подожди, может, там, под камнем, какой-нибудь магнит, вот он и взаимодействует с динамиком. — Байкалов все время молча следил за Герой, но в конце концов не выдержал.

— И тебе, Дима, спасибо! — все так же, слегка утрируя, ответил Тельбиз. — Но ваш вопрос легко отражается следующим. Если там переменное электромагнитное поле, то оно, естественно, передалось бы и на катушку, чего мы не увидели. Представить, что там меняется только магнитное поле, я не могу, ибо мы все материалисты.

— Скорее научные фантасты, — заключила Клава. — Ну что, мальчики, ломаем кирпич?

— Только ради вас, — хохотнул Тимур и завел бензиновый перфоратор, который на всякий случай, предполагая, что он может пригодиться, притащили с собой.

Кирпич древней кладки был твердым, как гранит, сверло перфоратора все время елозило и застревало в узких щелях, заполненных известью, тоже с годами приобретшей твердость камня. В итоге первое отверстие прошло кирпич, и стало ясно, что под ним находится пустота. Сменяя друг друга, все — естественно, кроме Клавы — налегли на перфоратор. К смраду гниющего мяса явственно добавился бензиновый выхлоп — и то, и другое хоть немного, но пробивалось сквозь респираторы. Наконец удалось выбить достаточное число кирпичей, чтобы можно было посмотреть, что находится в тайнике. Тимур оказался расторопней всех, и вот уже в лучах фонарей он держал на ладони небольшую мерцающую под лучами пирамидку. Синеватый металлический отлив граней пирамидки делал ее совершенно нереальной, словно принесенной сюда из других миров.

— Знатная штучка. — Вадим взял в руки находку.

Он чувствовал, как пирамидка пульсировала в руках, словно внутри нее билось сердце.

— Так что, теперь морфы будут бежать к нам? — спросил Вадим, глядя на товарищей.

— Я думаю, не только морфы. — Байкалов протянул руку, и Малахов доверил ему пирамидку. — Морфы — это просто живцы, на которые энампы хотят поймать эту игрушку. Это же «Голос тьмы». Второй главный символ веры Ордена энампов.

— Настало время открыть охоту на живца и нам, — не то спросил, не то заключил Малахов.

Уже на поверхности Вадим связался с Лазненко, и долго с ним разговаривал, стоя чуть в стороне от УАЗа и своих товарищей. Пирамидка пока была надежно спрятана в багажнике УАЗа. «Сталкер» был готов отвезти ее подальше от русла Неглинки, где она пролежала неизвестно сколько сотен лет.

— Так. — Малахов окончил разговор и присоединился к своей группе. — Вы же понимаете, что тащить эту ерунду в Центр не очень разумно. Лазненко не хочет ставить под угрозу контору, еще не совсем оправившуюся после атаки террористов, или кто там был, поэтому нам выделили одно из загородных конспиративных помещений. Ну, на самом деле это домик в одном из дачных кооперативов, внешне домик, но в реальности — хорошо укрепленный объект.

— Дорогу покажешь? — тоном таксиста спросила Клава.

— Подожди, сейчас тебе на навигатор координаты скинут. В эфире решили это дело не озвучивать.

Действительно, через несколько секунд навигатор пискнул, подтвердив получение координат, и Клава быстро выяснила, куда им предстоит ехать.

— Ну, за часик управимся, — сказала она.

— Я только надеюсь, что за это время новых морфов не появится, а то неудобно как-то, — вставил Байкалов, устраиваясь на своем обычном месте сзади. — За нами тварь будет гоняться при всем честном народе, а мы и прибить-то ее легко и быстро не сможем. Красота.

Но удача была на стороне группы Малахова, и уже через час, поколесив по московским улицам среди пробок и правительственных кортежей, «Сталкер» въезжал мимо утлого шлагбаума на территорию садового кооператива «Василек». Все урожаи на огородах были давно собраны. Домики опустели до того времени, пока не начнется лыжный сезон, и дачи будут использовать изредка, только чтобы иногда погреться у камина после долгих прогулок по зимнему лесу. Охрана кооператива — она была весьма условна, два седеньких пенсионера, — не обратила никакого внимания на УАЗ, скорее всего ее предупредили заранее.

Домик Центра практически ничем не отличался от скромных дачных строений, живописно разбросанных на опушке хвойного леса. Он стоял на отшибе, почти на самой границе кооператива. По случаю мертвого сезона окна были закрыты большими фанерными щитами. Микроскопический приусадебный участок скорее походил на свалку — там скопились ветки, старые крыши, ржавые ведра. Судя по всему, как конспиративная квартира или дом это здание использовалось очень давно. Длительное отсутствие хозяев привело к тому, что не очень чистоплотные соседи время от времени сбрасывали на участок мусор.

Под невысоким порогом Малахов отыскал ключ, замотанный в промасленную тряпку, и отпер дверь. За ней на некотором расстоянии находилась другая, с кодовым электронным замком. Там Вадим ввел последовательность цифр, полученную от Лазненко, и группа вошла внутрь помещения. Набранный код не только открыл дверь, но и привел в действие массу скрытых приборов и систем жизнеобеспечения. Тихо загудел генератор в подполе, загорелся мягкий свет, осветив уютный, обставленный даже с некоторой роскошью холл, более похожий на каминный зал охотничьего домика в средней Англии.

— Да, раньше Центр заботился о своих сотрудниках, — протянул Байкалов. — Интересно, а как тут с продуктовыми запасами?

— Свежие продукты подвезут через некоторое время, это обычная, регламентированная процедура, которая запускается с того момента, как активируется код входной двери. Если, конечно, правила не поменялись, — объяснила Клава. — Но в подвале, вернее, в погребе должны быть запасы длительного хранения.

— Неплохо было бы, конечно, подкрепиться. — Тимур первым высказал то, что было у всех на уме. — Я пойду, изучу закрома родины.

Вход в подвал удалось найти не с первого раза, из холла расходилось несколько дверей, которые вели в спальни и на кухню. В доме нашелся и туалет, хотя для того, чтобы не выделяться на фоне других дачных построек, на улице стоял деревянный нужник. Впрочем, была ли эта будочка именно туалетом, никто не проверял. В погребе, больше похожем на бетонный бункер, располагался энергетический блок с дизель-генератором, аппаратная с системами внешнего наблюдения и активной защиты, оружейная и склад продуктов, который позволил бы продержаться автономно несколько месяцев.

Загрузившись консервами, Тимур поднялся наверх. Там уже Гера с Байкаловым нашли бар, который тоже скорее походил на склад спиртного в дорогом ресторане. Малахов тем временем снял щиты на окнах, и в дом ворвался приглушенный осенний свет. Тут как раз подъехал курьер с овощами, молочными продуктами, хлебом и свежим мясом, получил роспись в накладной и, не проронив ни слова, отбыл.

— У меня такое ощущение, что наше начальство таким образом хочет нам выразить благодарность за проделанную работу. — Бай удовлетворенно изучал продуктовые запасы от курьера. — Иначе я никак не могу объяснить камамбер из Франции и парную баранину. Я думаю, нам тут надо недельку посидеть, отдохнуть, подумать...

— Не совсем так. Тут останетесь вы с Тимуром. Будем держать постоянную связь. Мы

постараемся предупредить вас заранее, если будет критическая ситуация, — сказал Малахов. — Пирамидку надо спрятать в подвале, то есть в бункере.

Через двадцать минут «Сталкер» уже пересек шлагбаум кооператива и катил по направлению к Центру.

Глава двадцать вторая

— Вот же какая фигня получается. — Герман смотрел на монитор, почесывая нос авторучкой. — Интересная картина тут.

— Ты вычислил все-таки? — Клава и Вадим сидели по обе стороны от Тельбиза в ожидании результатов.

— Все не просто так, говорю же. Сначала я хотел выяснить, не появлялся ли кто-нибудь из тех, кто с нами вступил в бой на набережной, или хотя бы те, кто близко пересекался с ними, вступали в контакт со сталкерами. Или по крайней мере появлялись в одном и том же месте одновременно. Живыми или погибшими. Но не нашлось ни одного. Но вот что точно удалось выяснить — рядом со сталкерами постоянно вертятся какие-то люди. Причем не контактируют, а именно находятся рядом. Такое при слежке бывает. Получается, что возле них всегда есть люди, которые никаким образом с ними, со сталкерами, не связаны. Ни сотрудники, ни знакомые, ни родственники. Вот так же, как в случае с Листером... Ни один из этих, будем считать, «хвостов» не пересекался друг с другом. И те трое на набережной — они тоже никогда не встречались ни с кем из этого множества. Может быть, если бы мне удалось прошерстить базы данных сотовой связи... Но это уже под вашу ответственность. Только я хочу другое сказать! Наблюдается очень интересная вещь. Вот я сейчас выведу данные по перемещению чипов тех, кого я подозреваю в слежке за сталкерами, и наложу их на карту Москвы. Смотрите! — Герман взял авторучку в зубы и стал набирать команды на клавиатуре.

Рабочее место Германа состояло из трех стоящих на столе мониторов, клавиатуры и «мышки». В недрах Центра скрывался суперкомпьютер, который, как правило, был в полном распоряжении Тельбиза. А над столом висел на стене гигантский экран. На него сейчас и вывел данные Гера. Он любил внешние эффекты.

— Вот смотрите, — Тельбиз показал пальцем на непонятную мешанину красных точек, — это сборные данные за последние десять дней. Дальше назад по срокам я не могу. Логи старше десяти дней уже совершенно закрытая информация. Если бы в одном месте оказались хоть два человека из этого набора, то такая точка пересечения была бы отмечена особым знаком. Что мы видим?

— Смотришь в книгу, видишь Ригу, — буркнул Малахов. — Гера, давай, не трави душу, объясни все просто и доходчиво.

— Подожди, не надо спешки, я сам боюсь выводов. Все прямо на ходу сейчас и решается. Так вот, это мелкая карта, видим, что все мои подозреваемые достаточно произвольно перемещаются по Москве. Тут даже траектории приведены. Но вот если сделать увеличение, то можно найти на карте одно очень интересное место.

Герман провел «мышкой» по столу, увеличивая масштаб картинки.

— Вот смотрите, — он электронным маркером обвел круг на карте, — видите, здесь траектории прерываются.

— Ты хочешь сказать, что чипы этих людей выходят из-под контроля? — спросила Клава, нахмутив лоб. — Это реально? Они что, глушат чип?

— Чипы — устройства пассивные. Работают только как прибор, которое отражает принятый сигнал. В отражении можно прочесть идентификатор чипа. Если его заглушить, то... В общем, я тут попробовал. Есть очень простое решение. Берется проводящая ткань и наматывается на руку в том месте, где чип. И по ней запускается сигнал примерно на тех же частотах, что и сигнал запроса идентификации. И все — чип не откликается. — Герман достал из стола кусок черного материала с проводами. — Вот такая шутка прекрасно

работает.

— И что, глобальная система не реагирует на такие игры? — удивился Малахов.

— Да всех не проверишь. Если бы что-то случилось и начали поиск в окрестностях происшествия, то, видимо, быстро вычислили бы такие трюки. Но ведь здесь ничего не происходит, вот глобальная система контроля и не делает никаких специальных уточняющих запросов. Ну представь, не отследить же каждый случай пропажи сигнала идентификации? На это просто не обращают внимания.

— Так, Гера, а можешь ты посмотреть временные совпадения таких исчезновений? — попросил Вадим.

— О! — обрадованный Герман поднял указательный палец. — Не только исчезновений, но и появлений! Вот оно! Та-дам!!!

Картинка на экране запестрела, точки и треки стали разноцветными.

— Вот оно! Все они, суки, у меня тут! — обрадованно сообщил Тельбиз. — Синие — это те, что подходили к точке исчезновения в разное время. Видите, пришел, потом ушел. Ушельцы — зеленые. Мы видим, что такое происходит чуть ли не каждый день. Но если посмотреть повнимательнее, то можно найти очень интересные совпадения.

Небольшая манипуляция «мышкой», и на экране остались только красные треки.

— Я считаю временной интервал в пятнадцать минут нормальным, нормальной погрешностью, события с таким разбросом можно считать практически одновременными на этом этапе. Так вот, в определенные дни, они все одновременно приходят и одновременно уходят! И как красиво это выглядит!

Действительно, на мониторе образовалось почти идеально круглое пятно без каких-либо треков, словно кто-то в этом районе полностью и одновременно отключал чипы.

— Ну и что ты можешь сказать?

— Я могу сказать, что здесь, в этом районе, находится место, где проходят и регулярные собрания энампов, и просто отдельные встречи, — гордо произнес Тельбиз. — Я их вычислил!

— И ты можешь назвать имена этих людей? — с надеждой в голосе спросила Клава.

— Вот тут не все так просто, — без особого энтузиазма ответил Герман. — Если логи перемещений я могу получить без особого труда, то привязка каждого чипа к демографическим данным — это, пардон, вне моей компетенции. Ломать базы индивидуализации я не берусь, ноги повыдергивают раньше, чем заступится начальство.

— Ну и?.. — переспросил Малахов.

— Ну и... Лазненко просить надо, — развел руками Тельбиз.

— От же проблема, — хмыкнул Малахов. — Сейчас попрошу.

Он стремительно вышел из кабинета Германа. Вернулся через двадцать минут без особого энтузиазма на лице.

— Неделю запрос будут рассматривать, — буркнул Вадим.

— А нельзя было на президента выйти? Дело же не терпит, — возмутилась Клава.

— Президент именно так нам и сказал. Думаешь, я не пробовал подать запрос? Только Дума может дать разрешение на доступ.

— Они там что, не в своем уме?

— Я думаю, они-то как раз в своем уме. Думаешь, шуточки с маскированием чипа только наши энампы знают? — Герман воспринял известие как само собой разумеющееся. — Есть много людей там, наверху, кто не хотел бы, чтобы его перемещения идентифицировали. Вот и установили секретность и уровень доступа выше, чем к ядерному чемоданчику.

— Гера, а если рассмотреть внимательно, сколько там потенциальных мест, где эта шушера может собираться? — Клава не отрываясь смотрела на карту с белым кругом посередине.

— Вот это проще простого. Это же жилой район. Минимум два десятка жилых многоэтажек. Ну, дальше самой понятно, — ответил Герман.

— Да, пока нет особых шансов, — согласилась Клавдия.

— К тому же никто не гарантирует, что они именно тут собираются. — Вадим скептически посмотрел на коллег. — Это может быть просто местом сброса контроля. Отсюда они могут спокойно уйти в любой конец Земли. А мы будем думать, что они в этом круге.

— Логично, так что, пока не получим именных данных, будем считать, что делать нам здесь нечего, — с сожалением заключил Тельбиз.

— Гера, необходимо все время отслеживать сталкеров, пусть твоя система делает это постоянно, — сказал Вадим. — У тебя сейчас есть конкретные чипы со своими сигнатурами. Нужно просто отслеживать их активность. Может, так мы предупредим их контакты со сталкерами. Или по крайней мере сможем накрыть их во время такого контакта.

— Ну, я бы, конечно, не рассусоливал и взял пару этих, хитроумных — по чипу их легко отловить — и поговорил бы с ними по душам.

— Ты же понимаешь, что этого делать нельзя, — укоризненно сказала Клава. — Тебе же приказали — действовать в рамках, безобразий не бесчинствовать. Вот и трудись в поле толерантной демократии и повальных прав человека.

— Ясно, ну что, план действий остается таким — связываться со сталкерами, предупреждать их о возможном контакте с энампами, ну и понятно, что с пирамидкой нам еще многое придется выяснять.

Тимур, не колеблясь ни минуты, решил воспользоваться всеми благами дачной жизни. Начал он с шашлыка. Первым делом он замариновал баранину при активном участии Байкалова. Пока мясо созревало, Тимур побродил по кооперативу, нашел на одном из участков мангал и, на всякий случай предупредив охрану, перетащил его к своему дому. Байкалов вызвался приготовить самые правильные угли. Мангал дымил, охрана уже два или три раза наведывалась узнать, не нужна ли помощь, и, удовлетворенная бутылкой водки, ушла выполнять свои основные обязанности. Быстрый осенний вечер пронизывал дачный кооператив, и лес, подступивший к нему, как казалось в сумерках, стал еще ближе.

— Жалко мы с тобой в Зоне не были знакомы. Там бы мы с тобой такой шашлык закатали, — мечтательно протянул Байкалов. — Кабан тамошний, несмотря на свирепую рожу, довольно вкусен.

— Да что об этом вспоминать. Ты же, сделав дело, сразу ушел и больше туда не рвался, — без всякого сожаления о Зоне ответил Рымжанов, нанизывая мясо на шампуры, которые в большом количестве притащила охрана еще в свой первый визит.

— Я туда пошел с конкретной целью. И в общем-то дело свое сделал... — Байкалов замолчал, словно прислушиваясь. — Тебе не кажется, что кто-то там, в лесу, шуршит?

— Давно шуршит, — ответил Тимур. — Вон там. Похоже, лиса мышкует.

Он показал на дальний край дачного кооператива. Потом поднял голову и прислушался.

— А вот там скорее всего косуля. Тут лес хороший, богатый. Да ты не бойся, крупных зверей нет, тем более хищников. Это же не очень далекое Подмосковье. Тут страшнее человека зверя нет.

— Ну, можно подумать, что в Зоне по-другому было, — ответил Байкалов, настороженно вглядываясь в окрестности.

— Там было по-всякому, только мало кто понимал, что Зона — она неоднозначна. Ведь совершенно очевидно, что у одних созданий Зоны своя правда, у других — другая. Может, для человека этот монстр страшный и тупой убийца, а для этого тупого убийцы человек — единственный враг. Причем не он враг человеку, а именно человек ему враг. А хочешь выжить — спасайся, обороняйся. Убивай на мгновение раньше, чем тебя убьют. — Тимур, как показалось Баю, даже разволновался. — Ты же сам был исчадием ада для большинства сталкеров. А на самом деле это была умелая работа манипуляторов, твоих же вампиров.

— Ну, понятно. — Дмитрий начал раскладывать шашлык на мангале, который уже мерцал в сумраке углями. — Так, я думаю, нам надо что-то со светом придумать. Иначе есть

шанс такой шикарный шашлык сжечь к чертям собачьим. Ты последи, я сейчас.

Он уступил место у мангала Тимуру, а сам пошел в дом. Сначала оттуда не раздавалось ни звука, но в конце концов, гремя громадной металлической треногой по дверным косякам, Байкалов вытащил к огню осветитель вроде фото-софита, неизвестно для какой цели хранившийся в бункере. Потом он еще некоторое время искал удлинитель, но в итоге мангал и небольшой пятачок вокруг него залил мягкий электрический свет. Тимур не следил за Димиными манипуляциями, он следил за тем, чтобы не сгорело мясо, и никакого дополнительного света для этого ему на самом деле не требовалось.

— Вот так теперь будет нормально. — Бай был доволен проделанной работой.

— А комары? — не отвлекаясь от шампуров, спросил Рымжанов.

— А так ведь нет их, — радостно сообщил Байкалов, прищурившись на огонь фонаря. — Видать, не сезон.

— Угу, не сезон. С каких пор? Ты не заметил, как они в доме зудели?

— Не обратил внимания.

— А я вот обращаю, и мне это определенно не нравится. Комар, не летящий на свет, по всей видимости, или не настоящий, или задумал какую-то гадость. — Тимур снял с огня три шашлыка и продолжил: — Надо бы охране отнести, пусть порадуются, а то неудобно, навоняли тут ароматами.

— Я отнесу. — Бай принял у Тимура шашлык и зашагал к домику у шлагбаума.

Сторожа, польщенные таким шикарным подношением, попытались налить Баю чарку, но когда он отказался, сославшись на дела, настаивать не стали. Когда Дмитрий возвращался назад, какое-то нехорошее, липкое чувство охватило его, заставило напрячься. словно невидимый энамп пытался дотянуться до мозга, раскатать затаенные ниточки души.

— Тимур, у тебя нет никаких неприятных ощущений? — спросил сразу Дима у Рымжанова, как только вернулся к углям. — У меня очень неприятные и смутные...

— Я молчу, но и неприятные, и смутные уже давно... — начал Тимур, но резко замолчал и приложил палец к губам.

Он смотрел куда-то за спину Байкалову, в лесную тьму. Потом одними глазами показал, что у Дмитрия за спиной что-то не так. Медленно, чтобы не спугнуть, тот повернул голову. Сначала казалось, что там нет ничего, кроме черного участка леса, кажущегося еще более черным из-за яркого света фонаря. Но постепенно Бай смог различить оттенки черного. Громадный силуэт, не человеческий и не звериный, стоял неподвижно на границе света и тьмы. Удалось даже услышать, а может, это было только неуловимое ощущение, как лесной гость глубоко дышит. Не отрываясь и не шевелясь, Рымжанов с Байкаловым смотрели на странный силуэт, словно соревнуясь с ним, кто дольше выдержит эти гляделки. Наконец лесной гость тяжело вздохнул и растаял в темноте ночных деревьев.

— Это что было? — спросил Бай. — Медведей тут нет. Да и не такие они громадные.

— Не знаю, ой, блин, шашлык! — Тимур стал переставлять шампуры на мангале. — Не знаю я, что это или кто это. Но мне он не понравился. Я думаю, это на пирамидку, на гравитационный сигнал, лесные твари реагируют. Кто бы они ни были. Боюсь, ночь у нас будет веселая.

— Но ведь там, на набережной, на него только морфы сбегались? — наморщил лоб Бай.

— Ну, может, там все уже к нему привыкли... Ладно, пошли в дом, не хочу я тут шашлыки есть, дома спокойнее.

Тимур решительно собрал с мангала шампуры и, неся их, как букет роз, отправился в дом. Байкалов, все время оглядываясь, разыскал ведро с накопившейся дождевой водой и аккуратно залил угли. Над участком поднялись клубы пара. Они окутали пространство вокруг софита. Байкалов чертыхнулся и, охваченный тревожными предчувствиями, устремился к двери. Перед тем как выдернуть из розетки удлинитель, он бросил последний взгляд на освещенное место. В мороке поднявшегося тумана он явственно увидел мелькнувшую тень большого прямоходящего существа. Дмитрий резко дернул шнур и одним прыжком вскочил в дом. Стальная дверь за ним мягко закрылась, блокируя вход

намертво.

— Черт-те что привидится, — буркнул себе под нос Байкалов.

Глава двадцать третья

— Пап, а Вероника почему на улице ждет? — Андрей, не выпуская ладони отца, пытался идти с ним в ногу по первому московскому снегу. — Можно же было прийти к бабушке и показать, как нервюры скальпелем вырезать!

— Что чем? — переспросил Вадим. Он все прекрасно понял, но услышать эти слова от сына никак не ожидал.

— Ну, пап, там все просто. Нервюры — они объединяются в кессон, это такой набор из трех лонжеронов: переднего, среднего и заднего и еще стрингеров. Но на моей модели мы немножко упростим конструкцию, достаточно трех лонжеронов. Ведь нагрузки совсем другие.

— Откуда ты это все знаешь? — Вадим даже остановился и с удивлением посмотрел на сына.

— Ну, про нервюру я прочел в журналах, а потом позвонил Веронике, она пришла к нам, бабушке там помочь, и мне рассказала. Но самое главное, Ника сказала, что надо резать из миллиметровой авиафанеры скальпелем. И сказала, что ты все достанешь, потому что сейчас настоящих скальпелей нет, а надо старый. Достанешь, да?

— Какое слово забытое «достанешь», — пробормотал Вадим. — Да, конечно, Андрюша достану, какие вопросы. Кстати, Вероника нас ждет возле дома, нашего дома. Я подумал, что надо, чтобы и женщина, пусть хоть чужая, все равно посоветовала. Надо чтобы все было у нас в доме гармонично. Я вот даже не знаю, как сейчас принято кухню обустраивать. Я бы вообще сделал из квартиры большой каминный зал. С алебардами и медвежьими шкурами на стенах.

— Алебарды — это хорошо, — протянул Андрей. — Но Вероника совсем не чужая, она мне модель помогает делать.

Вадим не стал отвечать. Он не мог объяснить, почему он не хочет считать Веронику не чужой и почему он готов всю жизнь остаться вдвоем с сыном и ни одну женщину не впустить в их маленький тайный мир.

— А вообще у нас в школе странные вещи делаются. — Андрей с детской непосредственностью переключился на другую тему.

— А? — Вадим, задумавшись о своем, не сразу понял, о чем говорит сын. — Какие вещи?

— Папа, вот ты скажи, ты не сталкер? — неожиданно спросил сын. — Ведь ты же был в Зоне?

— Ну, ты там был не меньше моего, так что чего спрашивать? Нет, конечно, какой из меня сталкер? Да и из тебя сталкер... Я думаю, что многим сталкерам при упоминании о тебе дурно становится.

— Ну, я о другом. Вот, пап, представляешь, у нас в классе мальчик, я уже говорил про него, Стас, — он сын сталкера! Вернее, как бы правильно сказать. Он был сыном сталкера. Вернее, его отчим был сталкером.

— Что-то ты, Андрей, сильно как-то загнул. Давай по порядку.

— Ну, я же рассказывал уже, папан у нас в школе есть, Стас, какой-то странный. Он вроде как сирота и у бабушки живет, но сильно наглый.

— Ну, сиротство и наглость — это категории не пересекающиеся. Я знал наглых людей, выросших в обычных семьях, где есть и отец, и мать. И наоборот, — прервал его отец.

— Нет, он по-другому. Он неприятный такой. Всегда, как только драка у нас случается, стоит в стороне и подзуживает. А у самого аж морда от радости светится.

— Ну, Андрюша, ты же сам сказал, он сирота. Может, у него была очень тяжелая

жизнь. Он мог озлобиться, а может, у него просто не было раньше нормальных друзей. Подрастет — все пройдет. В таком возрасте, как у тебя, дети в основном все одинаковые.

— Пап, все дети одинаковые, но вот когда я с друзьями в Зоне был, то мне показалось, что не все. — Андрей вдруг заговорил совсем не по-детски. Он раньше никогда не затрагивал эту тему, но теперь отважился. — Понимаешь, я бы никогда не решился повесить пацана знакомого, даже не приятеля, а так... А они, эти сельские, взяли и повесили меня. Понимаешь, папа, они мыслят совсем по-другому. Им кажется, что они все в жизни знают и всегда правы. А их знания — это только то, что любого можно убить. Что если ты сильный, то можно обижать слабого. Это что, пап, так в селе все живут? Я вот сейчас, когда по телику всякие народные думы выступают, говорят, что село — основа государства, что культура вся в селе, что хлеб всему голова, вспоминаю, как эти пацаны деревенские, Юзик и другие, забили собаку палками, слепую собаку, только за то, что она к ним подошла, хвостом виляла, есть просила. Это основа нашей жизни? Почему они предавали нас на каждом шагу?

— Андрюша, ты задаешь вопросы, на которые нет ответа. А может, тебе просто так не повезло? Может, это просто твои личные впечатления?

— Папа, я дома у бабушки нашел книжку, там про время после войны на западной Украине. Там рассказывали, как сельские убивали городских учительниц, потому что они приехали их детей учить. Это что, тоже так повезло?

— Андрюша, ты смешиваешь понятия, это были сложные времена, они не хотели, чтобы из центра приезжали... — Вадим пытался, и у него не получалось, упростить эти моменты истории, чтобы смягчить их для сына. Он сам понимал, что Андрей прав.

— Папа, я видел этих деревенских. И я уверен, тогда на Украине убивали только потому, что городские хотели учить сельских грамоте. А это никак не связано ни с Центром, ни с... Но вообще мне иногда страшно подумать... ведь... — Андрей сильно разволновался и стал сбиваться.

— Андрюша, а ты вот не бойся и подумай, вспомни, ты ведь победил, ты же, мальчик, мой единственный сын, смог сделать то, что не смог сделать никто, — пройти Зону с голыми руками и спасти меня, так зачем тебе думать о городских, о деревенских, ты же...

— Пап, я вообще не о том. — Сын словно устал от этого непростого разговора. — Я про этого Стасика.

— Так что там со Стасиком? — Малахов с облегчением вернулся к началу разговора.

— У нас было сегодня классное собрание, не родительское, не бойся, а учеников. И приходил один дядька, такой странный, как Стасик странный. Так вот этот дядька сказал, что Стасик — это достойный сын своего отца-сталкера, и что сейчас организуется фонд помощи сталкерам, вернее, детям сталкера. И он раздал всем красивые книжечки и попросил, чтобы родителям передали.

— Я забыл, а что с отцом Стасика?

— У него и мать, и отец погибли совсем недавно. Это нам так классная сказала перед тем, как он к нам в класс пришел. И сказала не обижать. А никто его и не обижает. Вот посмотри.

Андрюша вытащил из заднего кармана джинсов буклетик. Это была классическая рекламная бумажка на десяти страницах с фотографией саркофага из Чернобыля, с банальным текстом о жертвах катастрофы. О том, что люди в наше время прошли адские круги Зоны и донесли свет разума своим детям и что дети... Ну, в общем, классический набор вымогательской банальности.

— Ну и что? Чем кончилось это собрание?

— Учительница сказала, что каждый, кто хочет помочь сиротам Зоны, она при этом посмотрела на Стасика, должен попросить у родителей сто рублей. Чтобы папа или мама дали.

— Ну, сто рублей не такая уж большая сумма. — Вадим понял, что весь разговор в школе свелся к вопросу о деньгах.

— Так на этом не кончилось, — продолжил рассказ Андрей. — На перемене Стасик и

его пацаны...

— Его пацаны? — не понял Вадим.

— Ну, у него типа своя команда в классе есть. Они вместе все время ходят, и Стас, хоть и мелкий, там типа командир. В общем, они почему-то опять на меня наехали. Я не знаю почему, но Стасик все время ко мне подкалывается.

— Ну и жаргон у тебя... — поморщился Малахов.

— Да ладно, пап. Так вот, они подошли, и Стасик стал почему-то мне говорить — типа, ты такой шибко грамотный, с бабушкой живешь всю жизнь, а я ребенок Зоны, а ты такой жлоб, по тебе видно, что твои родственники тоже жлобы и ни копейки не дадут.

— Это он зря, конечно, — покачал головой Вадим.

— Зря, конечно, но только я, пап... я не сдержался... — почти неслышно сказал Андрей.

— В каком смысле?

— Ну, я сказал, что он дурак и говно, что он даже и близко Зоны не нюхал, а командует. А Стас и дружки его заржали как дурные и давай орать — ой, сталкер нашелся! Мне кажется, они все это специально делали. Сейчас мне кажется, они нарочно хотели меня разозлить. И самое главное, такое неприятное, как только они начали орать, тыкать меня кулаками, Стасик сразу отошел в сторону и стал наблюдать. А у самого аж глаза светятся от удовольствия. Ну, в общем... — Мальчик разволновался, Вадим даже заметил, как у Андрея задрожали губы.

— Ты уже который раз пытаешься сказать, что произошло, а сам все вокруг да около...

— Я сказал, что... ну, я сказал, что я сталкеров убивал. — Андрей опустил глаза.

— И?.. Ты же понимаешь, что этого нельзя было говорить?

— Они начали так смеяться, что мне стало совсем стыдно... В общем, пап, тебя в школу вызывают... — Сын наконец сказал то, что очень боялся произнести.

— Так, с этого надо было и начинать. За что?

— У одного мальчика перелом ключицы, один хромает, а один... пап, я не виноват, я даже не знал раньше, что такое энурез. Пап, это очень страшно? А то говорят, что из-за меня.

— Это как? Что ты сделал?!

— Ну как... Я взял стул в коридоре, отломал от него ножку и сказал, кто первый подойдет, тому я заеду. А они подумали, что я шучу.

— А Стасик этот? — Вадим был очень расстроен.

— Он, мне кажется, был очень рад... Он убежал, как только они перестали меня бить, а стояли вокруг и плакали.

— Как плакали?

— Ну, я не знаю, что там вышло. Все пацаны сначала налетели, типа темную сделать, кричали — темную ему! Ну, кучей завалить. А потом... несколько лежали, у одного сильно кровь текла из уха, а остальные плакали. А я виноват. И как можно темную делать, когда ты в школе? Это же надо одеяло на голову накинуть... — Андрей неожиданно проявил познания в такой далекой, как казалось, от него области.

— Так, Андрюша, давай договоримся, ты пока в школу не ходи, ну, завтра точно не ходи, я поговорю с учителями, и все уладится...

— Так завтра нет занятий, суббота же! — успокоил его сын.

— Ну, в понедельник не ходи...

— Пап, и в понедельник не надо идти, — мрачно произнес Андрей.

— Почему не надо? — почувал неладное Вадим.

— Школа сгорела... — Голос у мальчика дрогнул.

— С учителями? — У Вадима возникла очень слабая надежда.

— Да нет, — казалось, что Андрей говорил с сожалением. — Не вся... дверь и вестибюль только. Но пожарных вызывали, и теперь там на неделю проверки какие-то.

— Мальчики, почему вы как два кота возле отбивной? — Их разговор прервал веселый голос Вероники. — Словно шли и спорили о чем-то всю дорогу?

На следующий день Малахов первым делом связался с Германом.

— Ну что у нас? Удалось кого-нибудь вычислить? — Вадим присел на краешек своего стола.

— Мне кажется, что я вычислил несколько человек, совпадения по времени очень точные. — Тельбиз, когда работа у него ладилась и он был в нее полностью погружен, казался немножко отрешенным — смотрел растерянно, говорил возбужденно.

— Ты их постоянно отслеживаешь?

— Ну, не то чтобы постоянно, но в любой момент времени могу определить их местонахождение. — Герман довольно глянул Малахова.

— Это хорошо, надо подумать, как бы нам с ними встретиться. Ненавязчиво так, не спугнув. Но у меня к тебе еще одно дело, простое, как мне кажется.

— Ну, давай. — Гера немедленно достал из футляра свой неизменный планшетник, демонстрируя полную боевую готовность.

— У моего сына в классе учится мальчик, сирота. Утверждает, что его родители недавно погибли. А отец, вернее, отчим — сталкер. Ты можешь мне сейчас найти это дело в сети? Только учти, что фамилия у мальчика может быть другой, так что надо по обстоятельствам дела искать.

— Тебе сейчас или?.. — Тельбиз уже прикоснулся к экрану планшетника.

— Да можешь у себя, но есть еще одно... — остановил его Вадим.

Он достал из внутреннего кармана пиджака буклетик фонда помощи сталкерам.

— Посмотри, тут еще кто-то сталкерами интересуется. Мне все по этому фонду, хорошо?

— Я думаю, что через пятнадцать минут вся информация будет у меня.

— Ну, так сразу давай сюда. Обсудим.

Действительно, не прошло и пятнадцати минут, как Герман вернулся. Судя по довольному виду, он нашел нечто интересное.

— Итак, по порядку. Мальчик Стас или, точнее, Станислав Ревченко действительно пасынок сталкера Самбука, Юрия Ивановича Тарабрина. Действительно, мальчик живет сейчас у бабушки.

— Как погиб сталкер?

— Да ты должен помнить, мы знали об этом. Это тот случай, когда полиция обнаружила труп сталкера с типичными признаками смерти. Как после встречи с энампом. Не так, как погибли остальные. Жена Самбука, как ты можешь догадаться, скорее всего окончила свой жизненный путь на берегу Неглинки, где и остальные морфы.

— Может, в деле что-то об этом упоминается — мальчик не говорил, не было ли там еще кого-нибудь в момент гибели отчима?

— Я специально посмотрел. Нет, говорит, один был, — развел руками Герман.

— Да, придется мне с этим мальчиком поговорить лично. — Вадиму, судя по выражению лица, этого очень не хотелось.

— Так ты думаешь, — с удивлением глянул на Вадима Тельбиз, — этот пацан энамп?

— Я почти уверен, — кивнул Малахов. — По описаниям моего сына, мы имеем дело с настоящим сильным энамптом. Маловероятно, что он никак не связан с их сообществом. В такие годы и такие таланты... Ну хорошо, а еще что новенького?

— Есть, есть еще новенькое и интересное! — жизнерадостно потер руки Тельбиз. — Этот самый фонд — обычный такой себе фонд. Вроде поиска финансирования для помощи бездомным пороссятам. Новообразовавшееся неприбыльное предприятие.

— А что тогда интересного в этом фонде?

— А самое интересное начинается, когда помотришь на адрес штаб-квартиры этого фонда и сравнишь треки одного из тех, кого я недавно вычислил.

— Я понял, ты хочешь сказать, что один из потенциальных руководителей их организации...

- Да, именно — частый гость этого фонда. — Герман сиял.
- Значит, пора нам сделать взнос в фонд помощи пороссятам. Насколько часто там бывает отслеженный тобой человек?
- Практически каждый день. С девяти утра.
- Тогда завтра в девять. У меня есть одна идея.

Глава двадцать четвертая

УАЗ припарковался за два квартала от фонда. Герман остался в машине для подстраховки. Вадим и Клава выглядели как вполне респектабельная бизнес-пара, желающая помочь бедным детям бедных сталкеров. Они важно подошли к цели по усеянному желтыми листьями тротуару. Фонд находился на первом этаже обычного жилого дома, в арендованной двухкомнатной квартире, приукрашенной евроремонтом до приличного вида.

— Мы бы хотели поговорить с вашим директором, — предупредила вопрос секретарши Клава.

— По какому вопросу? — Секретарша была вышколена и слегка нагловата. — Вы записывались?

— Мы хотим сделать взнос в ваш фонд, — ответила Клава и протянула изготовленную для этого случая визитку. — Я надеюсь, для этого нет необходимости стоять в очереди?

— Одну минутку.

Сразу посветлев лицом, девица воодушевленно упорхнула в глубь офиса.

— Владимир Константинович ждет вас, — с возрастающей любезностью сообщила секретарша через несколько секунд. — Кофе желаете? Или чай?

— Нет, спасибо, мы же по делу, — ответил Вадим с видом невероятно занятого бизнесмена.

Кабинет директора фонда, как было написано на двери, был обставлен скромно, по-спартански, без особых кожано-диванных изысков и шедевров аудиовизуальной техники. Однако в этом аскетизме угадывался строгий стиль хозяина и его любовь к очень качественной мебели.

— Очень, очень рад, — с запредельной искренностью на породистом лице произнес Владимир Константинович, встречая посетителей прямо на пороге кабинета. — Садитесь, пожалуйста!

— Мы очень заинтересовались вашим фондом, тем более что наша кампания всегда была известна своей благотворительной деятельностью, — начал Вадим отрепетированную речь. — Поэтому мы и пришли к вам.

— Да-да! Я много слышал о вашей фирме. — Хозяин кабинета незаметно глянул на визитку, которую держал в руках. — Господин Нечаев. Ваша кампания «PrintProsto» — это известный помощник обездоленных.

— Мы бы хотели сначала узнать о целях вашего фонда, ну и об условиях спонсирования. — Клава достала из модной сумочки записную книжку в обложке с инкрустацией и приготовилась записывать.

— Конечно-конечно, секундочку. — Директор нажал кнопку селектора. — Юленька, принесите нам пару рекламных комплектов.

— Нет, мы бы хотели от вас услышать. — Вадим поморщился.

— Конечно, просто рекламный набор нашего фонда носит еще характер сувенирного, это наш презент вам вне зависимости от вашего окончательного решения. А позвольте поинтересоваться, откуда вы о нас узнали? — Задав вопрос, директор соорудил такое подобострастное лицо, что сразу стало ясно — ему ничего, кроме денег, от посетителей не нужно.

— О, совершенно случайно, в школе у сынишки вас... э... пропагандировали, — ответил Малахов.

Юля принесла две сумки из дорогой кожи, внутри которых, кроме уже знакомого

буклетика с рассказами о фонде, находились еще авторучки «Паркер» с логотипом фонда, пресс-папье в виде сталкера, разрывающего пасть монстру, зажим для денег в форме винтовки СВД и маленький настольный макет противогаза, обильно украшенный стразами.

«Опять стразы, — мелькнуло в голове у Малахова. — Они тут все на них повелись».

— Вот вам на память, — повторил Владимир Константинович. — А на словах я могу вкратце рассказать о нашем фонде. Мы организовались совсем недавно. Дело в том, что инициативная группа ветеранов Зоны, не сталкеров, а тех, кто был там, так скажем, непрофессионально, пыталась каким-то образом помочь сталкерам, которые, так скажем, ушли на покой. Но мы столкнулись с их активным сопротивлением.

— В каком смысле сопротивлением? — удивилась Клава.

— Ну, они такие гордые, считают, что сами со всем справятся. Но не всегда так бывает. Во-первых, накопив определенные активы фонда, мы сможем организовать что-то вроде дома ветеранов Зоны или коттедж-таун для сталкеров. Чтобы они жили вместе. Во-вторых, мы, заслужив подобным образом доверие с их стороны, всегда сможем выявлять уже официально адреса и имена новых, только вернувшихся из Зоны сталкеров. И как апофеоз нашей деятельности — это создание клиник для сталкеров, где бы они смогли наблюдаться. Клиники с особым персоналом, готовым к работе с таким контингентом пациентов. — Владимир Константинович так увлекся рассказом о светлом будущем сталкеров, будто сам в него поверил. Его глаза сверкали, как стразы, на щеках выступил румянец.

— Да, планы грандиозные. — Вадим вложил в голос весь восторг, который смог изобразить. — Но ведь это большие деньги. Фонду будет непросто скопить такие активы.

— Мы никогда не собирались идти простым путем, — слегка пафосно сказал директор фонда, все еще не успокоившись после своей пламенной речи.

— Ваши усилия могут вызвать только восхищение, — кивнула Клава. — Мы тут можем говорить открыто? Нам бы хотелось обсудить финансовые моменты нашего участия в вашем, прямо скажу, замечательном проекте.

— Конечно-конечно, — поспешил ответить директор.

— Мы вынуждены будем провести некоторую операцию с ценными вложениями, и у нас нет никакого желания, чтобы эту куплю-продажу ассоциировали с нами. Поэтому мы можем оформить этот предмет как подарок фонду, ну а вы...

— Сколько вы хотите отката? — совершенно не смущаясь, спросил Владимир Константинович.

— Восемьдесят процентов продажной цены, — немедленно ответила Клава.

— А о каких суммах может идти речь? — В глазах директора сверкнул хищный огонек.

— Мы собираемся продать вот этот предмет. — Вадим достал из кармана продолговатый сверток из мягкой кожи и положил его на стол.

— Разрешите взглянуть, — вежливо поинтересовался Владимир Константинович и протянул руку.

— Сделайте одолжение, — кивнул Вадим.

Хозяин офиса осторожно развернул кожу. Внутри была та самая платиновая кость, усыпанная бриллиантами. Высший символ власти энампов.

Владимир Константинович изменился в лице, хотя и постарался это скрыть, и немедленно завернул вещь обратно.

— Да, мы согласны. Я уверен, мы договоримся. Можно подписывать договор немедленно. У меня, я думаю, даже найдется покупатель. — Директор стал перебирать бумаги на столе, словно хотел найти там уже подготовленный договор.

— Ну и отлично! Хотя, конечно, вы понимаете, мы в таких сделках доверяем своим покупателям, но если с вашей стороны будет аргументированное предложение... — Вадим спрятал драгоценность в карман. — Тогда давайте встретимся завтра.

— Да, я даже могу, наверное, привести покупателя на встречу. — Директор выглядел очень возбужденным. — А скажите, какая история у этого предмета?

— Вы хотите узнать, откуда он у нас? — Вадим внимательно смотрел на Владимира

Константиновича. — Из Зоны.

— Из Зоны? Это очень интересно. — Директор разве что не всплеснул ладонями от восторга.

— Да, вы же сами говорили, что в Зоне не только сталкеры бывали, но и люди, которые выполняли там некоторые деликатные операции. Вот из одной из таких миссий мы и получили этот предмет. Но это не артефакт Зоны. Просто ювелирное изделие. Какая-то древняя реликвия, я порылся в литературе, ее происхождение скрыто в глубине веков. Мы продаем ее для улучшения нашего финансового положения. У нас еще много осталось старинных реликвий. Мы в них свой капитал вкладываем. Я как-нибудь покажу вам наш, так сказать, музей-депозитарий, там есть очень интересные вещи, один «Голос тьмы» чего стоит.

— Тогда до завтра? Приходите утром, как сейчас, пока мало посетителей. — Владимир Константинович был сама любезность, при этом его пальцы заметно подрагивали.

— Ну, что? — Герман дождался, пока Клава с Вадимом устроятся на своих местах в машине. — В офисе после вашего ухода такая бурная деятельность началась.

— Ты о чем? — спросил Вадим. — Что ты имеешь в виду под бурной деятельностью?

— Ну, первое, что необходимо отметить, это то, что этот самый Владимир Константинович Славомирский стал немедленно звонить, — витиевато начал Герман.

— Клава, ты нормально повесила «жучки»?

— Обижаешь, — фыркнула Клавдия. — Когда этот тип увидел твою косточку, то у него в офисе можно было слоников поставить, не только «жучков». Он же ничего не видел и не слышал. Только на бриллианты и тарасился.

— А что за звонки? — повернулся Вадим к Герману.

— Слушайте. — Герман включил запись.

Голос Славомирского дрожал:

— Госпожа, у меня срочное сообщение. Ко мне приходил человек и показал мне символ Ордена! Бриллиант...

— Да, платиновая кость. Сказал, что из Зоны. Что они ее в Зоне добыли.

— Да. С камеры наблюдения? Есть, конечно. Да, сейчас вам перешлем.

— Он завтра придет опять. Он его хочет продать. И еще он сказал, что у него есть «Голос тьмы».

— Да. Я это сразу понял. Какой инвестор? Да, мы подготовимся. Да, госпожа, не подведем.

— Ну и что мы на все это скажем? — спросил Герман, глядя на товарищев.

— То, что мы таки попали куда надо. — Вадим похлопал ладонью по карману, где лежала кость. — Теперь надо подумать, что делать завтра.

— Вот только мы не учли, что они будут записывать нас на видео. Это неудачно вышло. И теперь совершенно очевидно, что у нас все идет по другому сценарию. Мы раскрыты. — Клава завела мотор «Сталкера». — Гера, ты камеры наблюдения повесил? Наши?

— Естественно, вот картинка, мы как раз отъезжаем. — Тельбиз ткнул пальцем в монитор.

— Ну, хоть что-то удачно, — мрачно произнес Вадим. — А то, что они, можно сказать, нас раскрыли, это хорошо. Я привык драться в открытую.

Малахов на секунду замолчал, глянул в окно, потом, улыбнувшись как-то грустно и странно, — на Клаву.

— Вот, Гера, а почему ты не сделал им прослушку? Гадать теперь, с какой такой госпожой говорил этот самый директор фонда? — спросил Вадим.

У него был слегка растерянный вид, словно он только что думал о чем-то другом.

— Понимаешь, — Герман почему-то говорил, с трудом подбирая слова, — я не хочу тебя смущать, но все-таки четыре года твоего отсутствия сказываются. Ведь нашему Центру

строго ограничили круг деятельности. И прослушивание телефона теперь для нас — должностное преступление. И не только для нас. Для полиции тоже и вообще, наверное, даже для разведки. Но мне кажется, что и другими методами мы сможем держать ситуацию под контролем. Делов-то — накрыть какую-то клоунскую контору.

— Да, клоунскую... — Малахов на секунду замолчал, вспоминая свою первую встречу в Зоне с рождающимся высшим вампиром, когда казалось, весь мир сгорит в адском огне.

— Вадим, ну давай эту необходимость, установление прослушки, оставим на крайний случай. У нас же теперь все аппаратно защищено. Любой телефон взвонит, когда поймет, что от него сигнал идет в две точки сразу. Чипы теперь даже в каждом таксофоне стоят. — Герман достал из кармана свой сотовый и потряс им в сердцах.

— Ладно, — кивнул Вадим, соглашаясь с Тимуром. — По приезду сразу идем к Лазненко, надо готовиться к решающей операции.

Шеф Центра принял Малахова незамедлительно и внимательно выслушал его рассказ.

Лазненко сразу ничего не сказал, только открыл ящик стола и достал пачку сигарет. Они с Вадимом закурили, все так же молча. Генерал пытался осмыслить происходящее и не спешил с решением. Потом неожиданно спросил:

— И что ты предлагаешь?

— Я думаю, что нужно завтра прийти к ним и попытаться этого самого покупателя взять в оборот. Может, так удастся выйти на само логово, — решительно ответил Малахов.

— Это рискованно. Они могут тебе голову проломить — и все. Ты же им не просто драгоценность предлагаешь, а основу основ существования их Ордена. — Лазненко открыл коробочку с лакричными конфетками, которая всегда стояла на его столе. — Не хочешь?

— Нет, спасибо. — Вадим улыбнулся. — Ну, я сказал, что у нас есть еще и второй артефакт. Он им нужен, может быть, еще больше, чем «Кость Канцлера». Вот это и будет наживка.

— Наживкой будешь ты! А в тебе будет крючок в виде этого вашего артефакта... И может, поклевка такая будет, что наживку сожрут, а крючок выплунут. — Лазненко положил конфетку на язык и проглотил. — Ладно, готовьте операцию на завтра. И группу поддержки возьмите. Полное вооружение. Я предупрежу все ведомства, чтобы завтра вокруг этого офиса муха лишняя не пролетела. — Несмотря на согласие, идея генералу не очень понравилась.

В кабинете Вадима ждали очередные неожиданные новости. Тимур и Байкалов просили срочно выйти с ними на связь, а еще лучше — приехать к ним немедленно. Через несколько минут «Сталкер», накрутивший по Москве лишних километров из-за вечных пробок, неся к дачному кооперативу.

— Они сначала со мной связались, сказали, что провели очень интересную ночь, и хотели все рассказать. Но как-то мне было немножко стремно обсуждать детали нашей работы, доверившись сети, — рассказывал Тельбиз, не отрываясь от своего планшетника. — Так что я сказал им, что мы скоро будем.

— Хорошо, Гера, только можешь ты мне дать полную связь с диспетчерской Центра? Надо на завтра нам поддержку организовать. Лазненко приказал без взвода поддержки не соваться. Мне этим сейчас и придется заняться.

Все оставшееся время до бункера Вадим общался по телефону с силовыми структурами Центра, которые еще не совсем восстановились в полном объеме. Но к тому времени, как УАЗ подкатил к шлагбауму кооператива, детали были обговорены, операция была полностью согласована. На завтра к десяти часам утра все было готово.

* * *

Ночь у Тимура с Баем и вправду была не самой спокойной. Боги, казалось, сошли с

ума. Мало того что тучи комаров рвались к бункеру с артефактом, так постоянно из леса доносились стенания, словно неведомые монстры устроили домику осаду. Не говоря уже о визите совсем не идентифицированного монстра. Римжанов, который за годы жизни в Зоне должен был к подобным аномалиям привыкнуть, все равно не мог уснуть. Ему казалось, что он сам слышит призывы загадочной пирамидки. А еще, кроме этого зова, как только Тимур закрывал глаза, появлялись видения, будто вырванные из его второй, звериной жизни. Для самоуспокоения Байкалов установил защитные системы на окна, но это особо не помогло. Вопли снаружи и зов пирамидки превратили ночь в ад.

— В общем, ребята, — предложила Клава, выслушав Бая и Тимура, — я думаю, это штуку надо все-таки везти в Центр, а не устраивать здесь эксперименты над людьми и природой.

— Это понятно, но почему тогда, когда она была под землей, только морфы на нее реагировали, да еще так бодренько? — спросил Байкалов, который после бессонной ночи выглядел как после недельного запоя.

— Я думаю, дело в том, сколько там эта пирамидка пролежала, — ответил Малахов. — Ведь, судя по всему, ответвление в подземелье было более ранней постройки. Значит, оно там уже лет триста лежало...

— Стоп, так ведь и пропал этот их символ, «Зов ночи», именно тогда. — Дмитрий, осененный этой мыслью, поднял указательный палец.

Но продолжить не удалось. Чудовищный удар в дверь прервал их разговор. Кто-то снаружи пытался проломить стальную броню.

— Быстро включай обзор! — крикнул Малахов.

Гера молнией ринулся в бункер к пульту охранной системы, остальные — за ним. Камера над входом показывала, как громадный монстр — помесь медведя с ящерицей или даже крокодилом, — встав на задние лапы и опершись на хвост, лупил по второй, стальной двери дома. Первая была разбита в мелкие щепки.

— Новый сталкер преставился? — пробормотал Тимур.

— Судя по всему, да, — мрачно ответила Клава. — Тут есть другой выход?

— Зачем? Мы можем достаточно долго просидеть, пока он не успокоится, — ответил Байкалов.

— Дима, а если ему надоест ломать эту дверь и он решит поговорить с охраной? Надо прорваться к машине.

От непрерывных гулких ударов в дверь со стен бункера начала осыпаться побелка. Воздух в помещении наполнился запахами штукатурки.

— Ну а где гарантия, что, пока мы будем к машине пробиваться, он на нас не переключится? — Герман с тревогой поглядывал на вздрагивающую от напора дверь.

— Но выход есть или нет? — рявкнул Вадим. — Что-то вы тут за время модернизации сами как-то огламурились... Выход из дома есть еще один?

— Есть. Если через бункер идти, там есть аварийный выход через короткий подземный ход, — ответил Тимур, который успел тщательно изучить здание.

— Значит, так, какое у нас есть оружие? Здесь? — Малахов достал свой пистолет, штатную для Центра «беретту», и осмотрел его.

— Ну, много... Есть оружейная комната, там шкаф с «макаровыми» и два «калаша». Ну, не комната, кладовка скорее. — Тимур нажал кнопку на пульте, и в боковой стене бункера отъехала в сторону панель, открыв небольшой оружейный склад.

— Оно же не чищено небось со времен царя Гороха, — поморщился Вадим. — Ладно, берем автоматы и быстро прорываемся к машине. Я думаю, никуда этот морф не денется, будет тупо ломиться за своей пирамидкой, пока не протухнет.

— Так смысл тогда нам выходить? — опять возразил Дмитрий. — Может, он под дверью и протухнет?

— А ты на это посмотри! — Малахов ткнул пальцем в экран.

Там по длинной главной аллее неслись, разбрасывая на бегу лапами комки осенней

грязи, еще два чудовища. Все разные, но каждый был ужасен в своей агрессивной несуразности. Казалось, природа решила в облике морфов воссоздать свои самые тайные, самые низменные мечты, которых она обычно стеснялась. Гадкие твари на длинных конечностях с громадными, клыкастыми головами неслись безумной стаей по главной аллее кооператива.

— Этих дверь долго не выдержит, — пробормотал Рымжанов.

— Так, со мной идут Тимур и Клава, — отрывисто приказал Вадим. — Только Клава сможет нас вывезти на машине хоть из задницы дьявола.

В это время морфы достигли дверей, и удары в железо усилились многократно.

— Вы остаетесь здесь до команды. Как только скажу драпать — забираете пирамидку и бегом к машине. Вопросы есть? — Малахов посмотрел на товарищей.

Вопросов не последовало.

— Первый Тима, потом Клава, я прикрываю, ясно? Бегите не прямо к машине, а через соседний участок, вдоль забора. Я потом, как доберетесь, присоединюсь.

В открытую дверь черного хода пахнул холодный, насыщенный дождем и хвоей воздух. Вадим, прижимаясь к стене, сразу свернул налево, чтобы обойти дом. Обойдя угол, он проследил, как Клава и Тимур легко, как на тренировке, рванули по высокому засохшему бурьяну в обход. Малахов осмотрелся. Поленица у сарайчика, который стоял как раз напротив стенки, была хорошим укрытием для того, чтобы оттуда наблюдать, как морфы крушат входную дверь. Вадим одним рывком проскочил пространство от стены до поленицы и, скользнув за горку мокрых дров, залег. Отсюда было хорошо видно, как три морфа пытаются прорваться в домик. Малахов даже почувствовал, или, может, ему показалось, что до него долетает тяжелый мускусный запах. Три уродливых создания беспорядочно били в дверь, не обращая внимания на то, что их лапы уже разбиты в кровь и их попытки бесполезны.

Клава с Тимуром, сделав приличный круг, уже добрались до машины и ловко, одним прыжком, вскочили внутрь УАЗа. Малахов приготовился к решающему рывку, но тут увидел, что на помощь трем морфам приближаются еще несколько тварей. Они как раз прошли шлагбаум, вернее, его обломки. Вадим, понимая, что у него есть только один шанс, бросился изо всех сил, проскальзывая по мокрому грунту приусадебного участка. Новые морфы увидели его и побежали быстрее. Непонятно, правда, было, зачем им нужен Малахов. Влетев в открытую дверь внедорожника, Вадим успел ее захлопнуть в последний момент. Словно с досады один из бегущих морфов полоснул по корпусу машины когтями. От пронзительного скрежета Клава поморщилась.

— Они мне так всю машину попортят, — зло прошептала она.

Тихо взвыла турбина, Тимур перевел УАЗ в состояние боя. Навигационная панель, мигнув, сменилась панелью огневой поддержки, открылись защитные люки на крыльях, и наружу выехали пулеметы. Багажник на крыше раздвинулся вдоль длинной оси, обнажив касетную ракетную установку.

— Ну, что, поехали, — сказал Тимур, но тут все увидели, как морфы, будто предчувствуя близкую развязку, выломали все-таки дверь, провалив ее внутрь здания.

— Гера, Бай, срочно уходите! Берите пирамидку и вон из бункера! — передал по радио Малахов. — Как бахнет, обходите дом — и к нам!

— Бункер выдержит? — тихо спросил Тимур.

— Я думаю, одну-две ракеты да.

— Ну, тогда поехали. — Тимур включил системы управления огнем.

Фыркнув, оставляя за собой дымный след, ракета ринулась в дверной провал. Потом раздался глухой хлопок, и столб огня рванулся из разбитого входа в бункер. Вой, протяжный и ужасный, полный боли и безысходности, вырвался вслед за пламенем. А пламя уже втянулось в дом и пожирало его, выбив изнутри защитные щиты и оконные стекла. Потом раздался еще один хлопок, и разорванная крыша пропустила вверх столб огня и черного дыма.

— Вот и стало у Центра на одну явочную хату меньше, — раздался голос Байкалова, который как ни в чем не бывало открыл дверь машины и вальяжно втиснулся внутрь салона.

— Да, Лазненко опять выругает. — Герман присоединился к друзьям, занимая свое место рядом с Тимуром.

— Ну, выругает — не выругает, а что нам было делать? — Тимур был вполне удовлетворен проделанной работой. — Пусть вычтет из денежного содержания.

— Так, хватит базара, не хочу я, чтобы пирамидка без охраны оставалась, поехали. — Вадим отключил боевые системы «Сталкера».

Возле бывшего шлагбаума в полной растерянности стояли охранники садового кооператива. Судя по всему, они так и не успели понять, что произошло. Но когда «Сталкер» проехал мимо них, мужики из охраны совершенно автоматически сняли с голов шапки, глядя на гостей с нескрываемым подобоострастием. Дорога до Центра прошла без особых приключений, не считая того, что в сотне метров от взорванного и сожженного дома на машину налетели еще пять морфов, которых удалось искромсать в кашу пулеметами.

— Что-то сегодня не самый лучший день у сталкеров Москвы, — задумчиво сказала Клава, выруливая в гараж Центра. — Человек пятнадцать их набралось, не меньше. Как-то не заладился день у бывших обитателей Зоны.

Глава двадцать пятая

Вадим понимал важность происходящего и прямо с порога Центра отправился к Лазненко. Он стремительно взбежал по ступенькам, чуть не перевернув вездесущие ведра с краской, которые стояли вдоль коридора, как солдаты на параде, и вошел в кабинет шефа.

— О, Вадим! — обрадовался генерал. — А я как раз думал с тобой связаться. Давай, обрисуй мне ситуацию.

— Ситуация у нас, мягко говоря, хреновая, — начал Вадим, даже не присев.

— Да ты садись, я понимаю, что совсем не штатно. — Лазненко вышел из-за стола и отправился к столику у окна.

«Как в старые добрые времена», — подумал Вадим.

И вправду, как в старые добрые времена, генерал извлек из стола бутылку армянского коньяка и два стакана с подстаканниками.

— Давай выпьем, я уже совсем на пределе, — неожиданно грустно сказал Николай Петрович. — Даже поддержка президента, оказывается, ничто по сравнению с этой новой системой. Представляешь, я, оказывается, обязан этими их проклятыми транками пользоваться, а не пневмопочтой. Бл...

Лазненко еле сдержался, чтобы не выматериться. Но вместо этого просто грохнул по столику кулаком так, что стаканы жалобно звякнули в подстаканниках.

— Я не могу доверять документы особой секретности электронной почте. Я не знаю, кто стоит за внутрицентральной сетью. Все завязано на эти дурацкие сервера общего пользования. А они — ты будешь смеяться — в Штатах. Видите ли, таковы условия международного договора по финансовой помощи. Да ладно... давай, что там у вас. Почто избушку сожгли?

— А, вы в курсе...

— Ну, как же мне быть не в курсе, если оттуда в аналитический центр камера ведет прямой репортаж. Да и охрана кооператива знает, куда донести.

— Я немножко издалека начну.

— Давай сначала выпьем, а то я уже... — Николай Петрович разлил коньяк.

— Так вот, — Вадим по привычке выпил коньяк, не закусывая, — примерно через час после моего визита в фонд помощи сталкерам произошло непредвиденное. Практически все сталкеры, ну...

Малахов понял, что излагает суть дела совершенно неправильно, и запнулся. Он на несколько секунд замолк, пока не подействовал коньяк и не снял напряжение. Потом стал

говорить уже спокойно и четко.

— Сталкеры, вернувшиеся из Зоны в Москву, сегодня были скорее всего похищены и вывезены в неизвестное место. Там с ними были проведены какие-то действия, в результате которых появились морфы, они и штурмовали бункер с пирамидкой, «Голосом тьмы». С тем самым артефактом, который так привлекателен для морфов и для энампов. В итоге морфы уничтожены, пирамидка доставлена в Центр.

— Кто похитил сталкеров? Почему ты так уверен в том, что это именно энампы?

— Мы провели определенную работу по идентификации активности энампов. Мы их отслеживали по чипам. В общем, удалось составить некоторую вероятностную таблицу тех, кто входит в эту организацию. Вернее, в их клан. Так вот именно эти люди и похитили сталкеров.

— Вы их всех вычислили? Есть смысл их переловить по одному, — сказал Лазненко, доливая коньяк.

— Нет, это только безымянные индивидуальные чипы. Мы не можем идентифицировать их — это противозаконно. Настолько противозаконно, что даже мы не имеем доступа к таким данным.

— Вот же блин. — Николай Петрович выпил залпом коньяк, не дожидаясь Вадима, поморщился и занюхал спиртное стоящим на столе старым пресс-папье с ручкой в виде Тангейзера упавшего, на Венеру. Впрочем, Венеру отломал Малахов еще двадцать лет назад. — Развели демократию. Что теперь будем делать?

— Я думаю, завтрашний визит в фонд может помочь нам перейти к финальной стадии операции. И еще — надо поместить эту пирамидку куда-то, где она будет надежно защищена. Причем не только нашими людьми, но и техническими средствами. Нам ещё долго предстоит в ней разбираться, но это действительно аномальное явление. Ее действие пока просто не доступно для понимания, надо привлечь физиков.

— Андрюша, как дела? — Вадим, добравшись до дома, сразу же позвонил сыну. — Как в школе?

— Да нормально там, — голос сына был беззаботен. — Этого придурка Стасика сегодня не было, и было все спокойно.

— А что занятия, были? Ты говорил, что школа закрыта? — Вадим говорил нарочито строго.

— Ну, нет, не закрыта, просто зачем тебе ходить в школу, если дверь обгорела. У директора и без тебя сейчас столько забот с пожарными службами. Проверки всякие, — весело, ничуть не смущаясь, объяснил сын и немедленно поменял тему разговора. — А я сегодня с Вероникой вырезал нервюры! Она говорила, у тебя на работе много дел, и ты можешь только в конце недели прийти. А нервюры сразу не получались, а потом даже неплохо вышло. Это она так сказала. Бабушка нас кормила пирожками и тоже веселая была.

— Ну, хорошо, трудитесь, ты помнишь, в выходные надо сходить посмотреть, как там идет ремонт. Я думаю, что лучше вместе. — Вадиму почему-то стало очень легко от того, что Вероника с сыном вырезала нервюры и ела пирожки. И что мать тоже довольна.

— Да помню, пап, здоровско будет. Ладно, я пойду, там девятых «Трансформеров» сейчас покажут.

— Ну, давай, только не допоздна, смотри!

Малахов подержал еще некоторое время в руках телефонную трубку, потом положил ее на аппарат. На кухне он сделал себе бутерброд с ветчиной и взял из холодильника запотевшую бутылку пива. Поставив еду на маленький поднос, он перешел в ту комнату, которую всегда называл кабинетом. Он откупорил пиво, сделал большой глоток, открыл ящик стола и достал оттуда шкатулку красного дерева. Там лежал его «Таурис», револьвер еще из Зоны. Вадим откинул барабан, посмотрел сквозь ствол на свет и достал из другого ящика набор для чистки оружия. Долго, с упорством маньяка, Малахов чистил оружие. Завтра он решил взять «Таурис», такой неуместный в городе, с собой. Что-то совершенно

неуловимо подсказывало, что ему будет нужен именно этот револьвер.

Потом Малахов достал еще одну деревянную длинную и узкую шкатулку. Там лежал ряд патронов к «Таурусу». С серебряными пулями. Эту шкатулку Вадим вынес из другого мира, из той жизни, которую он прожил за четыре года вне времени, вне сознания. Один за другим он вогнал патроны в барабан и защелкнул его на место. Потом достал кобуру из кожи тонкой выделки, расшитую изящным шелковым узором, и вложил в нее револьвер. Узор был необычный и непонятный. Малахов не вспомнил язык, на котором он тогда говорил, скорее всего этого языка никогда и не существовало на Земле. На этой Земле. Еще десяток патронов Вадим аккуратно уложил в перезаряжающие кассеты, которые сделал когда-то сам. Кобура болталась на спинке кресла. Вадим допил пиво, потом вскрыл еще одну бутылку, доел бутерброд и отправился спать. До начала операции было десять часов. Через семь часов Малахова разбудил звонок. Звонил Герман.

— Вадим, у нас меняются обстоятельства. Только что засек, что примерно десять человек из разных мест прибыли в этот самый фонд. Я боюсь, это многовато для одного покупателя.

— Машина за мной уже выехала?

— Да, уже ждет под окнами. Я не хотел тебя будить раньше времени.

— Иду.

Вадим медленно поднялся, пытаясь собраться с мыслями. Выспаться ему не удалось, сон был неглубокий, всю ночь мучили смутные тяжелые сны. Малахов оделся, тщательно пригнал к ремню кобуру. Потом достал револьвер и еще раз заглянул в ствол.

Водитель был незнакомый молодой парень. Он сразу стал жаловаться, что сегодня не его смена, что спасибо, хоть не заставили долго ждать под подъездом. Вадим некоторое время терпел, потом достал сотовый и стал делать вид, что кому-то звонит. Парень замолчал и потом уже больше не болтал.

В Центре все уже собрались. Тельбиз объяснил, что он поставил систему в такой режим, при котором о любой активности вокруг фонда сразу сообщалось на сотовый эсэмэской. Вот это и сработало. Установленная камера наблюдения показала, что люди приезжали на автомобилях, казалось, их прибытие было хорошо организовано, машины подъезжали с одинаковым интервалом. Люди входили в помещение фонда с большими сумками.

— Скорее всего оружие. И скорее всего автоматическое, — прокомментировал Герман. — Заметно, как стволы выпирают.

— Они что, хотят там войнушку устроить? — Клава смотрела на запись с поджатыми губами, не скрывая отвращения.

— Гера, скажи, а тот самый директор фонда и его секретарша не приходили? Они где? — поинтересовался Малахов.

— Директор там, секретарша не приходила, — ответил Тельбиз.

Он держал сейчас в голове каждое перемещение внутри и поблизости фонда.

— Надо звонить Лазненко, сценарий операции меняется. — Вадим словно отдал приказ самому себе.

Он поднял трубку красного телефона и набрал короткий номер на вращающемся диске. Николай Петрович ответил моментально, выслушал объяснение ситуации и велел ждать его приезда.

Через час, в девять ноль-ноль, автомобиль Лазненко затормозил у фонда. Генерал не захотел ехать на «Сталкере» и приехал на своей «Волге». Машины группы Малахова и командира группы спецназа стояли в тихом переулке рядом с фондом. Отсюда решено было руководить, вернее, просто наблюдать за операцией.

Малахов вместе с остальными членами группы следил за происходящим на дисплее внутри УАЗа, куда сводились данные с камер наблюдения, установленных спецназом, и с личных камер бойцов. В девять десять бронетранспортер подъехал вплотную к подъезду

особняка, где располагался фонд. Из него выскочили бойцы в бронежилетах, спокойно вошли в парадное и заняли позиции по бокам от входной двери в квартиру, которую этот самый фонд снимал под офис. Одновременно несколько человек заняли позиции возле окон.

— Разрешите мне пойти вперед, — неожиданно произнес Малахов. — Я думаю, что могу во многом упростить операцию.

— Действуй. — Лазненко понимал, что сейчас надо полностью доверять ведение операции Вадиму. — Всем ждать команды. Не высовываться.

Малахов набрал на сотовом номер и немедленно услышал ответ — говорил директор.

— Я к вам вчера приходил по поводу взноса. Я могу быть у вас через пару минут. Пришел покупатель? — достаточно беззаботным голосом спросил он.

— Да-да, господин Нечаев, мы ждем вас! — Голос директора даже по телефону казался излишне приветливым.

— Хорошо, ждите. Я уже на подходе.

Вадим вышел из машины. В который раз проверил оружие. Кроме штатного для такой операции ПСС-2 с усиленным патроном, кобура с «Таурусом», скрытая под курткой, приятно оттягивала ремень. Малахов подумал и переложил ПСС в карман куртки. Оглянувшись на своих товарищей, которые следили за ним из машины, он пошел неспешной, расслабленной походкой по переулку, свернул на улицу к дому, где был офис. На минуту возникло ощущение, что он не в Москве, что вокруг не городские пейзажи, а злое пространство Зоны. Что он сейчас идет не по обычной городской улице, а по разбитым кварталам Припяти, мимо руин и смрадных трупов. Малахов прошел в подъезд, не обращая внимания на затаившийся спецназ, и нажал кнопку вызова на входе в офис.

Дверь открыл молодой человек в темном костюме.

— Я к директору фонда, моя фамилия Нечаев, Владимир Нечаев, — спокойно произнес Вадим.

Отсюда, с порога, не было видно, что происходит в прихожей — приемной офиса.

— Да, пожалуйста. — Молодой человек отступил в сторону, пропуская Малахова. И задержался, чтобы остаться у Вадима за спиной. Малахов сделал шаг вперед, и обстановка сразу прояснилась. В прихожей по углам и перед дверью в кабинет директора стояли вооруженные люди с каменными лицами, удивительно похожие друг на друга. Один из них, видимо, главный, произнес:

— Отдай то, что принес, — и протянул руку.

— Положите оружие на пол, — в тон ему ответил Малахов. — Тогда я гарантирую вам жизнь.

Главный охранник, не убирая протянутой руки, осклабился в гадкой улыбке. Вадим понимал, что ему не стоило даже тратить силы на уговоры. Не вынимая руки из кармана, он, как герой бандитского эпоса двадцатых годов, открыл огонь. Выстрелы, тише, чем из пневматической винтовки, последовали один за другим, словно заработал автомат. На мягкое ковровое покрытие приемной тихо упали трупы. Вадим, не теряя времени на то, чтобы убедиться в результатах выстрелов, резко повернулся к боевику, который стоял за спиной, выхватил ПСС из кармана и приставил его ко лбу охранника.

— Доложи начальству, что я тут.

Тот, демонстративно бросив на пол оружие, нетвердой рукой нажал кнопку селектора и дрожащим голосом сказал:

— Господин начальник, к вам посетитель.

Из динамика донесся сдавленный удивленный возглас.

Еще один хлопок, и боевик, удивленно глянув на Малахова, сполз на пол...

Спрятав ПСС, он достал «Таурус», ударом ноги раскрыл дверь и вошел в кабинет. Там за столом сидел Владимир Константинович, неловко, словно первый раз в жизни, держа пистолет. Вадим, не задумываясь ни на секунду, выстрелил. Пуля вышибла оружие из руки Славомирского, он заорал от боли. Выстрел из револьвера, громкий и неожиданный, заставил спецназ пойти на штурм — в коридоре загрохотали быстрые шаги, раздалась

беспорядочные выстрелы, видимо, вычищали остальные помещения. В кабинет влетели спецназовцы, но Вадим остановил их движением руки.

— Здесь все под контролем, я должен допросить. — И жестом отослал всех из помещения.

— Зря ты, Малахов, все это затеял, — зло прошипел Славомирский.

— Вы, оказывается, уже хорошо информированы, — удивился Вадим. — Интересно, откуда у вас сведения?

— Вас узнала Сильвия Тарантини, — осклабился директор фонда. — Так что все ваши игры с символами — верный проигрыш. Мы теперь знаем, где они. И поверьте, сил, чтобы получить их, у нас предостаточно. И сил, и возможностей.

— А зачем они вам? Без символов... э... веры никак? Шаманить хочется?

— Не смешите, вам все равно не понять. Нет, не так. Вы-то, конечно, поймете, но вот узнать не успеете. Зовите своих дуболомов, я больше ничего не скажу.

— А вы не строите из себя героя, — сказал Малахов и, не оглядываясь, вышел из кабинета.

В прихожей он молча кивнул спецназовцам — мол, забирайте.

— Вадим, какого черта? — закричал на Малахова Лазненко, как только его увидел. — Ты почему не взял с собой рацию? Мы что, должны были ждать, когда тебя оттуда вынесут ногами вперед?

А вокруг была обычная суeta, которой оканчиваются силовые операции. Люди в бронежилетах входили и выходили из здания, грузили в «скорые» тела в черных пластиковых чехлах, на противоположной стороне улицы начали скапливаться зеваки. Двое корреспондентов с телекамерой расспрашивали какого-то армейского чина. До Малахова доносились только обрывки интервью и слова о контртеррористической операции против сенегальских сепаратистов.

— Ой, и вправду. — Вадим ощупал шею и не нашел гарнитуры. — Я, наверное, потерял.

— Малахов, вот только не надо мне говорить, что ты потерял штатное оборудование. Впервые за годы службы. Так что там? — уже мирно спросил Лазненко.

— Там была небольшая кучка боевиков. Ребята поддержки их, по-моему, убрали всех, ну а директора фонда взяли. К сожалению, они, эти фондовцы, знают слишком много. По крайней мере меня они вычислили. И еще, что совсем нехорошо, одна дама из старого руководства их Ордена, оказалось, выжила после того, как я с ними в Зоне встретился. Значит, в ближайшее время у нас могут появиться большие проблемы. Если не найдем ее и их логово, — ответил Вадим.

— Ладно, поехали, поработайте с этим чертом в Центре. — Лазненко пошел к своей машине.

— Ну и что, ты же сам сбросил гарнитуру, я видела, — первым делом спросила Клава, когда Малахов устроился на своем месте в УАЗе. — Это правда была не самая лучшая идея.

— Клава, я не был уверен, что то, что скажут там, внутри этого офиса, можно знать всем. Ты помнишь, я тебе рассказывал о... Ладно, я просто знал, что все будет хорошо, — сказал Вадим и обратился к группе: — Ну, что, поехали, побеседуем с энампом в наших, домашних условиях. Дима, у тебя есть несколько серебряных пуль или, там, хотя бы вилок?

— Я их и без серебра душил и душить буду, — веско ответил Байкалов. — Тем более, такую шушеру.

— Я боюсь, что нам еще предстоит встреча не с шушерой. Сильвия Тарантини, судя по всему, тогда в Зоне выжила. Наверное, у меня рука дрогнула из жалости, — сказал Малахов, обернувшись к Баю. — Это она меня и опознала.

— Н-да... — мрачно бросил Бай. — Ну, ладно, и не таких...

Дорога до самого Центра проходила в полном молчании. Настроенная на волну спецназа рация время от времени хрипела короткими командами с места недавней операции. Вадим не слушал их, мыслями он был далеко отсюда, в своем мире коллективного

сознательного, и пытался сложить мозаику из воспоминаний того, что было когда-то и случилось сегодня. Но в этой головоломке были только белые кусочки, неотличимые один от другого рисунком, только очертаниями.

Глава двадцать шестая

— Я не скажу ни слова, — неуверенно произнес Славомирский, пытаюсь вжаться в стул, к которому он был прикован наручниками.

Неизвестно, кто проектировал комнаты повышенной защиты, вернее, камеры предварительного задержания, в подвалах Центра. Чья буйная фантазия снабдила вполне комфортабельные помещения жуткими, толщиной в пятнадцать сантиметров, дверями, изначально уже покрашенными десятью слоями зеленой краски. Несмотря на то, что дверь была оснащена электронным доводчиком и цифровым замком, в ней было оборудовано маленькое окошко для выдачи пищи. И даже наличие современного туалета не отменяло присутствие бутафорской парашу у входа. Видимо, эти внешние детали привели пленника в тревожное состояние, и когда Клава хорошо рассчитанным ударом ноги распахнула дверь в камеру, он от испуга поджал ноги и нервно загремел кандалами.

— Ути-пути-пути. — Клава издевательски подразнила пальцем Славомирского. — А мы ничего и не спросим, правда, Тимур?

— А мы хотим что-то спрашивать? — Рымжанов взял с пола большой баул, который принес с собой, и стал раскладывать на столе, покрытом оцинкованным железом, хирургические инструменты.

Дизайнер камеры, видимо, когда-то очень гордился этим элементом декора — цинковым столом с желобом для стока жидкости по периметру.

— Это что? — Голос у Владимира Константиновича дрогнул.

— Это? — Тимур поднял в руке инструмент. — Мозговой нож Вирхова с обоюдоострым лезвием.

— Зачем? — еле вымолвил пленник.

Но, казалось, Тимур не расслышал вопроса и продолжил демонстрацию инструментов.

— Вот это бритва обыкновенная для рассечения спинного мозга. — Он показал Славомирскому обычную опасную бритву. — Очень удобно в деле. А вот это рахиотом Гелли для перекусывания задних дужек позвонков.

— Зачем это вам нужно? — спросил заключенный и нервно заерзал. — Вы что?!

— Ну как зачем? Перекусывать задние дужки позвонков. Вы знаете, когда я работал врачом в Зоне, многому научился. И главное, ведь не теряют сознание! Больно, правда, но зато жизни пациента не грозит быстрая смерть. Главное — он не может неосторожными движениями нанести себе вред. Или, вот, например, — Тимур с особым энтузиазмом стал рыться в бауле, — вот эта узкая заостренная пила для выпиливания фрагментов из плоских костей, например, из основания черепа. Ведь как интересно — можно отпилить кусочек берцовой кости и не повредить артерии. Правда, замечательно?

— Вы нарочно пытаетесь меня запугать, — заключил Славомирский и попытался придать своему лицу горделивый вид. — Я не поддаюсь на провокации.

— Да? Да какая там провокация! Вот, это, правда, из другого набора, нож кастрационный, экстрактивный. Правда, очень похож на ножницы, но все равно... Клава, разрежь ему штаны, а то у меня руки в стерильных перчатках, испачкаюсь, инфекцию занесу.

Клава не спеша пошла к другому столу:

— Сейчас, мне тоже надо найти инструмент, я же, как ты, с ножами не хожу. Мне ножницы нужны.

— Давай, а пока я вам покажу свой любимый инструмент краниотом — тупой топорик для откалывания надпиленной крышки черепа. Вы знаете, если у человека череп вскрыт аккуратно, то с мозгом можно делать забавные вещи, а пациент даже не почувствует боли.

— Ублюдки, варвары! — заорал пленный, покрывшись холодным потом.

— Почему варвары, вот посмотрите, маятниковая пила. — Тимур извлек из необъятного баула большой инструмент.

Пила была похожа на миниатюрную болгарку, у которой рабочая часть позволяла использовать не только дисковую пилу, но еще и множество разных насадок, которые Тимур и стал незамедлительно выкладывать на стол.

— Фреза такой пилы не вращается, а совершает колебания с ограниченной амплитудой. В результате обеспечивается высокая безопасность при работе. Во-первых, нет риска поцарапаться, это же ведь больно! Мягкие ткани и волосы не наматываются на ось и не препятствуют процессу обработки костей. Но это уже на крайний случай. А сейчас мы воспользуемся большим ампутационным ножом. Он еще называется хлеботорез!

Тимур вытащил, нож очень похожий на обычный мясницкий.

— Он называется хлеботорезом, потому что он на самом деле больше, чем ширина стандартного батона, — старательно объяснял Тимур Славомирскому. — Правда, здорово?

Почему-то Владимир Константинович незамедлительно согласился, кивнув в ответ.

— Вот смотрите, мне очень нравится этот трюк! — Тимур положил на стол деревянную разделочную доску, несколько морковин и небольшие металлические скобы.

Он аккуратно разложил на доске морковки веером, как пальцы человеческой ладони, потом с помощью обычного слесарного молотка и набора железных скоб закрепил каждую морковину у хвостика.

— Смотрите, я специально учился этому! — Рымжанов посмотрел на подопытного и взял в руки ампутационный нож.

Быстрыми движениями он стал молотить по морковке, начиная с кончика. Маленькие красные кругляши отлетали один за другим. Пленный, который и так был бледен, теперь позеленел, закрыл глаза и осел на стуле. От падения на пол его спасло только то, что он был прикован наручниками.

— Ну, ты, по-моему, переигрываешь, — сказала Клава, смачивая кусок ваты нашатырным спиртом.

— Подожди, Клава, я еще не закончил. — У Тимура возникла новая идея. — Сейчас я ему хеллоуин устрою.

Он порывшись в бауле, достал оттуда бинт и пластиковый флакончик.

— У меня тут краска на всякий случай приготовлена. Я давно к такой инсценировке готовился.

Рымжанов замотал одну руку Славомирского бинтом, обильно полил ее жидкостью, очень напоминающей кровь, и разбрызгал краску по полу. Потом перетянул в плече руку жгутом у все еще бессознательного пациента.

— Давай, приводи его в чувство, — весело сказал он Клаве. — Посмотрим, как он теперь упираться будет.

Славомирский дернулся от запаха нашатыря и открыл глаза. Безумным взглядом он посмотрел на свою руку и простонал:

— Мне не больно...

— Конечно, сейчас у вас болевой шок. Но потом заболит. И даже если вы окажетесь сговорчивым и выйдете отсюда живым, фантомные боли на месте пальцев будут вас все равно мучить. Итак, мы продолжим, или вы все-таки начнете говорить?

— Вы мне руку уродовали, пока я был без сознания? Вы не люди! — По щекам пленного потекли слезы.

— Нет, у вас просто амнезия от болевого шока, — вмешалась Клава. — Так у нас будет разговор или нет?

— Я сейчас лишусь сознания от потери крови, — дрожащим голосом произнес Владимир Константинович, с ужасом глядя на плотно забинтованную руку.

— Я дам вам таблетку, у вас силы появятся, и боль придет гораздо позже, хорошо?

— Дайте, — немедленно согласился пленник, продолжая озираться вокруг.

Клава поднесла стакан воды и красную блестящую пилюлю. Расплескивая воду,

Славомирский запил таблетку.

— Итак, — начал Тимур допрос, — что произошло вчера со сталкерами?

— Нам необходимо было форсировать поиск символа. Стало ясно, что вы уже его нашли, но мы были обязаны получить его обратно. Это наше по праву владения!

— Что вы сделали со сталкерами? — повторил Тимур.

— С ними такое делается без труда. Как только они теряют психическое равновесие, из них прет Зона. Вы что, думаете, то, что они побыли там столько времени, на них никак не сказывается?

— Как именно сказывается? — спросила Клава, голос у нее был строгий и холодный, словно у женщины вообще не было никаких эмоций. — Что происходит?

— Сталкеры — это высшее создание Зоны, это самые главные ее артефакты. Но все дело в том, что они не понимают этого и, как правило, не управляют своими способностями...

Владимир Константинович не замечал, что он говорит спокойно и свободно. Бледность на его лице прошла, и он, казалось, не обращал внимания на свою псевдопокалеченную руку. Психотропное средство, которое ему дала Клава, работало прекрасно.

— Так что вы хотите сказать? Вы знаете все способности сталкеров? — Тимур сел поближе к Славомирскому.

— Не все. Я могу точно сказать, что модифицировать своих, ну, как бы сказать, собеседников в определенной ситуации они могут.

— И что произошло вчера?

— Мы их собрали у нас... у нас, в одном месте, и поработали с ними. Ваш Малахов, насколько я знаю, в курсе, на что способны сильные члены нашего Ордена. Привести несчастного сталкера в неконтролируемое состояние ярости не представляется чем-то сложным. Его начинает так плющить, что он превращает первого попавшегося на его пути человека в неконгруэнтный объект.

— Мы их называем морфами, — добавил Тимур.

— А где вы взяли вчера столько... собеседников, как вы выразились? — спросила Клава.

— Ну и это просто, — спокойно протянул Славомирский. — У нашего Ордена столько, как бы сказать лучше, желающих вступить в него. Молодые люди часто не осознают, что у них нет ни малейших задатков и шансов стать членами Ордена. Но что же, лишать себя такого обширного рабочего материала? Совершенно неразумно.

Пленный за разговором, казалось, забыл и о потерянных пальцах и о страшных пытках и вообще выглядел вполне довольным.

— То есть вы использовали молодых людей как пушечное, вернее, монстрическое мясо? — Тимур возмутился.

— Ну, вы же не думаете, откуда у вас цыпленок в супе, правильно? Для нас все, кто не является настоящим энамптом, настоящим благородным вампиром, если хотите — это просто пища. Пища! — Владимир Константинович сделал движение челюстью, словно что-то пережевывал.

— А вы не боитесь, что найдется кто-то, кто и вас сожрет? — Рымжанова разозлила такая аналогия.

— Руки короткие, — сказал Славомирский и осекся, глянув на кровавые бинты.

— Неизвестно у кого. Конечно, тут вы правы, — хмыкнул Тимур. — А что теперь со сталкерами будет?

— Да ничего с ними не будет. Они нам на потом пригодятся. Это не расходный материал, это наше пусть небольшое, но капиталовложение. Отпустят их или уже отпустили. Вывезут подальше от места обработки и выпустят... Мы их на потом оставим...

— А зачем вам эта пирамидка? — задал следующий вопрос Тимур.

— Не пирамидка, а наш символ! Священная реликвия! — вспыхнул от негодования Славомирский.

— Хорошо. — Тимур вздохнул, словно устал от разговора. — Что такого дает вам ваша священная реликвия, кроме морального удовлетворения? Ведь не для охоты на морфов она вам нужна?

— В ней наша сила. Когда мы будем обладать всеми реликвиями, мы будем непобедимы.

Владимир Константинович, произнеся эти слова, преобразился так, словно он уже обладал реликвией и стал непобедимым. Он гордо глянул на своих тюремщиков, расправил плечи и словно шагнул в вечность с высоко поднятой головой.

— Не очень убедительно, — заметила Клава. — Кто вас побеждать-то собирается?

Пленный немедленно сник.

— Сила любого члена Ордена, когда он держит в руках символ, умножается! И если «Кость Канцлера» — это символ верховной власти, то «Зов тьмы» — это основа силы этой власти. А третий... — Тут Славомирский осекся, видимо, даже действие сыворотки правды не смогло заставить выдать великую тайну.

— Если вы о «Хрустальном черепе», то я боюсь, он пропал еще в средние века, и вряд ли его кто найдет. — Клава улыбнулась.

Вампир только сверкнул злыми глазами.

— Такие символы не пропадают, — ответил он, вложив в голос всю возможную патетику. — Прекращайте ваш бессмысленный допрос. Я уже теряю силы и скоро, чувствую, умру.

— Угу, умрешь ты у меня, сейчас! — Рымжанов поднялся со своего места и подошел к Славомирскому.

Рывком сорвал с руки допрашиваемого бинт. Директор фонда взвыл, как от нестерпимой боли. А потом мутными от страдания глазами посмотрел на руку, которую он не ожидал уже увидеть. Все было на месте, даже пальцы не сильно испачкались в красной краске.

— Вы подлые люди, — с гневом сказал он. — Вы подлые, неблагородные люди. Нельзя обманом добиваться своего!

— Да? — удивился Тимур. — Ну ладно, если ты настаиваешь...

Он взял в руки ампутационную пилу и подошел к вампиру.

— Тебе какую руку? Левую или правую? Или, может, сразу ногу? Чтобы все честно?

— Я на ваши уловки уже не поддамся, — гордо, довольный тем, что рука цела, ответил Славомирский.

— У вас есть определенное место, где вы проводите свои собрания? — Клава спросила так, словно ничего не произошло. — Ответьте на простой вопрос.

— Мы собираемся на Кафедре, зачем вам она? — встревожился Владимир Константинович, считавший, что вопросов уже не будет.

— Да, я забыла, вы действительно свои капища кафедрами называете. Так где она?

— Вот на это я никогда не отвечу. Я себе не враг.

— А что же, хотите, чтобы разговор пошел по первоначально предложенному сценарию? — с иронией спросила Клава. — Я вам гарантирую. Инструменты, которые принес мой коллега, уже не раз были в деле.

— Не смешите меня, дама. Есть некие знания, разглашение которых меня просто убьет, — скривился Славомирский.

— Вы про психоблок? — Допрашиваемый встрепенулся, он не ожидал, что об этом догадывались.

— Да, можно это и так назвать, — кивнул он обреченно.

— Ладно, отдохни немного. — Клава решила прервать допрос и обсудить дальнейшую тактику. — Вас отведут в камеру. И не вздумайте ваши вампирские способности тут использовать. У нас персонал тренированный. Стреляют на поражение без церемоний.

Через минуту охрана увела Славомирского, а Клава отправилась к Малахову.

Глава двадцать седьмая

— Вадим, все-таки почему ты не взял рацию? — Клава, сидя в глубоком гостевом кресле в кабинете Вадима приходила в себя после допроса Славомирского при помощи коньяка. — Ты сказал такую странную фразу...

— Ты помнишь наш давний разговор, ну... — Вадим замялся, — о коллективном сознательном? О том, что там, вне времени, вне пространства, я пережил многое. И то, что было, и то, что будет. Так вот, уже сидя в машине, перед тем как спецназ должен был начать штурм, я вспомнил — ведь это уже было. И я знал, чем это все закончится. Должен был пойти я — и тогда операция гарантированно завершилась бы так, как и вышло. Зачем испытывать судьбу?

— А ты абсолютно уверен, что все должно было произойти именно так? Что все предопределено?

— Ну, я не знаю про все, но вот... Вот смотри, я пережил будущее, оно уже произошло для меня. И изменить его невозможно. Будущее уже было!

— А ты пробовал изменить? Может, не надо было стрелять в этих несчастных боевиков? — Клава говорила спокойно, но в голосе нет-нет, да и проскальзывала тревога. — Вадим, ты понимаешь, что с такой памятью ты сожжешь себя? Надо раз и навсегда понять, что то, что еще не произошло в нашей жизни, — не произойдет. Мы в силах менять будущее, как хотим.

Вадим сломал карандаш, который все время вертел в руке, посмотрел на половинки и отшвырнул их в угол кабинета.

— Но ведь сегодня получилось именно так, как я видел, как я помню. — Он ткнул пальцем себе в грудь.

— И поэтому ты снял рацию?

— Да, потому что я помню, что тогда я ее тоже снял!

— Зачем?

— Не знаю. — Вадим наморщил лоб. — Не помню.

— Но ты поступил так, потому что... — Клава словно подталкивала Малахова к ответу.

— Потому что я знал, что я должен так поступить, — развел руками Вадим.

— Ты боишься изменить будущее?

— Нет, Клава, — голос Малахова дрогнул. — Я просто боюсь того, что будет.

— Чего? Орды инопланетных агрессоров? Смерть человечества, что еще? Смертельный вирус, метеорит? — Клава резко поставила бокал на столик, так что коньяк расплескался. — Что такое случится, чего мы не можем изменить?

— Нет, не надо об этом... — Вадим взял себя в руки и прогнал тревожные воспоминания подальше. И уже нормальным голосом продолжил: — А где Байкалов?

— Он вдруг заявил, что устал ездить на багажном сиденье «Сталкера», что это понижает его мотивацию, и ушел. В неизвестном направлении. Он так и сказал — я уйду в неизвестном направлении.

— Блин, дисциплина. Я надеялся, что он поможет в беседе с этим пленным вампиром. — Вадим стукнул кулаком по колену. — Все-таки многолетний опыт, и если не врет, все его предки этим занимались.

— Сейчас Тимур придет, мы тебе подробно расскажем, что нам удалось узнать, — попыталась успокоить его Клава. — Я бы хотела, чтобы Тимур участвовал в рассказе, он там хорошо вложился в работу.

Тут словно нарочно, коротко стукнув в дверь, вошли Тимур с Германом.

— Ну, что, не врал этот наш клиент! — Тимур начал рассказ прямо с порога. — Гера проверил, все сталкеры уже по домам отправились. Придется с ними активно поработать.

— Подожди, мы Вадиму еще не рассказали всего, что вытащили из этого типа, — остановила его Клава.

— В общем, квинтэссенция того, что мы выколотили из начальника фонда помощи детям сталкеров Владимира Константиновича Славомирского, весьма интересна, — продолжил Тимур. — Во-первых, как в общем-то мы и догадывались, сталкеры способны влиять на собеседника радикальным образом, превращая его в морфа. Это вроде благоприобретенного в Зоне дара. Как сказал Славомирский, сталкер — самый ценный артефакт Зоны. Второе: пирамидка им нужна все-таки не просто так, не как абстрактный символ Ордена. Если верить Славомирскому, с помощью этой штуки они значительно усиливают свои способности. Третье, найти Кафедру, как он назвал их главный офис, он нам не помог. Сослался на психоблок.

— Да, очень похоже, он не врал, — добавила Клава. — Был совершенно четкий посыл от него, что даже под пытками, страшными кровавыми пытками кровавого КГБ, он не проговорится. Хотя, может, и скажет, когда малодушно решит покончить с собой.

— И что вы предлагаете? — спросил Вадим.

— Ну, что... попытаться пройти сквозь психоблок у нашего пациента, — не очень уверенно сказала Клава. — Хотя, может, попробовать посмотреть, как на него действует эта самая пирамидка?

— Можно еще попробовать у него отрезать ногу, для начала левую, чтобы было не так травматично, — буркнул Малахов. — Я так понимаю, мы снова в тупике?

— Ну, они же все равно не прекратят попыток добраться до своего «Зова»? — Герман был оптимистичен. — Вот и будем их потихоньку отлавливать...

— А сколько человек они еще убьют при этом? — возразил Тимур. — Ведь они же молодым пацанам мозги пудрят, и что потом? Получим зомбированные автоматы, которых надо будет убивать?

— Сейчас, секунду. — У Малахова зазвонил сотовый. — Это моя мама, секунду.

Вадим поморщился, он очень не любил, когда на работе его беспокоили домашними делами.

— Да, мама. Слушаю! — Вадим стал говорить громче. — Мама, что там?

— Вадим... — слабый голос Анны Ивановны был еле слышен. — Они... — Дальше наступила тишина.

— Мама, что такое там? Алло!!! — Вадим растерянно оглядел окружающих. — Там что-то случилось, по-моему, ей плохо. Клава, подбросишь?

— Нет проблем, за пять минут домчим. У нее с сердцем все в порядке?

— Да, но все-таки возраст... — Вадим немедленно стал набирать номер сына. — Андрей не отвечает... Наверное, пошел гулять и телефон не взял. Надо ехать...

Малахов стремительно вышел из кабинета, Клава, не раздумывая, — за ним. Тимур с Германом переглянулись и тоже вышли следом. Никто не хотел оставлять Вадима в такой ситуации.

Машина долетела до места даже быстрее, чем за пять минут. Клава, не стеснясь, включила спецсигналы и вела так, что у дорожных полицейских выпадали изо рта свистки. Номера у «Сталкера» были узнаваемые, и ни у кого не возникло мысли остановить машину.

Вадим не стал ждать, пока опустится лифт, а стремительно взбежал, взлетел по лестнице на шестой этаж, где жила мать... Нехорошее предчувствие себя оправдало. Дверь квартиры была взломана. Ломали тараном — бронированное полотно прогнулось посередине от сильного удара. Вадим стремительно вошел в квартиру. Анна Ивановна лежала на полу без сознания... На ее лице бурой полосой запеклась кровь. Вадим поднял мать на руки и положил на диван. Анна Ивановна застонала и открыла глаза.

— Они забрали Андрюшу... — только и смогла она произнести и потеряла сознание.

— Вадим, дай я, — на плечо Малахова легла рука Тимура, — это моя работа.

— Да, конечно. — Вадим встал с колен.

Он осмотрелся и внезапно, Клава заметила сразу, резко изменился.словно весь подобрался, как будто что-то вдохнуло в него прежнюю силу и тот кураж, который был для него всегда характерен.

— Клава, немедленно свяжись с Лаззенко, объясни ситуацию, Гера, отследил чип Андрея, я сниму с камеры наблюдения запись. — Вадим побежал прочь из квартиры, вниз, туда, где находился консьерж и система видеонаблюдения.

Консьерж, отставник в офицерском кителе без погон, тихо дремал у себя в будочке на первом этаже.

— Где запись с камеры? — Малахов распахнул дверь в комнату консьержа.

— А вы кто такой? — Охранник решил проявить служебное рвение, не очень удачно выбрав момент.

Вадим левой рукой показал удостоверение, а правой потянулся к стойке аппаратуры наблюдения. Жесткий диск с записями камер слежения легко вышел из своего паза. Малахов вернулся в квартиру.

— Тимур, что?

— Все в порядке, я ввел снотворное. Легкое сотрясение. Косой удар по голове, похоже, действовал не профессионал. К счастью.

Вадим кивнул, мельком глянув на мать. Напряжение на ее лице спало, Тимур перебинтовал голову, и сейчас было понятно, что женщина просто спит.

— Гера, у тебя что?

— Ну как, чип экранировали сразу. Они все были с экранированными чипами.

— Диск с видеорегистратора прочтешь? — Малахов протянул запись.

— Нет проблем. — Гера стал доставать переходники из сумки и присоединять диск к ноутбуку. Через минуту на экране уже была картинка с камер наблюдения.

— Вот эта камера на парадном висит, наведена на дверь, вот... — Гера прокручивал запись в поисках нужного момента. — Вот. Есть!

Два человека в безликой черной одежде выходили из подъезда, один из них нес на руках неподвижного ребенка. Это был Андрей.

Вадим смотрел, стиснув зубы, не проронив ни слова.

— Вот камера другая, это подъезды к дому. — Гера показал пальцем на другое окошко на мониторе. — Вот, вот они, подходят к машине...

Тут на картинке резко изменилась ситуация. Когда похитители остановились перед большим белым внедорожником, к ним стремительно приблизилась женщина, она попыталась остановить их. Но ее хлестко ударили по лицу, схватили за руку и потащили в машину. На секунду женщина оглянулась, и Малахов ее узнал... Он молча отошел от компьютера, сел на стул и обхватил голову руками. Просидел так несколько секунд, а потом посмотрел на всех невидящим, беспомощным взглядом. Первой отреагировала Клава. Она подошла к Вадиму, похлопала его по плечу и сказала:

— Пойдем в другую комнату, поговорим, да?

— Да, — кивнул Малахов и безвольно последовал за Клавой.

— Что ты увидел? — Клава закрыла дверь в комнату Андрея, куда увела Малахова, и спросила: — Это опять что-то из того?

— Да. — Вадим пришел в себя и уже смотрел спокойно и осмысленно. — Это была Вероника. Потом будет взрыв. И она погибнет. И Андрей погибнет. Я запомнил только это. Взрыв, девушка, и там, у нее за спиной, ребенок. И еще запомнил этот ее взгляд.

— Что еще? — Клава говорила сухо и строго, как на допросе. — Почему взрыв?

— Я приеду им что-то передавать... Помню, что передо мной ахнул огненный шар, и потом... Клава, ведь я именно потому избегал Веронику, думал, что хоть как-то этим изменю предначертанное. — Голос у Малахова опять дрогнул.

— Вадим, соберись. Подумай на секунду. Ведь если все так, как ты говоришь, и будущего не изменишь, то почему мы должны безучастно смотреть на то, что происходит? Ты даже не попытаешься что-то изменить?

— А смысл? Я же уже запустил эту безумную последовательность смертей, я же уже был там!

— Вадим. Вспомни. Вспомни все! Вспомни, как твой сын пошел тебя спасать. Один

маленький мальчик, без шансов не то что на твое спасение, вообще без шансов выжить. И поверь — будущего еще не было. И не будет, если мы не вмешаемся. Встань, иди! — Клава почти закричала. — Если им дано победить, то пусть хотя бы большинство из них улетит в ад!

Вадим поднял глаза на Клаву, и на его лице появилась печальная улыбка.

— Я в одном не уверен. Я не уверен в том, в какой я реальности нахожусь. Может, это и есть та самая реальность, в которой я был? Может, я опять на короткий отрезок времени покинул коллективное сознательное или что оно там такое. Пойми, Клава, — с горечью сказал Малахов, — я уже не уверен, что я вернулся из коллективного сознательного, мне все больше кажется, что я все еще там.

Тут забренчал звонок на входной двери.

— Это к тебе, Вадим, иди.

Малахов поднялся и пошел в прихожую. Там на пороге стояли двое мужчин. Один улыбался и с какой-то глумливой миной на лице разглядывал хозяина. Второй был словно статуя — без эмоций и вообще, видимо, выполнял функции телохранителя первого.

— Вадим Петрович Малахов?

— Да, — сдержанно ответил Вадим.

— У меня для вас сообщение от ваших друзей, разрешите войти?

Вадим пропустил гостя в квартиру, горилла остался на пороге.

— Очень хорошо, что здесь ваши коллеги. То, что я скажу, касается всех.

Гость вел себя бесцеремонно. Он подвинул к себе стул и сел посреди комнаты.

— Мои друзья и, надеюсь, ваши просили передать, что они будут ждать от вас небольшую передачу в течение двух часов. Всего два предмета, я думаю, вы знаете какие. — Мужчина говорил, а сам рассматривал острые носки своих дорогих туфель. — Я надеюсь на то, что вы будете с нами сотрудничать, и мы в дальнейшем не принесем вам хлопот.

— А если нет? — холодно спросил Малахов.

— Ну, вы же знаете. — Гость достал из широкого кармана пальто блестящий револьвер и стал его вертеть в руках. — Ваш сын у нас, вдруг ему причинят боль?

Вадим резко, отработанным на тренировках движением, выхватил из кобуры «Таурус». Ахнул выстрел, и мужчина откинул назад голову с аккуратной дырочкой на лбу. Мозги и осколки черепа ударили по стене. В комнату влетел телохранитель, доставая на ходу оружие. Но Тимур, стоящий у двери в комнату, не оставил ему шансов. Со сломанной челюстью громила корчился на полу, пытаясь встать, а Тимур держал его в болевом захвате.

— Подними его, — скомандовал Малахов.

Тимур легко, как пушинку, поднял громилу, который был в два раза крупнее него.

— Вот возьми. — Вадим с гримасой отвращения подобрал с пола осколок черепа и всунул его в руку телохранителю. — И отвези своим, понял? Скажи, что переговоры мы будем вести с такой позиции.

Тот кивнул, но это движение только заставило его загудеть от боли. Покачиваясь, словно пьяный, мужчина вышел из квартиры.

— Ты не слишком резко? — спросила Клава, с удивлением глядя на Малахова. — Мне кажется, это не самый рациональный метод вести переговоры.

— Нет, я просто меняю будущее. — Вадим вытер окровавленные пальцы о пальто мертвого гостя и спросил Германа: — Ты «жучок» надежно повесил?

— Конечно.

— Тимур, отвезите вместе с Клавой маму в больницу. В нашу. Гера, проследим за этим типом? — Малахов был сдержан, в словах снова появились сила и уверенность. — Где наши службы? Что сказал Лазненко?

— Уже на подъезде. Обещали в течение нескольких минут прибыть, — ответила Клава.

Вадим стащил с дивана покрывало и накрыл труп, предварительно толкнув его так, чтобы он упал со стула на пол.

— Они мне тут условия будут диктовать, суки, — пробормотал он. — Гера, что там?

— Сигнал хороший, он в машине. Едет, судя по всему, именно туда, где обрывались сигналы с чипов. В тот район. Никому не звонил.

— А если бы и позвонил, со сломанной челюстью много не наговоришь, — вставил Тимур.

— Вы еще тут? — Вадим глянул на Клаву. — Быстро!

Рымжанов поднял Анну Ивановну на руки и вслед за Клавой вышел из квартиры.

— Гера, ты мне можешь дать свой ноут, чтобы я смог отследить, куда эта горилла едет?

— Вадим, а я что? Я тебе не нужен? Ты один хочешь их накрыть? — изумился Тельбиз. — Да и как ты поедешь?

— На такси. Такси никто не испугается, — просто объяснил Малахов.

— Да ты что?

— Гера, это мое личное дело. Семейное. А ты дожись тут прибытия людей из Центра.

— Вадим, тут есть компьютер с сетью? Я же не могу тебя отпустить и не следить за тобой.

— Да, есть, у сына в комнате.

Малахов показал Гере письменный стол сына, его ноутбук. Тельбиз запустил компьютер и стал с невероятной скоростью набирать команды. Через десять минут он установил устойчивую связь с сервером Центра. Теперь данные с «жучка», установленного на телохранителе, передавались прямо туда и могли отслеживаться и с компьютера в квартире, и с ноутбука Германа.

— Я вот что думаю... Ноут ты возьми с собой, и вот еще... — Герман достал из кармана наладонник. — Это я сам программировал, писал что-то вроде операционки. Идея взята с наладонников Зоны. Тебе проще будет с ним работать. Он держит связь с ноутбуком на сотню метров. Держи! И вот...

Герман достал из кармана продолговатый футляр.

— Это?.. — Вадим не поверил своим глазам.

— Да, очки-коммуникатор. Думаешь, я так и сдал все по возвращении из Зоны? Я не очень уверен, что они помогут на сто процентов, но в паре с наладонником...

Малахов открыл футляр и достал оттуда устройство — с виду обычные большие дымчатые очки, но как только он надел их, мир вокруг преобразился. Воспоминания пятилетней давности словно вернули его на секунду в Зону. На то, что он видел сквозь очки, накладывалась картинка из компьютера, данные по отслеживанию «жучка» — виртуальная реальность, воссозданная со встроенных в очки стереокамер, которые работали в видимом и инфракрасном диапазоне.

— К тому времени, как ты прибудешь к месту, я постараюсь подключить мейнфрейм Центра на твой коммуникатор. Извини, я же не ожидал форс-мажора. Мне надо полчаса доступа к компьютеру Центра. И санкция Лазненко. Удачи, Вадим.

Герман пожал руку Малахову. Похоже, он сомневался в хорошем исходе сегодняшних событий.

— Давай, только такси лови осторожно, ты знаешь, они такие жулики... Цену как заломят... — неуклюже пошутил Герман на прощание.

Малахов спустился по лестнице, по пути приспособившись к очкам. Казалось, совсем недавно он в таких очках прошел Зону, но вот теперь надо идти по Москве. Перезарядил на ходу револьвер, проверив заодно, что патроны в запасе еще есть.

Глава двадцать восьмая

Вадим стоял на высоком пороге и осматривался в поисках машины. Обычно таксисты всегда паслись в этих местах. В таком оживленном районе в клиентуре не было недостатка. Долго искать машину не пришлось. Прямо у парадного остановился громадный автомобиль, больше похожий на небольшой вагон. Оранжевая окраска, которая словно взрывала осеннюю серость города, подсказала Вадиму, что он знает хозяина. Боковая дверь во всю

ширину машины поднялась вверх, и знакомый голос прокричал:

— Чего стоишь, поехали! — Байкалов сидел за рулем и с удовольствием наблюдал за произведенным эффектом.

— Это что за сарай на колесах? — Малахов даже не сел, а вошел в автомобиль. Салон был как минимум двухметровой высоты, и Вадиму даже не пришлось нагибаться.

— Не сарай, а «Ситроен-Тюбик». Спецзаказ из Парижа. Такой окраски не бывает у «Ситроенов», и я полгода ждал, пока добудут оранжевый металлик...

— Так, Дима, возьми палм. — Малахов остановил жизнерадостную рекламу, протянул наладонник Германа. — Едем за этим сигналом. Ориентируешься?

— А что за спешность? Я приехал в Центр. Единственное, что смог узнать, что все поехали к твоей матери, что-то там случилось. Ну и я тоже вот...

— Дима, похищен мой сын, мама ранена. Они пытаются в качестве выкупа требовать оба артефакта. И у нас единственный на них выход — это «жучок» на одежде парламентаря. Вот за ним мы и поедem.

— Ну, поехали, — без тени колебания ответил Байкалов. — Вот так, значит...

Он посмотрел на палм, потом включил навигатор у себя на кокпите «Тюбика» и сказал:

— Ясно, он сейчас по проспекту Мира прет. Ну, по газам!

Машина неожиданно легко для своих габаритов рванулась вперед, и вот уже Бай уверенно вел свой оранжевый фургон по московским улицам.

— Вадим, активность в районе вероятного размещения Кафедры, — пришло сообщение от Германа. — Судя по всему, устраивают общий сбор. Все, кто у меня в базе данных по чипам, проявляют неожиданную мобильность.

— Ты доступ к компьютеру Центра получил? — спросил Малахов, глядя на дорогу сквозь очки.

— Еще пять минут, и я полностью переключу твой коммуникатор на него.

— Ты можешь включить режим навигации? Нам надо как можно быстрее проскочить центр города. Есть такой ресурс?

— Обижаешь! Это же разработка давняя, тут все есть. Так, секунду, тут Лазненко.

— Вадим, все в порядке? — раздался голос шефа. — Мы мобилизуем все силы. Ты там не того, не геройствуй, ладно?

— Владимир Николаевич, свяжитесь с Моисейчик, она вам изложит вкратце ситуацию. Она знает больше остальных. Так вышло. Сейчас мне нужен полный доступ к мейнфрейму, надо, чтобы нам помогли проехать как можно быстрее.

— Что для этого надо?

— Гера объяснит.

— Хорошо, передаю связь ему.

— Гера, ты картинку с очков получаешь? — спросил Вадим.

— Да, четкую и стабильную.

— Тогда держись на связи, и, пожалуйста, навигацию, — повторил просьбу Малахов.

— Вадим, как только я завяжусь на спутники, ты сам увидишь. Жди. Давайте, не гоните.

Вадим дал отбой. Через минуту стало ясно, что связь с низкоорбитальными спутниками наблюдения установлена. На картинку дороги наложилась предикативная система, теперь уже она предсказывала движение каждого автомобиля, каждую эволюцию транспорта и вообще любое изменение в дорожной ситуации. Гера переключил на себя управление светофорами по Москве, и теперь для «Тюбика» открылся сплошной зеленый коридор.

— Гера, отдаю очки Байкалову, ему за рулем будет полезней. — Малахов снял коммуникатор.

— Отдавай, но гарнитуру не снимай, я хочу не терять связь.

— Дима, надень. — Вадим протянул Байкалову очки.

— Зачем, не лето небось, я и так хорошо...

— Надень, — жестко приказал Малахов.

Бай мельком глянул на Вадима и, не отводя глаз от дороги, нацепил на нос очки.

— О, блин, что за... — возмутился Байкалов, но сразу замолчал и завертел головой. — Ага, кажется, идея понятна...

Несколько секунд он вел машину, не изменяя ни скорости, ни манеры вождения, потом, буркнув под нос что-то вроде «ага», вдавил педаль газа в пол и понесся по улице в два раза быстрее.

«Тюбик» летел так, словно на шоссе никого не было.

— Всю жизнь мечтал узнать, на что способна гидроподвеска у «Ситроенов», вот сейчас и того. — Машина заложила крутой вираж. Но системы работали четко, и салон почти не наклонился под центробежными силами. — Ага, то, что надо!

— Понакладывали, тут. — Байкалов, предупрежденный системой о лежащих полицейских, был вынужден сбросить скорость. — Только весь кайф от поездки портят.

— Дима, а что это за сундук посреди салона? — Малахов похлопал по прямоугольному ящику из рифленого железа. — Багаж?

— Да нет, я же машину не себе лично покупал, это инвентарь Центра. Так что, как обычно, пулемет Владимирова. Но в отличие от вашего «Сталкера» его на ходу не используешь. Это для стационарной работы. Не хотел я, чтобы жестянщики кузов раскурочили...

— Вадим, я боюсь, вы скоро войдете в зону, за которой я уже не отслежу чипы энампов. Будьте осторожны, — отозвался Тельбиз в наушниках.

— Выведи границу на палм. Можешь? — попросил Малахов.

— Обижаешь, — хмыкнул Гера.

На наладоннике, который Байкалов закрепил на пульте, появилась красная черта — граница, после которой уже нельзя было отследить положение врага.

— Вы сейчас свой объект увидите. Машина его будет красным отмечена, — предупредил Тельбиз.

— Дима, как только увидишь красную отметку над машиной впереди, это наш клиент.

— Понял, секунду, да вот он — внедорожник впереди. — Бай показал пальцем на черный автомобиль.

Внедорожник несся по дороге, грубо перестраиваясь и подрезая другие машины.

— Теперь не спеши. Важно себя не выдать и не упустить.

— Ну, насчет не выдать... «Тюбик» пока один на всю Москву, так что на нас сильно обращают внимание. Машина-то уникальная... — Бай был очень горд своей новой машиной.

— Вадим, вообще не выходите на визуальный контакт, я его уже отслеживаю по спутнику, так что притормозите, — раздался голос Германа. — Он уже никуда не денется.

— Он что, не экранировал чип? — удивился Байкалов.

— Ну, я думаю, когда сломана челюсть, можно нечаянно забыть, — ответил Герман. — Можете осторожно подъехать, они по адресу Маломосковская, шестнадцать, строение десять, тут два шага.

— Я дворами могу, — ответил Бай.

— Это что, они в здании Водоканала? — Вадим помнил это строение, старинный особняк из красного кирпича.

Дмитрий, сориентировавшись по навигатору, свернул с дороги в арку одного из домов. Осторожно пробравшись по дворам, он выкатил как раз к красному особняку и припарковался так, чтобы его не было видно из окон Водоканала.

— Так, никакой самостоятельности, — внезапно донесся голос Лазненко. — Малахов! Не вздумай туда лезть. Это режимное здание. Нам запретили! Туда уже «Альфа» выслана. Тем более никакой гарантии, что зало... что твой сын и Вероника там.

— Они там, Николай Петрович, — сдержанно возразил Вадим.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, — ответил Малахов, чеканя каждое слово.

— Тем более не лезь туда. Нам еще не хватало, чтобы и ты у них застрял. — В голосе

Лазненко промелькнуло легкое раздражение. — Через двадцать минут мы занимаем позиции для штурма.

Малахов выключил рацию и сказал Байкалову:

— Дима, у нас есть двадцать минут.

— Ты что? — изумился Байкалов. — Ты действительно туда полезешь?

— Я не могу тебе все рассказать, не успею. Но однажды я уже туда не полез. А теперь я полезу. Скорее всего я не выйду оттуда, я прекрасно понимаю, что там будет. Я видел... Но это единственный шанс что-то изменить. Отдай очки, они тебе уже не нужны.

Байкалов не без сожаления отдал очки коммуникатор.

— Так Гера, все, что у тебя есть по помещению, на меня передавай. Все перемещения спецназа тоже.

— Вадим, ты...

— Там Клава рядом? — Малахов не стал слушать товарища.

— Да, Вадим, я здесь, — раздался голос Клавы. — Мы уже вернулись. С мамой твоей все в порядке.

— Я все-таки решил изменить то, что будет. Потом всем расскажешь, хорошо?

— Да, я поняла, — тихо ответила Клава. — Осторожно, Вадим.

— Да, — ответил Малахов, хотя мыслями он был уже далеко.

Вадим видел благодаря очкам, что «Альфа» еще не прибыла. Машина с бойцами ехала примерно в трех километрах отсюда.

— Дима, обещай, как только я тебе дам команду, ты заведешь свою балалайку на всю катушку, хорошо? — Вадим похлопал по кожуху, скрывающему крупнокалиберный пулемет.

— Не сомневайся. Давно хочу попробовать. Как по городу покатаюсь, так и думаю, хорошо бы пулемет на машину поставить. Вот и поставил, я бронебойно-зажигательными запасся, я дума...

— Дима, я пошел, — прервал Вадим Байкалова. — На всякий случай — прощай.

Он вышел из машины, не дожидаясь, пока Байкалов поймет его слова.

Унылый осенний ветер нес по улице мокрые листья вперемешку с моросью. Малахов поднял воротник куртки и, засунув руки поглубже в карманы, неторопливо пошел в сторону особняка. Он остановился на пороге и нажал на кнопку у входа. Звонок был старомодный, круглый. Из глубины здания раздался такой же старомодный однотональный перезвон.

Никто по ту сторону не спросил «Кто там?», но через короткое время дверь открылась. На пороге стоял мужчина, совершенно лишенный типичных отличительных черт охранника. Просто безликий обитатель дома с бесстрастным лицом, которое, казалось, слепили, усреднив тысячи лиц. Охранник даже не посмотрел на Вадима, а просто отошел в сторону, пропуская его. Однако, как только Малахов переступил порог, ему в спину уткнулся ствол. Ловкие руки обыскали его и, выхватив из кобуры «Гаурус», утихомирились.

— Проходите, вас ждут, — бесстрастный голос прозвучал за спиной Малахова.

Его провели по длинному темному коридору в дальний конец особняка.

— Вам сюда, — опять раздалось сзади, и дверь перед ними распахнулась.

Это была обычная комната, даже не похожая на кабинет или приемную. Комната со скромным убранством и круглым столом посредине. За столом в глубоком потертом кресле сидела пожилая женщина.

— И что, господин Малахов, — с сильным акцентом произнесла она, — никак не ждали такой встречи?

— Я именно этой встречи и ждал, сеньора Тарантини, — ответил Вадим, ничуть не удивляясь встрече. — Очень сожалею, что в прошлый раз доставил вам беспокойство. Странно, я обычно никогда не встречаюсь с теми, в кого стрелял.

— Не стоит извинений, вы попали в платиновую брошь, она меня и спасла. — Старуха осклабилась в гадкой улыбке. — Вы сможете делом искупить тот свой проступок.

— Где мой сын? — Малахов не хотел ничего обсуждать с Сильвией. — Отпустите его и

Веронику. Только потом мы сможем о чем-то с вами говорить.

— Не будьте наивным, Малахофф. — Казалось, итальянка нарочно искажает его фамилию, это звучало, как в дешевом кинофильме про шпионов. — Я прекрасно знаю, что если вы останетесь тут в заложниках, но без семьи вы удавитесь от фанатической ненависти к нам.

— Вы путаете меня с кем-то, я никогда не был фанатиком. Я просто в своем доме собираю мусор и уничтожаю его.

— Не говорите о своем доме, я понимаю, что вы сейчас упадете на патетику.

— Да, понятно, русский не родной, — хмыкнул Вадим. — Я должен увидеть сына.

— Зачем? — искренне удивилась Сильвия.

— Я должен уви-деть сы-на, — по слогам повторил Вадим, — и Веронику. Иначе через несколько секунд ваше логово превратится в огненный ад.

— Не надо нас пугать, — ухмыльнулась дама. — Пока ваша семья у нас, с нас и пылинки не слетит.

— Тогда докажите, что она у вас, — не отставал Вадим.

Тарантини взяла в руки маленький серебряный колокольчик и церемонно позвонила. В чуть приоткрытую дверь просунулась бритая голова. Сильвия сделала неопределенный жест, голова кивнула и убралась.

— Если вы так настаиваете, — старуха злобно поджала губы.

Через минуту за дверью послышалась какая-то возня, и в комнату вошел тот самый, с бритой головой, и втащил, держа за руки, Андрея и Веронику.

— Папа! — закричал мальчик и кинулся к отцу. — Ты этого урода убей, да?

Андрей ткнул пальцем в бритого.

— Да, Андрюша, только не сейчас, — спокойно ответил Вадим. — У тебя все в порядке?

— Папа, они зачем нас держат в тюрьме? — На глазах мальчика появились слезы.

— Андрюша, послушай. — Вадим наклонился и стал говорить тихо на ухо сыну. — Пожалуйста, ничего не бойся. Ничего плохого не случится, и мы скоро все отсюда уйдем. — Вадим поднялся и посмотрел прямо в глаза вампирше. — Может, вы позволите нам побыть наедине несколько секунд? Не бойтесь, вы же сами прекрасно понимаете, что никуда мы отсюда не денемся. И я уверен, вы видите и слышите все, что происходит в этом помещении.

Сильвия молча направилась к выходу, жестом позвав за собой охранника.

— Премного благодарен, — буркнул Вадим в спину Сильвии.

Она, видимо, не поняла иронии.

— Вадим, прости, я не смогла. — Только сейчас, когда они остались одни, Вероника посмела произнести хоть слово.

— Ника, прости ты меня, — тихо произнес Вадим.

— Папа. — Андрей схватил отца за руку. — Ника хотела меня от этих гадов спасти.

— Вероника, послушай. — Вадим взял девушку за руку и перешел на шепот. — Все будет хорошо, я знаю. Только постарайся все время быть рядом с мальчиком.

Вероника ответила Вадиму легким пожатием руки. Совсем незаметным, но достаточным, чтобы маячок из руки Вадима перешел к ней. Тут открылась дверь, и в помещение вернулись Тарантини и охранник.

— Хватит уже вам беседовать, мне не нравится, что вы пытаетесь говорить так тихо, — злобно произнесла старуха. — Ты, мальчик, и ты, девушка, знайте, что ваша жизнь зависит только от этого человека. Если он выполнит нашу просьбу, то вы останетесь живы. Если нет — я думаю, для него будет самым ужасным остаться в живых после этого, зная, что мы с вами сделали.

Тарантини жестом приказала увести заложников.

— Вадим, все в порядке, — пробежало строчкой сообщение в очках-коммуникаторе, — сигнал маячка отслеживаем.

Сигнал не решились передать в микронаушник Вадима, чтобы не выдать звуком

наличие связи.

— Итак, что мы будем делать? Как и когда вы отдадите нам то, что нам нужно? Вернете то, что принадлежит нам? — с нескрываемым превосходством в голосе спросила Сильвия. — Только сразу предупреждаю — без фокусов.

— Дайте телефон, я должен связаться с начальством, — ответил Малахов.

— Вот возьмите. — Сильвия достала из стола сотовый. — Мы специально на этот случай его завели. Соедините, говорить буду я.

Вадим набрал прямой номер Лазненко. Генерал ответил немедленно и, поняв, кто с ним говорит, согласился выслушать условия.

— Я надеюсь, господин Малахов соединил меня с человеком, который действительно может что-то решать, — начала Тарантини, держа сотовый, как лягушку, двумя пальцами. — В течение двух часов вы доставляете нам сюда оба символа, и после этого мы освобождаем ваших людей.

Сказав это, Сильвия отключила сотовый и сильно, даже очень сильно для пожилой женщины, ударила им о стену, разбив аппарат вдребезги.

— Я знаю, на что способны ваши службы, поэтому я исключаю возможность отслеживать нас по этому телефону, — заявила она.

Вадим хмыкнул, понимая бесполезность таких действий.

— А какова моя роль в этом всем? — спросил он у Тарантини. — Мне что, прикажете сидеть на пороге и ждать разрешения ситуации?

— Зачем? Вы будете сидеть и ждать вместе со своим сыном и этой девушкой. Вот скажите, зачем она ввязалась?

— Вам не понять, это по другую сторону вашего мировоззрения.

— Не надо патетики. Вы действительно считаете, что мы — порождение сил зла? Смешно. Вы еще скажите, что мы похищаем и едим христианских младенцев. Люди, обладающие великим даром, всегда были и будут. И будут стремиться к нам. И каждый, у кого есть дар, — будет с нами. Даже если против нас будут такие маньяки вроде вас.

— Скорее это у вас, сеньора, приступ патетики. Если бы вы не представляли угрозу, вас бы никто не трогал. Я до сих пор хорошо помню, как вы терроризировали Зону.

— Да бросьте. Мы неуязвимы, и потому мы вечны. У нас такая замечательная молодежь подросла. Талантливые дети. Вот, кстати, как, вы думаете, мы на вашего сына вышли? Одноклассник его, Стас Ревченко, он далеко пойдет с таким потенциалом. И мы, наш Орден, сделает все для светлого будущего нашей молодежи!

— Где-то я уже слышал раньше такие речи о светлом будущем. Я знаю, чем кончаются подобные помыслы.

— Не утомляйте меня вашими словами, — старуха поморщилась. — Я думаю, пока вы посидите со своей семьей у нас в подвале. От вас там, снаружи, можно ожидать много неприятностей.

Опять зазвонил серебряный колокольчик. Пришли уже два охранника и, взяв Малахова за локти, потащили прочь. Вадим не стал сопротивляться, понимая всю бессмысленность этого. Его вывели в коридор, а оттуда по узкой лестнице провели в подвал. В этом особняке подвал оказался не обычным цокольным этажом, он скорее был похож на каземат. Из сырого холла в разные стороны расходились три тяжелые кованые двери, одну из которых и открыли охранники. Вадима грубо втолкнули внутрь камеры. Там были Вероника и Андрей.

— Вот посмотри, они в порядке, — сказал охранник Вадиму и почему-то заржал.

Но тотчас, без слов, Вадима потащили прочь и, открыв другую дверь, затолкали в совершенно пустую, такую же, как и предыдущая, камеру.

— А ты тут один посиди, можете перестукиваться. — Веселью охраны не было предела.

Малахов дождался, пока шаги охранников затихнут, и подал сигнал на очки-коммуникатор.

— Вадим! Отслеживаем тебя хорошо, — раздался голос Германа. — Вадим поднялся и

посмотрел прямо в глаза вампирше. — Маячок у Вероники тоже работает. Тут у нас есть некоторые... странности.

— Что там? — тихо, не рискуя вызвать интерес охранников, спросил Вадим.

— Мы просканировали здание. В этом особняке всего четыре человека. А совсем недавно мы зарегистрировали, что вошли в него не менее двадцати.

— Ну и?.. — нетерпеливо спросил Малахов.

— Мы тут немножко порылись, прощупали окрестности. Из здания идет подземный ход прямо в Сокольники. Это в общем-то и в старых документах упоминалось.

— То есть они отсюда уходят?

— Да... — ответил Тельбиз. — Правда, далеко не уйдут — на выход уже поехали наши люди. Ну, не совсем наши, но оттуда никто не уйдет.

— Гера, здание заминировано. И после передачи артефактов его взорвут. — Голос Вадима был сух и напряжен.

— Ты видел закладки?

— Нет, я видел... короче, скажи Клаве, что здание взорвут, как только сюда принесут то, что требуют эти... Клава поймет, откуда я это знаю.

— Вадим, ты что-то можешь сказать о минировании? — Голос Германа дрогнул. — Я займусь...

— Гера, я ничего не могу сказать о минировании, кроме того, что здесь все взлетит на воздух.

— Вадим, Клава подтвердила. Мы выезжаем!

— Кто мы? — спросил Малахов с раздражением. — Я же сказал, не приближаться!

— Я и Клава. Тимур уехал... Не уходи со связи.

— Вадим, мы готовы доставить артефакты в обмен на тебя и на заложников. Я лично передам, — раздался голос Лазненко.

— Передайте только кость и только взамен на Андрея и Веронику, — твердо ответил Малахов. — Остальное уже потом. Главное условие — передача только с одновременным освобождением заложников. Только так! И... Николай Петрович! Не рискуйте сами передавать.

— Хорошо, принято, — устало ответил генерал.

Глава двадцать девятая

Служебная машина остановилась напротив входа в красный особняк. Из нее вышел человек в черном строгом костюме. «Волга» немедленно откатила в сторону. Человек достал из кармана инкрустированную бриллиантами платиновую косточку и поднял ее над головой. Открылась парадная дверь, и на пороге появился энамп с автоматом Калашникова в руках.

— Сними пиджак и покажи, что у тебя нет оружия! — прокричал он. — Иначе ничего не будет.

Человек в костюме, не выпуская из рук артефакт, расстегнул пиджак и неловко снял его. Сам остался в белой рубашке. Никакого оружия не было видно.

— Подними брючины! — скомандовал человек на пороге.

И там оружия не нашлось. Человек с автоматом, ничего не говоря, скрылся внутри здания. Через мгновение на порог вышла Тарантини, сзади нее тот же охранник вел Андрея и Веронику.

— Давайте мне то, что принесли, — хриплым голосом приказала Сильвия.

— Освободите заложников. — Ответ переговорщика был категоричен.

— Я должна быть уверена в подлинности святыни, — так же категорично ответила старуха. — Дайте мне хотя бы прикоснуться к ней в ваших руках.

— Не давайте ей это делать! — прокричал Малахов, наблюдавший за происходящим через коммуникатор.

Но крик Малахова ничего не изменил. Старуха подошла ближе к переговорщику и

прикоснулась к его ладони. Переговорщик чуть дернулся и застыл, словно в кататоническом приступе. Лицо его резко осунулось, глаза выкатились и, окутанный легким ореолом, словно воздух вокруг него засветился, он рухнул на землю. Сильвия очень быстро для своего почтенного возраста отскочила за спину заложников. Так вместе они стали отходить, бриллиантовую косточку Тарантини крепко сжимала в руке.

— Я же говорил, — с отчаянием сказал Малахов.

Он с ужасом понимал, что никакие его шаги не уведут ситуацию от той развязки, которую он уже видел. Он слышал, как по коридору провели сына и Веронику и захлопнули за ними тяжелую дверь. Через несколько минут энампы потребуют второй артефакт, и наступит кровавая, вернее, огненная развязка.

— Вадим, вот прими картинку с видеорегистратора Тимура, — раздался в наушниках голос Германа. — Он идет к вам по подземелью. Мы все-таки нашли этот тоннель.

Малахов увидел дергающуюся картинку, она снималась на бегу. Высокий сводчатый тоннель уходил вдаль и исчезал черным размытым пятном. Камера, видимо, подсвечивалась инфракрасным источником света, поэтому изображение было практически монохромным. Вадиму удалось даже рассмотреть, что время от времени внизу мелькали когтистые звериные лапы. Тимур опять перешел в альтернативное состояние и неся по тоннелю, как страшный монстр Зоны.

— Гера, он же опять в измененном состоянии, он же ничем нам не поможет! — прокричал Вадим.

— Вадим, — на связи была Клава, — Тимур обещал, что он в таком состоянии будет очень короткий срок, но так ему будет проще проникнуть в здание.

— Клава, я только об одном прошу, Лазненко тебя послушается. Ни в коем случае не передавайте пирамидку энампам. Я боюсь, после этого мы с ними уже ничего не сможем сделать.

— Хорошо, Вадим, — раздался голос генерала, — прости, что я тебя не послушал. Я почему-то думал, что рассказы о способностях энампов слегка преувеличены.

— А со мной так вообще никто не считается? — На связь вышел Байкалов. — Я что здесь, как кукла, сидеть буду?

— Дима, подожди, — ответил Вадим. — Я скоро придумаю выход, подождите немного.

— Вадим, — опять включился Герман. — Тимур находится на месте. Судя по координатам — прямо под тобой. В твоей камере случайно нет никаких выходов вниз?

— Я бы тут сидел, да? — фыркнул Малахов. — Так, я, кажется, понимаю, что делать. Дима, твоя пушка в боевое положение быстро приводится?

— Уже приведена, — после секундной паузы ответил Байкалов.

— Как только я скажу — огонь, — дай залп по окнам верхнего этажа. Не важно, куда попадешь, важно побольше шума, понял?

— Понял, не дурак.

— Клава, что там Тимур?

— Он сидит под тобой, отхекивается. Судя по всему, никуда он обратно не восстановился. Как был крокодил волосатый, так и остался. — Клава попыталась шуткой разрядить обстановку.

— Он в таком состоянии вменяем или сожрет меня, как лягушку?

— Ну, судя по его рассказам и по тому, что он еще до входа в тоннель купил пятьдесят килограммов говядины... — отозвалась Клава. — В общем, о еде он сейчас не думает.

— Ладно, что там наша дама? Я про Тарантини.

— Вышла на связь с Лазненко, пообещала через каждые пять минут отдавать заложников. По частям, — нехотя ответил Герман.

— Ладно. Пусть Лазненко пошлет ее подальше, прошу вас, — буркнул Вадим. — Прекратите какие-либо переговоры.

— Хорошо, Вадим, — генерал был спокоен и решителен, — я надеюсь, ты знаешь, что

делаешь. Сколько человек в здании сейчас?

— Восемь.

— Всем ждать, — скомандовал Малахов.

Ждать пришлось недолго. Раздались шаги охранника по лестнице, и в крохотное окошко на двери Вадим увидел, как тот самый бритый вошел в холл подвала. Малахов немедленно забарабанил в дверь.

— Откройте, у меня важное сообщение! Откройте, — закричал он.

— Что надо? — буркнул охранник.

— Я должен передать срочно госпоже Тарантини очень важное...

— Говори мне, я передам.

— Тебе не скажу. Одно только, я знаю, где третий символ, «Хрустальный череп». Если ты меня отведешь сейчас к госпоже, то все решится быстро и мирно.

Охранник скорчил недовольную рожу, но подошел к двери и загремел запорами.

— Пошли. — Энамп, совершенно уверенный в себе, протянул руку, чтобы взять Вадима за локоть.

Малахов, вроде не сопротивляясь, безвольной походкой подошел ближе к охраннику. Отточенный удар внутренней стороной ладони в подбородок ошеломил энампа. Кроме того, указательный палец, продолжая движение, глубоко вошел в глазницу. Тихо воя от боли, громила рухнул на пол.

— Где выход в подземный ход? — Вадим за воротник поднял вампира.

Но добиться ответа было невозможно. Кровь хлестала из выдавленного глаза. От ошеломительной боли охранник ничего не понимал и только стонал, прижимая к лицу ладонь. Сквозь пальцы ручьем текла кровь. Вадим вытащил раненого в холл. И тут все стало на свои места — посередине угадывался металлический люк, ведущий вниз.

— Дима, поехали, полный шухер! — скомандовал Малахов.

Рев пулемета Владимирова было слышно даже здесь, в подвале. Вадим вытащил у охранника из кобуры пистолет, первым выстрелом прекратил страдания вампира, а вторым снес замок на люке. Словно того и ожидая, люк с грохотом отлетел в сторону, чуть не оглушив Малахова. Из глубины вылетел словно несомый неземной силой зверь. Малахов отступил. Он никак не ожидал увидеть Тимура в таком совершенно ужасающем облике. Мускулистые лапы, покрытые рельефной чешуей, только подчеркивающей силу мышц, громадная голова с устрашающими клыками, с которых капала слюна. Массивный хвост с жестким стуком бил по полу. Тимур, если его, конечно, можно было сейчас так называть, быстро осмотрелся, только зыркнул налитыми кровью глазами по углам, а потом, словно ожидая команды, лег на брюхо и положил голову на лапы. Бока зверя тяжело вздымались не от усталости, а от возбуждения.

— Тимур, если ты меня слышишь, ответь? — попытался окликнуть зверя Малахов.

Зверь, не меняя позы, тяжело вздохнул и дал отмашку хвостом.

— Тимур, я не знаю, слышишь ли ты меня, ты ли это, но я прошу об одном. Сейчас я открою вон ту дверь. — Вадим показал на камеру, где были Андрей и Вероника. — И ты уведешь их прочь по тоннелю. Как можно быстрее и дальше. Ты понял?

Зверь лежал, закрыв глаза, и дышал уже спокойно, словно не слышал и не видел того, что происходит вокруг.

— Блин, Тимур. — Вадим смотрел на Тимура с грустью. — Наверное, я все-таки себе заведу кота. Назову его Какубай. Чтобы был похож на байкаловского кота. Он мне рассказывал как-то, что у него очень умный кот. Хотя откуда у него умный кот? Так вот — я буду с Какубаем разговаривать, как с тобой. Я ему слово — а он мне хвостом в ответ виляет. Или не виляет. Не знаю... Ладно. Сиди — не рыпайся пока.

— Я не врал! — В коммуникатор ворвался сигнал от Байкалова. — Мой Марсик очень умный кот. Хоть и кастрированный.

— Ребята, вам не кажется, что вы все сошли с ума? — Клава почти крикнула.

Малахов, прекратив безумный разговор, обшарил мертвого охранника, нашел ключи и

открыл камеру, где сидели его сын и Вероника.

Мальчик немедленно кинулся к отцу.

— Папа! Я знал, что ты их всех...

— Андрюша, да! Не сомневайся. Мы их всех, конечно, скрутим. — Вадим на секунду замолчал, не зная, как объяснить сыну то, что дальше он должен иметь дело с монстром, а иначе Тимура нельзя было воспринимать. — Андрюша, Ника, только...

Но тут сын выскочил из камеры, не обращая внимания на слова отца.

— О, папа, а тут же... — Андрей обхватил руками гигантскую голову Тимура-монстра. — Это же прямо, как в Зоне. Я видел, как вот точно такой убивал сталкеров, которые меня искали, чтоб убить.

— Ну вот. Вы с ним встретились опять. Значит, он опять тебя спасет, — улыбнулся Вадим.

— Вадим, — Ника тронула Малахова за плечо, — ты можешь мне объяснить хоть что-то?

— Вероника, прости меня. — Вадим обнял девушку.

— Ника, запомни... все, что было, было на самом деле по-другому... — В голове Малахова стоял туман, но он понимал, что он говорит не те слова, которые нужны именно сейчас. — Вероника... у меня есть только один шанс спасти тебя и сына. И еще. Ты не прожила ту жизнь, что прожил я... Но, Ника, есть та жизнь, которую мы прожили вместе, я люблю тебя... Запомни, запомни навсегда, мы прожили долгую счастливую жизнь. Мы с тобой были на Марсе, нас бросало в такие... Ника... беги... остальное — не важно. Доверься Тимуру...

Вадим оттолкнул Нику, ему даже показалось, что он оттолкнул ее грубо, потом он обнял сына и, пнув носком ботинка лежащего монстра, сказал:

— Так, хватит тут валяться, Тима, теперь твоя работа!

Чудовище, как будто проснувшись, дернулось и вскочило в боевую стойку — все четыре лапы напряжены, хвост хлещет по бокам.

— Тима, если ты слышишь меня, — опять как заклятие произнес Вадим, — спаси их.

Тимур или монстр, внутри которого скрывался Тимур, тихо фыркнул, ловким движением, как будто он это делал много раз, забросил себе на спину Андрея, и мягко подхватив Веронику за талию, исчез в люке, ведущем в подземелье.

Глава тридцатая

— Вадим, на выходе из тоннеля в Сокольниках повышенная активность энампов, — доложил Герман бесстрастно, как автоответчик.

— А вы что там, сопли жуετε? — возмутился Малахов. — Нет ресурсов?

— Вадим, — опять раздался голос Лазненко. — Все силы приведены в готовность. Только... Вадим, вход в тоннель взорван. Мы не можем туда попасть. И судя по всему, навстречу Тимуру движется очень большой отряд... Они могут...

— Товарищ генерал, — может быть, впервые за многие годы службы Малахов обратился к Лазненко по званию, — сделайте все, чтобы Тимур с... с моей семьей вышел из подземелья. Все. Я отключаю связь. Дальше... дальше вечность.

Малахов сорвал очки-коммуникатор и без сожаления наступил на них.

Спокойно, словно он шел не навстречу смерти, а на званый ужин в королевском дворце, Вадим поднялся на первый этаж...

— Ну и что мы будем делать дальше? — Облокотившись о дверной косяк, в холле первого этажа стояла Сильвия и смотрела на Вадима, как на недоразумение. — И чего вы добились? Геройской смерти?

— Если я уйду вместе с последним магистром энампов, это уже будет осмысленная смерть.

— Вот нахрен ваша страна порождает таких героев? — Сильвия неожиданно показала

отличное знание языка. — Героев, подходящих только для ваших тоталитарных фильмов про Чапаева.

— А мы такие. Уроды, пьяницы и немотивированные герои. Вы нашу мотивацию никогда не поймете. Вам не дано. Вы будете читать романы о поколении «П» думать, что это имеет хоть какое-то отношение к нам...

— Нам? Носителям европейской культуры, нам, хранителям высших традиций? — Сильвия засмеялась. — Ты порождение культуры азиатской, ты функция посттоталитарной страны, ты...

— Заткнись, дура, — только и смог ответить Малахов. — Ты проиграла. Я смог уйти от предопределения.

— У вас, господин Малахофф, — Сильвия опять растянула окончание, — нет вариантов. Прощайте.

Вампирша открыла стол, достала бриллиантовую косточку и демонстративно покрутила ею перед лицом Вадима.

— Благодаря этому мы не исчезнем. — На лице старухи было написано превосходство. Она подняла в руках два предмета. Бриллиантовую кость и простую перемотанную скотчем коробочку с кнопкой. — Вот сейчас я нажму эту кнопку, и от тебя, и от меня ничего не останется. Вернее, от меня останется память, которая будет вести мой Орден вперед сквозь время, а ты? Но твоя смерть будет ужасней. Через несколько минут и твоя семья, и твой товарищ будут здесь. Ты думаешь, мы не продумали этот вариант? Да от этого высвободится такая сила, что нашему Ордену хватит на сто лет властвования!

Тарантини глухо засмеялась.

— Зачем вам смерть? Зачем вам нужна смерть невинных людей — моего сына, Вероники? Просто так, развлечение? Или месть мне? Так убили бы меня, проще бы было намного. Какая разница, если вам нужна просто энергия?

— Так, видимо, и придется сделать, — ухмыльнулась Тарантини. — Но, конечно, месть — это не наша цель. Просто, как бы это лучше вам объяснить, я хотела покончить с вами так, как должны кончать с врагами мы — высшие люди нашего Ордена.

— Ну, так разве это не касается только меня?

— Я думала, вы догадливей. Вы же знаете прекрасно, что ваша сила велика. Дважды остановить приход высшего вампира, как сделали вы, дано только тому, кто владеет великой силой. И нашей целью во всей этой операции было только одно — сломать именно вас, господин Малахов. Ввергнуть вас в такую пучину боли, в какую вы ввергли весь наш Орден, лишив его руководства, лишив его того, что могло привести нас к вершинам власти над миром. Только так мы сможем полностью использовать вас, вашу силу. Я не смогла этого сделать, пока... Но ничего, на том свете вам зачтется.

— И вы сейчас в приступе бессильной злобы взорвете меня и себя? — не поверил Малахов.

— Рука не дрогнет, — ответила Сильвия. — Но только после того, как тех, кто пытался уйти по тоннелю, вернут сюда. Вот тогда и посмотрим, что такое огонь ада.

Вадим чувствовал, что в словах старухи проскальзывает еле заметная фальшь. Подсознание в то же время говорило, что взрыв будет, будет, как и был тогда, в предыдущем варианте сегодняшнего дня. И решение, вернее, догадка появилась совершенно безумная. Но другого выхода Вадим не видел, и раздумывать не было времени. Старуха сжимала в своей сухой ладони бриллиантовую косточку. Как последнюю надежду. Время, казалось, замедлило свой бег и растянулось на бесконечные, тягучие мгновения. В последнем рывке Вадим бросился к Сильвии и выхватил у нее из рук платиновый артефакт, единственный из символов, который Орден себе вернул. И, не останавливая движения, Вадим кулаком ударил по красной кнопке. Он даже успел услышать сухой щелчок соединяющихся контактов.

Огненный смерч взлетел на том месте, где только что стоял старинный особняк красного кирпича. Огонь поднялся в небо и потом упал вниз ослепительным шаром...

Глава тридцать первая

— Клава, я понимаю, что сейчас не самое лучшее время поговорить об этом, но... — Лазненко замялся. — Но я считаю, что лучшим руководителем группы «Табигон» будешь ты.

— Я приму любое решение руководства, — уклончиво ответила Клава. — Хотя сейчас не самое лучшее время говорить об этом, согласна.

— Хорошо, обсудим чуть позже... — согласился Лазненко.

Клава прошла по гулким пустым коридорам Центра и, поколебавшись, зашла к Тимуру. Рымжанов сгребал свои вещи из письменного стола в большую коробку.

— Тима, ты что задумал?

— Я уйду, Клава, прости. Нет никакого смысла больше. Я вообще не вижу ни в чем никакого смысла. Я уйду. Вернее, возвращаюсь. В Зону.

— Опять будешь несчастных и убогих врачевать? — Голос у Клавы за последние дни словно изменился, стал жестче. — Думаешь, только им нужна твоя помощь? А может, не только им?

— Я и говорю, ничего никому не надо...

— Ребята, вы тут? — В кабинет вошел Герман. — Тут у меня какая-то ерунда получилась.

— Только у тебя? — с сарказмом спросила Клава.

— И у меня. В общем, я пересматривал дела наши и нашел некоторую нестыковку...

— Ну? — недовольно спросил Тимур.

Он подошел к Герману, который держал в руках планшет, видимо, с той самой нестыковкой.

— Одно из первых дел, когда погиб сталкер, его расследовал полицейский со смешной фамилией Хрусталева.

— Ничего смешного, — ответила Клава.

— Да ладно, — поморщился Гера. — Короче, там в итоге не было морфа. Была странная девушка, которая разорвала голыми руками сталкера поперек живота.

— Ну и что это меняет? — спросил Рымжанов. — Кому теперь это надо?

— Бай очень заинтересовался этим сегодня и пошел на встречу со следом или кто он там... Ну и...

— Что — и?

— Ну, в общем, Байкалов пропал. Вернее, не пропал, а его захватили какие-то люди. Я только по чипу и смог отследить.

— Что значит захватили? — в один голос спросили Тимур и Клава.

— Ну как, человек не выходит на связь и постоянно находится внутри помещения.

— Адрес есть?

— Ну что вы, ребята, совсем меня за пацана держите?

— Клава, «Сталкер» отстранили после... ну, после взрыва? — спросил Тимур, отставив в сторону свою коробку.

— На скорость не влияет, оружейные люки не заблокированы, говори, куда ехать, — решительно ответила Клава.

— Тогда поехали, не бросать же Бая там, хоть он и гад, — сказал Тимур.

— А почему гад? — не понял Герман.

— А потому, что у него машина не как у всех... оранжевый металлик.

Добраться до места, где находился Байкалов, удалось за пятнадцать минут. «Сталкер» остановился у входа в обычное административное здание с безликой вывеской «Управление по самоуправлению детских садов Москвы при ГорОНО».

— Ну и контора, — буркнул Тимур. — Будем выяснять, что это за ОНО?

— Да ну их, — фыркнула Клава. — Не до этого, пошли, ребята.

Она, не дожидаясь товарищей, вытащила откуда-то из-под руля, из тайного хранилища,

древний ТТ, неизвестно откуда у нее взявшийся, и зашагала к входу в странную контору. Тимур опередил Клаву и рывком распахнул дверь. Друзья стремительно ворвались в помещение и оторопели. За невзрачной дверью, облезлой и скрипящей, находился холл, оборудованный по последнему слову офисного искусства. Круглая стойка, громадный экран на всю стену и три охранника с автоматами в руках. Казалось, охрана была давно готова и ждала визитеров во всеоружии.

— Не двигаться, оружие на пол! — рявкнул охранник.

Ни вооруженные люди, ни их решительность никак не вязались с управлением детскими садами. Соппротивление было совершенно бессмысленным, Клава, Тимур и Герман один за другим осторожно положили пистолеты на пол.

— Что вам здесь нужно? — раздался голос из глубины здания. В холл, обойдя охрану, вышел человек в штатском, но военной выправки. — Я полковник Взгорний Сергей Шведович, директор Центра контроля за сталкерами. Вы попытались проникнуть на территорию режимной организации да еще с оружием в руках.

— От же ж, — тихо пробурчал Тимур. — Я думаю, у нас небольшое недоразумение... Вы нашего товарища задержали, Дмитрия Байкалова.

— А-а-а! Так... — Взгорний состроил ехидную мину. — Соедините меня, пожалуйста, с Лазненко.

Он почему-то попросил об этом не свою охрану, а Клаву, скорее каким-то профессиональным чутьем поняв, что в группе главная она.

— Коля, ты что прямо... — внезапно фамильярно заговорил Взгорний в трубку. — Твои ребята совсем оборзели. Да, передаю.

Трубка вернулась к Клаве, и она услышала знакомый голос генерала, который был совсем не злым:

— Клава, что вы, в самом деле? Это же наша, ну, скажем, дружественная структура.

— Мы должны были узнать об этом последними? — Клава не скрывала раздражения. — Что это за люди?

— Это группа контроля за сталкерами, — объяснил Лазненко. — Они все время работали параллельно.

— То есть мешали нам? — перебила его Клава. — Где они были все это время? Где результаты их работы?

— Клавдия Мионовна, успокойтесь, пожалуйста, — впервые за годы службы Лазненко обратился к ней почти официально. — Мы еще не установили полностью стиль взаимодействия.

— То, что Вадим погиб, — это результат стиля взаимодействия? — зло бросила Клава. — В который раз мы попадаем на размен между ведомствами? Сколько можно играть нами, как расходным материалом?

— Нет, Клава, пойми. — Лазненко смягчился. — Во-первых, я не верю в то, что Вадим погиб... А второе — группа надзора над сталкерами никоим образом не связана с последними событиями. Отдай телефон Взгорнию. И немедленно потом ко мне.

Полковник взял из рук Клавы трубку и стал слушать. То, что ему говорили, его не радовало, но он выслушал молча и буркнул в ответ:

— Ладно.

Взгорний отдал приказ своим коллегам, и через минуту Байкалов, слегка помятый после ночи в заключении, присоединился к товарищам. Группа покинула здание. Через мгновение «Сталкер» нес их по улицам Москвы. Говорить никто не хотел. Никто не хотел думать ни о будущем, ни о настоящем.

В Центре совершенно неожиданно Лазненко ожидал группу прямо у проходной:

— Ребята, идемте ко мне, поговорим. Тут у нас...

Лазненко за последние два дня словно постарел на много лет. Казалось, то, что произошло с Вадимом, сломило его. Николай Петрович неожиданно начал сутулиться, и взгляд его, всегда острый и внимательный, теперь поблек, казалось, шеф все время смотрит в

никуда.

— Садитесь. — Генерал показал рукой на кресла. — Тут произошла одна очень неприятная вещь. Ну, во-первых, вы сами понимаете, что то, что все время параллельно с нами работала организация, контролирующая сталкеров, это просто ни в какие ворота не лезет. То, что мы были не информированы до последнего момента. Но это еще не все. — Лазненко замолчал, словно ему не хватало дыхания. — Взрыва можно было избежать. Оказывается, там, на втором этаже, находилась еще одна служба, которая тоже работала параллельно с нами. И ну, в общем, они готовили операцию по разгрому Кафедры энампов. Причем готовились они очень солидно, даже, можно сказать, нагло. Догадались в одном доме с ними устроить свой филиал.

— А осталась в Москве хоть одна контора, которая бы не дублировала наши действия? Там, Гринпис какой-нибудь, или подотдел очистки от бродячих животных? — От возмущения Байкалов даже вскочил со своего места и нервно зашагал по кабинету. — Я не могу поверить, что смерть Вадима — это результат несогласованности взаимодействия структур.

— Так вот, — Лазненко сделал вид, что не услышал Дмитрия, — этот самый Центр Управления Мутациями, как он себя называет, устроил большой скандал. Получается, что мы взорвали их филиал. Ну, в общем... ребята, вы пока пару дней постарайтесь из Центра не выходить.

— Вадим не погиб. — Клава говорила тихо, опустив глаза в пол. — Он изменил мир, и сейчас... Он с нами все равно. Сейчас. Я верю в это. Хорошо, Николай Петрович, мы затаимся. Ненадолго. Но одно я могу сказать, товарищ генерал, нас потом никто уже не остановит.

Огненный шар, гигантский и непостижимый, висел над землей. Даже привыкшие ко всему москвичи смотрели на него с ужасом. Шар был виден практически из любой точки города. Переливаясь оттенками багрового, он беззвучно вращался вокруг вертикальной оси. Несмотря на то, что размером он был с самый большой небоскреб Москва-Сити, он не источал жара, словно пламя было призрачным, как светящийся газ. И свет этого шара, казалось, погружал во тьму весь город, который замер в тревожном ожидании.

— Вероника, а папа там? — Андрей взял Веронику за руку, будто ища защиты. — Ведь оно же совсем не жаркое, может, и внутри как космическая капсула?

— Да, Андрюша, конечно! — Вероника улыбнулась. — Твой папа там. Нужно просто время, чтобы уничтожить эту сферу и спасти его.

— Да, я знаю! Только долго что-то, уже второй месяц. Вот уже и ремонт закончили, с папой мы бы уже переехали. — Андрей отвернулся, он не любил, когда видели его слезы. Но потом тайком вытер глаза и уже почти веселым голосом сказал: — Ладно, пойдем!

А идти сегодня надо было на первые летные испытания самолета. Андрей гордо нес модель, сверкающую свежей краской. Он доверил Веронике держать маленький баул с принадлежностями. Место испытаний было выбрано неспроста. Андрей настоял, чтобы это был парк недалеко от того самого красного особняка, породившего огненную сферу. Скверик как раз находился за границей оцепления, не подпуская никого близко к месту катастрофы. Андрей объяснил Веронике, что папа точно увидит самолет, и она не стала с ним спорить. Девушка старалась постоянно опекать мальчика и его бабушку. Анна Ивановна была слаба последнее время, она словно потеряла интерес к жизни.

Андрей не очень ловко залил горючее в бак самолета, поставил его на асфальт и, взяв у Вероники пульт радиоуправления, проверил в сотый раз, как рули самолета выполняют команды.

— Андрюша, давай все-таки я сделаю первый круг, посмотрю, как все работает в полете. У тебя же опыта маловато. — Вероника достала из баула стартер — устройство, которое должно запустить двигатель самолета, раскрутив его вал. — Так что ты пока поставь

обороты на минимум и жди.

Андрей не очень охотно кивнул. Взыл скоростной электромоторчик стартера, фыркнув, завелся двигатель самолета. На пронзительный вой оглянулись полицейские из оцепления. Им уже насточертело охранять явление природы, и они отвлекались на каждый посторонний звук. Ника взяла у Андрея пульт, и модель, повысив обороты, коротко разбежалась и поднялась в воздух.

— Что-то он слабо высоту набирает, — прокричала Вероника, хотя звук самолета и не заглушал ее. — Перетяжелили мы, наверное, модель.

Андрей кивнул, соглашаясь. Он уже тянул руки к пульту, ему не терпелось взять управление на себя.

— На, только никаких резких движений, помни. — Вероника, не отрывая глаз от кружащей в небе модели, отдала пульт.

Мальчик, от напряжения кусая губу, взял управление в свои руки. Сначала он попробовал поднять самолет чуть выше, не меняя его кругового полета. Но высоту набрать не удалось.

— Видишь — тяжеловат, — сказала Вероника.

— Он тяжелый, потому что там пирамидка, — вдруг сказал Андрей. — Мне Бай ее дал. Она папу освободит.

Не говоря больше ничего, мальчик развернул самолет в сторону огненной сферы и выжал полный газ. Вероника стояла, ничего не понимая. Самолет несся вдоль аллеи сквера, он уже не смог бы свернуть, не ударившись в деревья. Полицейские из оцепления увлеченно наблюдали за полетом и забыли об охраняемом объекте. Самолет шел на высоте двух метров. Уже казалось, он вот-вот пересечет охранный периметр и устремится к сфере. Но тут один из полицейских изловчился и ударом дубинки разнес самолет в щепки.

— Не-е-е-ет! — раздался крик мальчика во внезапно наступившей тишине.

Вероника увидела, как Андрей, отбросив в сторону пульт, ринулся туда, где на земле валялись обломки модели. Он бежал так, что девушке стало не по себе. Это бежал не ребенок, это был вихрь энергии, которая могла снести на своем пути все, что угодно. Мальчик добежал до обломков и поднял с земли пирамидку, Вероника уже увидела ее. Потом Андрей решительно двинулся к сфере. Один из полицейских попытался его остановить, но неведомая сила отбросила громадного мужчину от мальчика, словно это не Андрей отмахнулся от полицейского, а великан оттолкнул пушинку. Не обращая внимания ни на крики, ни на угрозы открыть огонь, он приближался к сфере, двигаясь все быстрее и быстрее. Мгновение — и мальчик исчез в огне.

Вероника повернулась и пошла по аллее прочь от этого места, от криков людей, от топота ног, от невидимого и неслышного дыхания холодного огня. Она не видела вокруг ничего и не слышала. Она даже не услышала, как кто-то за спиной закричал: «Всем уйти в укрытие, сфера растет!». Только в самом конце аллеи она наконец остановилась и оглянулась...

Киев, 2011 год